

НА ПУТИ К ГРАЖДАНСКОМУ ОБЩЕСТВУ*Научный журнал*

№ 4 (20)

2015 год

ЖУРНАЛ ЯВЛЯЕТСЯ ДИСКУССИОННОЙ ПЛОЩАДКОЙ ИНСТИТУТА ФУНДАМЕНТАЛЬНЫХ ПРАВОВЫХ И ЭКОНОМИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ В ПОЛИТИКЕ

Ответственность за содержание несут авторы публикаций

Редакционный совет:

А.Н. Ежов – президент НОУ ВПО «Институт управления» (г. Архангельск), почетный работник науки и техники РФ, почетный работник высшего профессионального образования РФ, почетный работник юстиции России, академик РАЕН, доктор экономических наук, профессор, *председатель редакционного совета*;

О.Г. Антонова – начальник Департамента образования Ивановской области;

В.В. Иванов – депутат Государственной Думы ФС РФ;

Н.Л. Ковалева – Уполномоченный по правам человека в Ивановской области;

В.А. Космач – доктор исторических наук, профессор (г. Витебск, Республика Беларусь);

А.С. Кузьмичев – председатель Ивановской городской Думы;

А. И. Малышкина – депутат Ивановской областной Думы, сопредседатель Ивановского регионального отделения Общероссийского народного фронта, доктор медицинских наук, профессор;

Д.И. Польшанский – профессор ФГБОУ ВПО «Ивановский государственный университет», доктор исторических наук, профессор;

М.П. Соболев – проректор по международным, межрегиональным отношениям и связям с общественностью НОУ ВПО «Институт управления» (г. Архангельск), член Международной организации журналистов (Брюссель);

В.А. Шарнин – ректор ФГБОУ ВПО «Ивановский государственный химико-технологический университет», доктор химических наук, профессор.

Редакционная коллегия:

А.А. Федотов – руководитель научного центра по проблемам взаимодействия власти и гражданского общества, доктор исторических наук, профессор Ивановского филиала НОУ ВПО «Институт управления» (г. Архангельск) – *председатель редакционной коллегии, главный редактор*;

К.А. Полозова, директор Ивановского филиала НОУ ВПО «Институт управления» (г. Архангельск) – *заместитель председателя редакционной коллегии*;

Т.П. Белова, кандидат философских наук, доцент ФГБОУ ВПО «Ивановский государственный университет»;

Н.А. Голикова – директор издательства НОУ ВПО «Институт управления» (г. Архангельск);

В.П. Океанский – доктор филологических наук, профессор, заведующий кафедрой культурологии и литературы Шуйского филиала ФГБОУ ВПО «Ивановский государственный университет».

СОДЕРЖАНИЕ

А. А. Федотов День народного единства как связь времен 3

ПРАВО

Б.А. Спасенников, О.Н. Яковлева Возникновение воспитательных колоний как исправительных учреждений в России 5

Б.А. Спасенников, А.М. Фумм Развитие исправительных учреждений для несовершеннолетних во второй половине XIX - начале XX вв. 10

Н.А. Болбат, Б.А. Швырев, О.В. Кудряшов Об эффекте Даннинга-Крюгера у осужденных к лишению свободы 15

Б.А. Швырев, Н.А. Болбат, О.В. Кудряшов, О.А. Дивитаева Синдром нетерпения и криминальное поведение 18

В.Г. Белоус, М.А. Стенуренко Борьба с преступлениями против общественной нравственности и морали как условие развития гражданского общества 21

С.К. Редков Исторические корни российской коррупции 25

ИСТОРИЯ

Иеромонах Михаил (Чепель) Некоторые аспекты влияния церковной реформы Петра I на жизнь Российского Православия 29

К.А. Юдин Партийно-политический контроль в сталинском СССР и Третьем Рейхе 1930-х гг.: проблемы истории и историографии 36

Протоиерей Дмитрий Сазонов Характерные черты церковно-государственных отношений с 1964 по 1982 гг. (по материалам Центральной России) 49

КУЛЬТУРОЛОГИЯ

В.П. Океанский Власть пространственного фактора в российской культурно-цивилизационной истории и метафизические особенности патриотизма в России 56

ПСИХОЛОГИЯ

Е.В. Шелкопляс Психолог, философ, демиург? О возможности и праве человека на прозрение судьбы, кармы, софийных смыслов бытия в психолого-философском консультировании несчастья 61

СОЦИОЛОГИЯ

С.С. Спановский Социальная напряженность на пути формирования гражданского общества: теоретико-методологический аспект исследования 73

ЭКОНОМИКА

А.М. Ткачева, Л.А. Зосимова Проблемы и тенденции развития розничной торговли на современном этапе 78

И.В. Шуртухина Инновационное предпринимательство: методика управления на региональном уровне 83

Е.С. Потехина, Г.А. Прякина Влияние западных санкций на состояние экономики России 89

Т.В. Ветрова, Е.С. Потехина Дифференциация экономического и социального развития регионов как причина усиления криминализации экономики страны 95

О.Ю. Гурьева Корпоративная социальная ответственность как важнейшая современная социально-экономическая категория 105

В.В. Мозговенко Оптимизация состава и структуры активов как необходимое условие эффективной деятельности предприятия 109

А.Г. Печникова Изменения законодательства, регулирующего деятельность субъектов малого бизнеса 113

ВНИМАНИЮ АВТОРОВ

Предлагаем Вам стать авторами журнала **«На пути к гражданскому обществу»**.

Журнал как научное издание имеет социально-функциональное назначение – содействие научным исследованиям, научной работе, подведение результатов научных изысканий и достижений. В статьях публикуются разные точки зрения, не всегда совпадающие с мнением редакционного совета и редакционной коллегии. Ответственность за содержание публикаций несут авторы. Редакционная коллегия оставляет за собой право отбора материалов для публикации. Рукописи, присланные в журнал, авторам не возвращаются. Авторский гонорар не выплачивается. Мы поместим научные статьи, рецензии на монографии и диссертации, переводы, обзоры конференций по историческим, политологическим, социологическим, юридическим, экономическим, религиозно-философским и иным аспектам российского и зарубежного опыта по следующим направлениям:

- ◆ государство;
- ◆ право;
- ◆ образование;
- ◆ политические партии и движения;
- ◆ социальная ответственность бизнеса;
- ◆ религиоведение;
- ◆ национальный вопрос;
- ◆ историософия и русская религиозная философия;
- ◆ политология;
- ◆ общественные организации;
- ◆ местное самоуправление;
- ◆ история;
- ◆ рецензии.

Периодичность выпуска – 4 номера журнала в год (возможен выпуск сдвоенных номеров). Издание журнала осуществляется на базе Ивановского филиала Института управления (г. Архангельск) и Научного центра по проблемам взаимодействия власти и гражданского общества.

Объем научных статей 0,5 - 1 п.л., рецензий - до 0,3 п. л.

Правила оформления.

Материалы следует выполнять в редакторах «Microsoft Word». Шрифт Times New Roman, 14 пт, выравнивание текста по ширине, красная строка 1,5 см, поля 2,5 см с каждой стороны, полуторный интервал,

Сноски на литературу указываются в квадратных скобках после цитаты. Сначала указывается номер источника, затем, после запятой, номер страницы [3, с. 36];

Сноски на несколько источников разделяются между собой точкой с запятой.

Нумерованный список литературы приводится в конце текста в алфавитном порядке. Литература на иностранных языках располагается в конце списка.

К статье следует приложить аннотацию и ключевые слова материала, черно-белую фотографию автора, сведения об авторе, которые включают фамилию, имя, отчество автора, его должность и место работы, ученую степень, телефон, e-mail.

По всем вопросам, связанным с публикацией можно обращаться по электронной почте:

aalfedotov@yandex.ru.

Журнал зарегистрирован в Управлении Федеральной службы по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций по Ивановской области

Свидетельство о регистрации средства массовой информации ПИ №ТУ37-00151 от 16 июня 2011 г.

Адрес редакции:

153032 г. Иваново, ул. Ташкентская, дом 90, литер А5

Телефон:

(4932)42-43-39, 42-43-38

Факс (4932) 42-43-39

e-mail aalfedotov@yandex.ru

Формат 60x84/8

Бумага писчая.

Гарнитура «Таймс».

Печать офсетная.

Усл. печ. л. 14,6 Уч.-изд.л. 9,73

Тираж 500 экз.

Цена свободная.

Ивановский филиал

НОУ ВПО

«ИНСТИТУТ УПРАВЛЕНИЯ»

(г. Архангельск)

153032, г. Иваново,

ул. Ташкентская, 90, литер 5 «А».

Тел./факс 42-43-39.

E-mail: ivanovomiu@yandex.ru,

www.miu-iv.ru

Отпечатано с оригинала-макета

ОАО «Информатика»

А.А. Федотов

Главный редактор научного журнала
«На пути к гражданскому обществу»,
доктор исторических наук, профессор Ивановского филиала
НОУ ВПО «Института управления»

День народного единства как связь времен

4 ноября мы отмечаем День народного единства. Нужно отметить, что еще в 1649 году указом царя Алексея Михайловича этот день чествования Казанской иконы Божией Матери был объявлен государственным праздником и оставался таковым до 1917 года. И этот праздник, восстановленный в новых исторических реалиях, вновь дает повод мысленно вернуться к событиям Смутного времени, когда казалось, что Россия как самостоятельное государство обречена на гибель вместе с большинством населяющего ее народа. Катастрофическое падение авторитета власти, частая смена высшего руководства государства, феномен самозванства, падение уровня жизни, массовый длительный голод, ставший одним из толчков к началу смуты, разгул организованной преступности, достигший таких масштабов, что «воры» (как их тогда называли) могли вести войну с центральным правительством, сепаратизм, иностранная интервенция – вот далеко не полный перечень того, с чем столкнулась Россия в годы смуты.

И в этих тяжелейших исторических условиях важнейшим фактором, обеспечившим сохранение и возрождение России, стало широкое народное движение, направленное на преодоление смуты и интервенции. Значительную роль в тех событиях сыграли люди, жившие на территории современной Ивановской области. Осенью 1608 г. польские, литовские и украинские отряды наемника гетмана Сапеги захватили эти земли, и заставили их жителей присягнуть Лжедмитрию II. Уже в декабре вспыхнуло восстание, которое в Юрьевце возглавил дворянин Федор Красный, в Реиме – крестьянин Григорий Лапша, в Холуе – торговец Илья Деньгин. Поднялись Кинешма с воеводой Федором Бобарыкиным, Плес, Мыт и другие населенные пункты. 4 ноября 1612 г. воины народного ополчения под предводительством Кузьмы Минина и Дмитрия Пожарского штурмом взяли Китай-город, освободив Москву от польских интервентов. Как отмечал в 2014 году на торжествах по случаю Дня народного единства Президент России В.В. Путин «Боль за страну, за междоусобную вражду, за безвольную власть, за предательство Родины объединила тогда людей разных национальностей и вероисповеданий».

В 1990-е годы Россия столкнулась с испытаниями, которые некоторые образно сравнивают с испытаниями Смутного времени. И в этой связи символично установление празднования Дня народного единства в 2005 году, когда наша страна уже начала делать серьезные шаги по выходу из системного кризиса, возникшего после перестройки, распада Советского Союза, разгула сепаратизма и антинародных реформ 1990-х годов. Он показывает, что Россия смогла выстоять и возродиться в еще более сложных исторических условиях; что важнейшим условием этого возрождения является консолидация патриотически настроенных сил общества.

Сегодня вызовы, перед которыми стоит наше государство, имеют иной характер, чем те, перед которыми оно стояло в 1990-е годы. Обострение геополитической обстановки в мире не напугало народ России, но наоборот стало толчком к его сплочению вокруг национального лидера страны - Владимира Владимировича Путина. Одной из форм

такой самоорганизации граждан является Общероссийский народный фронт, перед которым стоят важные задачи оказания содействия Президенту в улучшении ситуации во многих направлениях жизни страны, где люди, которые их контролируют, руководствуются в своей деятельности не интересами России.

Усиление геополитического значения России в мире встречает противодействие тех сил, которые начали считать ее страной, проигравшей в холодной войне. Политика санкций, игры с ценами на нефть и на резервные валюты, организуемые этими глобальными силами, конечно, приводит к тому, что в среднем жизнь в России, а значит и в регионах стала сложнее, чем в прошлом году. Некоторые пытаются на этом играть, чтобы вызвать недовольство властью. Но наш народ видит пример Украины, где к власти пришли так называемые «лидеры оппозиции», и во что они превратили страну.

Главное нужно понимать, что мы все не должны ждать, что кто-то за нас будет решать наши проблемы; каждый на своем месте должны осмысленно трудиться, принимать решения и нести ответственность за их последствия, своим созидательным трудом меняя реальность вокруг себя в лучшую сторону. Чем больше людей почувствуют необходимость именно такого отношения к жизни, тем лучшими будут и перспективы страны в целом.

©Федотов А.А., 2015

Б.А. Спасенников

Доктор юридических наук, профессор,
профессор кафедры уголовного права и
процесса НОУ ВПО «Институт управления»

О.Н. Яковлева

Кандидат юридических наук, доцент
научный сотрудник ФКУ НИИ
ФСИН России

Возникновение воспитательных колоний как исправительных учреждений в России

В статье анализируются особенности возникновения воспитательных колоний как нового вида исправительных учреждений в дореволюционной России.

Ключевые слова: несовершеннолетний правонарушитель, наказание, воспитанник, исправительные заведения, рабочий дом, приют.

Преступления как общественно опасные деяния сопровождают человечество на протяжении всей его истории. Не являются исключением и преступления несовершеннолетних: многие рецидивисты, как показывают современные исследования, отражающие общие закономерности генезиса преступного поведения, начинают свою преступную карьеру именно в несовершеннолетнем возрасте [7. С. 505-506]. Естественно, что рано или поздно человечество должно было прийти к мысли о создании специализированных подразделений для исправления несовершеннолетних правонарушителей.

Идея организации принудительного воспитания и исправления «беспризорной, порочной и преступной молодежи» и первые попытки реализации этой идеи в Европе относятся к XVI, а в России – к XVII-XVIII

вв. Исследователи объясняют это как природными, так и главным образом социально-экономическими факторами. Так, на исходе Средневековья в разных странах Западной Европы из-за чумы осиротело множество детей, для которых в массовом порядке создавались сиротские дома как воспитательные заведения для обездоленных. Одновременно появляются такие заведения для «порочных и преступных детей». В России в начале XVII в. разразился жесточайший голод, затем последовала освободительная война, крестьянские волнения, выступления казачества и завоеванных народов, а к середине века назрели качественные изменения в экономике (рост денежного хозяйства, развитие мануфактур и промыслов), что усугубляло положение разоренных крестьян и завоеванных народов. Неустрашенность людей вела к разрушению внутри-

семейных отношений и самих семей. Все это порождало детскую беспризорность, сиротство, нищенство и преступность.

Множество детей устремлялось в города, в частности в Москву, где при царе Федоре Алексеевиче (1661-1682) были учреждены приюты-дворы для нравственно испорченных и просто несчастных детей, которых обучали грамоте и ремеслам.

Первые попытки исправления малолетних и несовершеннолетних преступников связаны с царствованием Екатерины II (1762-1796), которое помимо прочего ознаменовалось учреждением так называемых совестных судов (в 1775-1862 гг. губернские суды, которые наряду с гражданскими делами в порядке примирительной процедуры рассматривали некоторые уголовные дела, в том числе в отношении несовершеннолетних) и приказов общественного призрения (в 1775-1864 гг. учреждения при губернаторах, ведавшие благотворительными, учебными и медицинскими заведениями) с работными домами [5. С. 27-32].

В период правления Александра II (1855-1881) при тюремных замках были открыты отделения для малолетних и несовершеннолетних преступников в целях обучения их грамоте и ремеслу. Однако все эти попытки оказались безуспешными. Поэтому позднее, в XIX в., для несовершеннолетних правонарушителей в Российской империи были учреждены специальные заведения [6. С. 52-57].

Принято считать, что первенство в организации учреждений для исправления нравственно испорченных детей и несовершеннолетних правонарушителей принадлежит прибалтийским губерниям. Однако, как показали исследования Л.И. Беляевой, первая в России земледельческая колония для малолетних бродяг была открыта в 1819 г. в гомельском имении графа Румянцева приглашенным в страну и принявшим российское подданство англичанином Яковом Гердом, впоследствии известным педагогом [2. С. 7-14].

В Гомельской колонии, рассчитанной первоначально на 50, а затем на 200 человек, дети в первой половине дня обучались грамоте, после обеда осваивали столярное, сапожное или кузнечное ремесла, а

в теплое время года были заняты земледельческим трудом. К сожалению, эта колония просуществовала недолго, прекратив свое существование после смерти графа-благотворителя.

В 1828 г. под Варшавой учреждается приют для брошенных детей, на базе которого позднее была создана колония для малолетних и несовершеннолетних преступников.

В 1839 г. близ Риги по образу и подобию «Сурового дома» в Германии было открыто заведение для нравственно испорченных и нищенствующих детей, не совершивших преступлений. Созданное при участии доктора Вихерна и принявшее первых воспитанников из его «Сурового дома», оно в отличие от предыдущих просуществовало более 50 лет.

В том же, 1839, году в исправительное заведение для несовершеннолетних был преобразован Петербургский смиренный дом. В этом заведении имелось отделение для совместного содержания преступных и порочных детей, то есть как совершивших преступления, так и подверженных нравственным порокам. В этом заведении, просуществовавшем до начала 70-х гг. XIX в., содержались дети, осужденные за совершение преступлений и приговоренные к помещению в смиренный дом [4. С. 57-61].

В 1848 г. в Нарве, а спустя два года и в Ревеле (ныне – Таллин) открылись воспитательные заведения для нравственно испорченных детей.

В 1863 г. при Симоновском монастыре в Москве был открыт приют для арестованных детей, а в следующем году заведение для исправления нравственно испорченных детей женского пола было образовано в Санкт-Петербурге.

В 1864 г. Общество распространения полезных книг открыло в Москве исправительную школу для малолетних детей, находящихся под следствием по обвинению в совершении преступлений. На основе этой небольшой школы позднее был создан приют, постепенно разросшийся в крупное заведение для несовершеннолетних правонарушителей, которое просуществовало до 1917 г.

Исследователи обращают внимание на то, что первые специальные заведения для нравственно испорченных (порочных) детей создавались без необходимых законодательных актов. Их появление относится к периоду судебных реформ второй половины XIX в. Закон об исправительных приютах для несовершеннолетних был принят в 1866 г., когда в России уже существовало несколько подобных заведений. Однако возникновение и развитие специальных исправительных учреждений для несовершеннолетних связывается не только и не столько с судебными реформами, сколько с социально-экономическими условиями в стране. Вторая половина XIX в. характеризовалась формированием в России новых капиталистических отношений, базирующихся на укреплении экономического благосостояния крупных и разорении мелких собственников, крестьян, бедственном положении рабочих. Увеличение промышленного и финансового капитала, а также сопутствующее этому обнищание народных масс вело к имущественному и социальному расслоению общества, усиливало социально-экономические конфликты. Города наполнялись маргиналами (люмпенами, бродягами и др.), не имевшими устойчивых социальных связей, семьи, дома [3. С. 10-36]. Помимо прочего это влекло за собой рост числа детей, пополнявших толпы нищих, бездомных, преступников.

Произошедшие к этому времени перемены в общественном сознании, в котором возобладала идея исправления преступников, способствовали стремлению к усовершенствованию специальных заведений для «неустроенных» детей: бродяг, нищих, бесприютных и беспризорных.

К числу первых исправительных заведений, получивших развитие после Судебной реформы 1864 г. и оценивавшихся специалистами как наилучшие не только в России, но и в Европе, относят Московский городской Рукавишниковский приют и Санкт-Петербургскую земледельческую колонию.

Рукавишниковский приют (назван по имени одного из директоров – Н.В. Рукавишникова) был основан в 1864 г. как небольшая исправительная школа, пер-

воначальное назначение которой заключалось в предоставлении убежища малолетним подследственным, а также приюта бродяжничающим и нищенствующим детям. Их обучали Закону Божию, грамоте, переплетному ремеслу. Со временем в школу стали принимать осужденных детей и подростков. С этого момента она преобразовалась в приют, устав которого был утвержден в 1868 г. Особенность данного приюта состояла в том, что по окончании срока наказания связь с воспитанниками не прекращалась, а бесприютные оставались в стенах заведения и находились под наблюдением еще в течение трех лет. Характер заведения менялся, и постепенно оно сформировалось как ремесленный приют с обучением воспитанников различным профессиям. В приюте не было деления на группы, отсутствовало коллективное руководство жизнью детей. Основную работу с ними выполняли «дядьки» из числа отставных унтер-офицеров. Все воспитанники размещались в одном доме, работали в общих мастерских под руководством наемных мастеров. По вечерам дети учились в школе, где преподавали приглашенные (приходящие) учителя. Ночью за воспитанниками наблюдал один из «дядек». Под их неусыпным контролем дети находились везде и всегда.

Санкт-Петербургская земледельческая колония в отличие от Рукавишниковского приюта была построена по образцу западноевропейских заведений. В колонии содержались дети и подростки в возрасте от 8 до 18 лет, беспризорные и нищие, а также осужденные. Некоторые из них совершали преступления неоднократно, побывали в тюрьме или воспитательном доме. Среди первых воспитанников было немало взрослых, знакомых с тюремной жизнью и ее «законами». Тем не менее к ним, как и к другим воспитанникам, подходили с оптимизмом, старались вызвать к жизни их добрые чувства, лучшие стороны и склонности. В колонии отказались от тюремных атрибутов: стражи, камер, карцеров, надзирателей и пр.

Все воспитанники делились на группы, именовавшиеся семьями, в которые включались до 15 человек при одном воспитателе. Вместе с ним семья жила в отдель-

ном домике. Для создания новой семьи из одной или нескольких старых, сложившихся, выделяли 4-5 лучших по поведению воспитанников как ядра нового семейного коллектива. Усилия педагогов направлялись при этом на сплочение новой семьи и объединение всех семей на коллективистских началах.

Вся жизнь колонии подчинялась строгому распорядку, в котором сочетались физический и умственный труд, организованный отдых. Здесь впервые в практике исправления и перевоспитания несовершеннолетних правонарушителей нашла применение теория трудового воспитания, разработанная основоположником научной педагогики в России К.Д. Ушинским (1824-1870/71). При этом труд никогда не рассматривался и не использовался в качестве наказания за проступки. Все работы по хозяйству в порядке самообслуживания выполнялись воспитанниками. Ежедневно назначались дежурные по домику, столовой. Ввиду множества обязанностей дежурный освобождался от основной работы, но не от уроков в школе.

Дети в колонии работали четыре часа, учились – пять. В зависимости от степени подготовки они делились на группы. По истечении определенного срока знания воспитанников проверялись, и они переводились в следующую группу. Директор заведения известный педагог А.Я. Герд (1841-1888) сам вел занятия, применяя новейшие достижения педагогики того времени, в том числе проблемный метод обучения. В колонии проводилась большая работа по развитию навыков самообразования подопечных, использованию книги в воспитательных целях. Показательно, что провинившихся и наказанных детей не лишали возможности читать.

Для развития чувства коллективизма воспитанники вовлекались в самоуправление, органами которого были собрания. Они проходили под руководством воспитателей, имевших равное с воспитанниками право голоса. В колонии последовательно осуществлялся принцип совместной деятельности воспитателя и подопечного: педагоги вместе с детьми участвовали в работах, играх, бывали на прогулках, посещали столо-

вую и, как уже отмечено, жили с ними в семьях (домиках) [1. С. 43].

Большое внимание уделялось индивидуальной работе с воспитанниками. Для обеспечения систематичности в этой работе велись дневники, в которых делались записи о поведении детей и подростков, составлялись их характеристики. Девизом педагогической деятельности воспитателей было нравственное возвышение детей, внушение уважения к личности человека. Исходя из этого в колонии отказались от применения телесных наказаний как вредных и антигуманных. На основании убеждения в том, что наказание должно носить нравственный характер и вытекать непосредственно из нарушения, в этом заведении сложилась следующая система наказаний: выговор; внушение; запрет работать, купаться, гулять в лесу, играть вместе с другими детьми; лишение доверия; отдача под надзор товарищей. Самым строгим наказанием было удаление в отдельный домик, которое применялось крайне редко, только для смирения буйства воспитанников. Вопрос о наказании провинившегося решался не единолично воспитателем, а с участием воспитанников, которым и предстояло решить, целесообразно ли само наказание и какой его вид избрать в каждом конкретном случае. Руководящая роль воспитателя в этом, как и в любом другом, деле не только не отрицалась, но и признавалась как один из важнейших принципов педагогической работы с несовершеннолетними правонарушителями.

Неотъемлемой частью их перевоспитания считался патронат, т.е. покровительство после выпуска из колонии. Поскольку реализация этой идеи не нашла поддержки в вышестоящих инстанциях, такая работа была организована на свой страх и риск: директор и воспитатели заботились о приискании места, оказывали материальную и моральную помощь, давали приют тем из воспитанников, которым некуда было деться по выходе из заведения.

А.Я. Герд, как один из первопроходцев дела исправительного воспитания в России, внес ряд ценных предложений по формированию и совершенствованию этой практики уже в начальный период ее ста-

новления. Так, он предлагал отделить осужденных подростков от бесприютных и нищенствующих; изменить порядок исполнения приговора, чтобы несовершеннолетние осужденные не попадали сначала в тюрьму, а сразу направлялись в колонию; организовать патронат; учредить школу для воспитателей; образовать фонд для их пенсионного обеспечения. К сожалению, ни одно из его предложений не нашло поддержки у властей.

Тем не менее, заслуга А.Я Герда в указанном деле, по справедливой оценке Л.И. Беляевой, состоит в том, что, унаследовав философско-педагогические взгляды передовых теоретиков, он сумел свести их в стройную систему и впервые применить ее в практике исправления и перевоспитания несовершеннолетних правонарушителей. Выработанная им система воспитания оказалась жизнеспособной, достаточно устойчивой и верной. Пройдя через десятилетия и применяясь во многих воспитательных заведениях, она по существу сохранилась до настоящего времени [2. С. 15-42].

Библиографический список:

1. Багреева Е.Г., Данилин Е.М. Возвращение к Макаренко. М., 2006.
2. Беляева Л.И. Воспитание несовершеннолетних правонарушителей в России: в 3 ч. – Ч. 1: Учреждения для несовершеннолетних правонарушителей в Российской империи. М., Воронеж, 2007.
3. История России: вторая половина XIX-XX век: курс лекций / под ред. Б.В. Леванова. Брянск, 1994.
4. Фумм А.М. К вопросу о ведении учета арестантов в Российской Империи (XIX-началоXX вв.) // История государства и права. 2015. № 11.
5. Фумм А.М. Уголовно-исполнительные нормы как основа пенитенциарной политики Российского государства XVIII века // Уголовно-исполнительная система: право, экономика, управление. 2014. № 4.
6. Фумм А.М. Эволюция отечественного пенитенциарного законодательства в первой половине XIX века // Актуальные вопросы образования и науки. 2015. № 3-4 (49-50).
7. Частная криминология / отв. ред. Д.А. Шестаков. СПб., 2007.

©Спасенников Б.А., Яковлева О.Н., 2015

Б.А. Спасенников

Доктор юридических наук, профессор,
профессор кафедры уголовного права и
процесса НОУ ВПО «Институт управления»

А.М. Фумм

Кандидат юридических наук, доцент
начальник отдела ФКУ НИИ ФСИН России

Развитие исправительных учреждений для несовершеннолетних во второй половине XIX - начале XX вв.

Рассматриваются основные тенденции развития исправительных учреждений для несовершеннолетних во второй половине XIX-начале XX вв.

Ключевые слова: наказание, исправительный приют, исправительные учреждения для несовершеннолетних, нищета, безработица, положение о воспитательно-исправительных заведениях для несовершеннолетних.

Судебные реформы в России, вызванные к жизни бурным развитием капитализма, проходили на фоне высокого уровня детской и подростковой преступности. При этом почти все осужденные несовершеннолетние отбывали наказание в арестных домах и тюрьмах вместе со взрослыми преступниками, что отрицательно сказывалось на нравственном развитии детей и подростков, развращало их и способствовало формированию у них качеств взрослых («привычных») преступников. Таким образом, вывод несовершеннолетних из тюрем и арестных домов, организация их воспитания в специализированных исправительных учреждениях стали назревшей необходимостью. Развитие этих учреждений началось с 70-х гг. XIX в., однако по разным причинам, в том числе ввиду недостаточного финансирования из государственной казны, шло медленно, поэтому большинство осужден-

ных детей и подростков оставались в общих местах заключения. Со временем, правда, несовершеннолетние в тюрьмах стали содержаться отдельно от взрослых, но это мало что меняло, поскольку вредное влияние на первых оказывала сама атмосфера тюремной жизни и царящие в ней порядки. К тому же полного отделения всех несовершеннолетних от взрослых преступников в тюрьмах не удалось добиться еще и в начале XX в. Исследования показывали несомненную пользу исправительных приютов. В губерниях, где их не было, преступность росла втрое быстрее.

В этой связи определенный познавательный интерес представляет деятельность Кубанского исправительного приюта для несовершеннолетних, находившегося в ведении Общества исправительных приютов, которое было образовано в 1898 г. Помощью Общества, которая оказывалась в виде

помещения в приют на полное содержание по постановлению его правления, могли воспользоваться как бесприютные дети-сироты и нищие, так и несовершеннолетние преступники, осужденные по приговорам окружного суда и мировых судей. По окончании срока пребывания в приюте им предоставлялась возможность трудоустройства в соответствии с избранной специальностью, возрастом и способностями. Воспитанники приюта («призраемые») содержались в мужском и женском отделениях, рассчитанных соответственно на 60 и 10 человек, и, наряду с обучением элементарной грамоте по программе народных училищ, получали навыки разных ремесел, способных в будущем обеспечить им средства к существованию.

Главным распорядительным органом приюта являлось правление под председательством лица духовного сословия. В состав правления входили представители от Кубанского казачьего общества, Екатеринодарских окружного суда и съезда мировых судей, городской думы, медицинского, купеческого и мещанского обществ, священнослужители, а также члены Кубанского областного попечительного о тюрьмах комитета. Такая многоликость состава правления объяснялась тем, что в стенах приюта за счет средств, указанных государственных и негосударственных учреждений, содержались дети и подростки, не имевшие права на признание в других благотворительных заведениях. Помещение в приют различных категорий несовершеннолетних, как и в случае с тюремным заключением, не могло исключить негативного влияния осужденных подростков на беспризорных сирот и детей-попрошайек, однако это было вынужденной мерой, особенно в условиях резкого снижения финансирования деятельности благотворительных заведений со стороны государства и их превращения в придаток бюрократического аппарата [3. С. 54-55].

Рост безработицы и нищенства (по данным Первой всероссийской переписи 1897 г. в стране насчитывалось около 500 тыс. профессиональных нищих) в среде беспризорных детей и подростков, отбывавших тюремное заключение, привел к тому, что во второй половине XIX в. в России

была разработана программа устройства домов трудолюбия, занимавшихся разнообразной деятельностью, – от предоставления работ нуждающимся до создания сопутствующей сети институтов призрения: сиротских домов, столовых, убежищ и дешевых квартир [4. С. 169]. Почти две трети (66 %) учреждений трудовой помощи (к 1898 г. их насчитывалось 187) находилось в ведении Попечительства о домах трудолюбия и работных домах, которое являлось одним из крупнейших благотворительных ведомств России на рубеже XIX-XX вв. Созданное в 1895 г., оно уже к 1902 г. располагало 135 домами трудолюбия с капиталом в 1126 тыс. руб. [6. С. 24]. Попечительство находилось под покровительством императрицы Александры Федоровны и имело целью действовать в привитию трудолюбия, а также оказывать поддержку дальнейшему развитию благотворительных заведений подобного рода. В задачи домов трудолюбия входило оказание помощи бывшим заключенным, бездомным, выписанным из больницы и не имеющим средств к существованию, а также всем попавшим в крайнюю нужду людям посредством предоставления им приюта и возможности честным путем заработать деньги для пропитания [3. С. 57-58].

Хотя согласно Закону 1866 г. об исправительных приютах они предназначались для осужденных детей и подростков, на практике их деятельность оказывалась шире. В этих заведениях из гуманистических соображений и в профилактических целях помещались дети осужденных, отбывавших тюремное заключение, и подследственные несовершеннолетние. В ряде мест они содержались вместе с воспитанниками, в некоторых исправительных приютах и колониях для этого учреждались особые отделения, а с введением особых судов для несовершеннолетних в ряде городов России стали создаваться специальные приюты, общежития, убежища для подследственных несовершеннолетних, которые также именовались исправительными заведениями и функционировали в порядке, установленном для исправительных приютов и колоний [1. С. 50-51]. Уставом о наказаниях, налагаемых мировыми судьями, было, в частности, установлено, что «в тех местах,

где будут учреждены исправительные приюты, несовершеннолетние от 10 до 17 лет могут взамен заключения в тюрьме быть обращаемы в эти приюты на срок, определяемый мировым судьей, но с тем, чтобы не оставлять их там по достижении восемнадцатилетнего возраста» [5. С. 213].

Таким образом, возникновение приютов, а затем и колоний для несовершеннолетних было обусловлено как признанием необходимости особого обращения с ними, так и особенностями процесса их воспитания.

Первые общие правовые требования к организации деятельности этих заведений содержались в Законе 1866 г. об исправительных приютах (в городах они обычно именовались ремесленными приютами, а в сельской местности – земледельческими колониями; существовали и смешанные ремесленно-земледельческие заведения.). Однако процесс их создания продвигался медленно, поскольку учредителями были негосударственные организации (общества, комитеты и др.). Так, через 15 лет после издания закона их было всего 11, к началу XX в., по разным оценкам, от 45 до 50, а к 1914 г. – 59. За редким исключением, из-за отсутствия средств они были рассчитаны на содержание 15-30 человек и в целом могли вместить не более 15-17 % несовершеннолетних преступников; остальные помещались в общие тюрьмы [1. С. 87-88; 2. С. 15-16].

Закон об исправительных приютах, призывая к их учреждению наряду с государственными органами общественные организации и общества, частных лиц, земства, духовенство, предусматривал ряд льгот, в частности право на получение участков свободных казенных земель, освобождение от сборов с имущества в пользу казны, разрешение на проведение лотерей для получения материальных средств.

Закон предоставлял возможность ранее неизвестного отечественной практике условного досрочного освобождения воспитанников, которые признавались исправившимися, а также ввел понятие принудительного воспитания как цели помещения в приюты.

Вместе с тем Закон 1866 г. не определял ни системы воспитания, ни мер дисциплинарного воздействия на воспитанников (кроме случаев побега), изложив лишь общий минимум требований к организации работы с ними: несовершеннолетние в приютах подлежали обучению Закону Божию с учетом верования, чтению, письму, арифметике, а по возможности и другим наукам, каким-либо работам ремесленного и земледельческого характера или тем и другим одновременно [1. С. 59-61].

Несмотря на существование Закона об исправительных приютах, каждое такое заведение длительное время строило свою работу в соответствии со своим уставом и своим подходом к организации воспитания подопечных правонарушителей. Только 19 апреля 1909 г. был принят Закон, утвердивший Положение о воспитательно-исправительных заведениях для несовершеннолетних, которое более четко определило их назначение и цели воспитания в зависимости от категорий несовершеннолетних. Положение устанавливало, что «в воспитательно-исправительное заведение помещаются несовершеннолетние от 10 до 17 лет, признанные виновными в совершении какого-либо преступного деяния по определениям и приговорам суда». Вопреки этому по постановлениям комитетов, правлений или советов обществ, в ведении которых находились указанные заведения, в них помещались также занимающиеся бродяжничеством, нищенствующие, беспризорные дети и подростки.

Систематическое толкование разноречивого российского законодательства конца XIX-начала XX вв., позволило сделать вывод, что «исправительные приюты для несовершеннолетних, по законодательству и терминологии тех лет, есть места срочного заключения для несовершеннолетних, совершивших уголовно наказуемые деяния, и краткосрочного – для подследственных и подсудимых». Суть этих заведений просто и недвусмысленно определил М.Н. Гернет (1874-1953), квалифицировав их как места заключения для юных преступников, ставившие своей задачей их перевоспитание и поэтому являвшиеся испра-

вительно-воспитательными учреждениями [1. С. 54-55].

Среди законодательных актов, связанных с совершенствованием судебных реформ в России, особого внимания заслуживает Уголовное Уложение 1903 г., которое впервые на законодательном уровне определило характер заведений для несовершеннолетних как воспитательно-исправительных, повысило возраст несовершеннолетних, подлежащих воспитательно-исправительному воздействию, до 21 года и дифференцировало их уголовную ответственность применительно к следующим возрастным группам: до 10 лет, от 10 до 14, от 14 до 17 лет, от 17 лет до 21 года.

Дети в возрасте до 10 лет не могли подвергаться ни судебному преследованию, ни наказанию. В отношении лиц в возрасте от 10 до 17 лет Уложение предписывало производить судебное разбирательство для выяснения того, действовали ли они «с разумением» или нет. Если да, то лицам в возрасте от 10 до 14 лет наказание в виде казни, каторги, поселения, исправительного дома, крепости или тюрьмы заменялось помещением в воспитательно-исправительное заведение, лицам в возрасте от 14 до 17 лет смягчалось или уменьшалось, а в возрасте от 17 лет до 21 года только уменьшалось.

На лиц в возрасте от 10 до 17 лет, действовавших «без разумения», распространялась отдача под ответственный надзор родителям или иным определенным в законе лицам, а при совершении преступлений – помещение в воспитательно-исправительные заведения, где они могли содержаться до достижения возраста 21 года. В случае невозможности помещения несовершеннолетних правонарушителей в названные заведения, суду предписывалось определять их в особое помещение при тюрьме или арестном доме.

На практике, сложившейся при исполнении аналогичных законодательных предписаний 1897 г., вместо таких помещений появились «особые отделения» в тюрьмах и арестных домах, куда направлялось до 80 % несовершеннолетних, что не исключало их общения со взрослыми преступниками и не избавляло от самой тюремной атмосферы [8. С. 11].

Принципиально новым нормативно-правовым актом в отечественной законодательной практике явилось вышеупомянутое Положение о воспитательно-исправительных заведениях для несовершеннолетних 1909 г. Оно расширило круг помещаемых в эти заведения лиц: наряду с осужденными по приговорам суда, они предназначались для содержания подследственных и подсудимых, а также бесприютных, нищенствующих, бродяжничающих детей для их принудительного воспитания в целях недопущения совершения ими преступлений. Именно поэтому эти заведения и были названы воспитательно-исправительными.

Положением 1909 г. сохранялись и расширялись существенные льготы. Для устройства и функционирования воспитательно-исправительных заведений предписывалось отведение казенных земель, освобождение от налогов с недвижимого имущества, промыслового налога, квартирного, гербового сбора, судебной пошлины и др. Предусматривались субсидии на содержание воспитанников: двойная сумма по установленной таблице на каждого арестанта, определенные суммы на медикаменты, единовременные пособия, ремонт и пр. Предоставлялось право бесплатной пересылки корреспонденции по почте и др. Нормативно признавалось существование, и закреплялась деятельность педагогических советов.

Положением определялись меры воспитательно-исправительного воздействия, к которым были отнесены религиозное (с учетом верования воспитанников), общее и профессиональное образование. Сроки пребывания воспитанников в заведении устанавливались в зависимости от оснований их нахождения там. Так, помещенные по приговорам суда бродяги и нищие могли находиться в заведении до исправления, но в любом случае не меньше года и не дольше достижения ими 18-летнего возраста. В то же время лица, поступившие в заведение в возрасте старше 15 лет, могли находиться там до наступления 21 года. Вопрос о выпуске воспитанника из заведения рассматривал и решал педсовет.

Положение устанавливало обязанность покровительства выпускникам заведений в течение трех лет. Оно могло прекратиться раньше этого срока, если подопечный осуждался за новое преступление или вел образ жизни, делающий заботу о нем бесполезной. Положением закреплялась система надзора за деятельностью заведений. При этом надзор обязаны были осуществлять губернаторы, тюремные инспекторы на местах, а во всей Империи – Главное тюремное управление (далее – ГТУ) [7. С. 29].

Законодательное закрепление в Положении получили и съезды представителей воспитательно-исправительных заведений, имевшие назначением разработку вопросов исправительного воспитания, объединение деятельности этих заведений и обществ покровительства освобожденным из них лицам.

Таким образом, Положение 1909 г. было первым отечественным законодательным актом, в котором на основе обобщения накопленного опыта, с учетом рекомендаций науки уголовного права и позитивных начал предшествующих законов, принятых в период с 1866 по 1903 год, регламентировались основные вопросы организации деятельности воспитательно-исправительных заведений для несовершеннолетних правонарушителей [1. С. 80-86].

Накануне Февральской революции 1917 г. система мест заключения представляла собой сложный и неоднородный организм. Вне мест заключения, подведомственных ГТУ, на 1 января 1917 года содержалось более 30 тыс. арестантов, в том числе 4 тыс. несовершеннолетних в исправительно-воспитательных заведениях [6. С. 60]. Объявленная Временным правительством в марте того же года амнистия значительно сократила численность тюремного населения, однако, насколько можно судить

по имеющимся источникам, несовершеннолетних она не коснулась.

Библиографический список:

1. Беляева Л.И. Воспитание несовершеннолетних правонарушителей в России: в 3 ч. – Ч. 1: Учреждения для несовершеннолетних правонарушителей в Российской империи. М., Воронеж, 2007.

2. Гаврилюк Е.Д. Предупреждение преступлений и правонарушений, совершаемых осужденными в воспитательных колониях: дисс. ... канд. юрид. наук. Рязань, 2005.

3. Захаров М.В. Благотворительные общества Кубанской области, осуществлявшие исправительно-трудовую функцию во второй половине XIX века // История и современность в контексте реализации уголовной и уголовно-исполнительной политики России: мат-лы межвуз. научно-практ. конференции (28, 29 апреля 2008). Краснодар, 2008.

4. История социальной работы в России /под ред. М.В. Фирсова. М., 1998.

5. Российское законодательство Х-XX вв. Т. 6: Законодательство первой половины XIX в. М., 1988.

6. Яковлева О.Н. Министерство юстиции Российской Империи в системе надзора за местами лишения свободы // Актуальные вопросы образования и науки. 2015. № 3-4 (49-50).

7. Яковлева О.Н. Министр юстиции и генерал-прокурор Российской Империи: единый организационно-правовой институт в сфере надзора за законностью // История государства и права. 2013. № 23.

8. Яковлева О.Н. Реализация нормотворческой функции Министерства юстиции Российской Империи // История государства и права. 2010. № 18.

©Спасенников Б.А., Фумм А.М., 2015

Н.А. Болбат
Магистрант НОУ ВПО
«Институт управления»

Б.А. Швырев
Магистрант НОУ ВПО
«Институт управления»

О.В. Кудряшов
Заместитель начальника
ФКУ НИИ ФСИН России по
научной работе, кандидат
юридических наук
НИИ ФСИН России
Москва

Об эффекте Даннинга-Крюгера у осужденных к лишению свободы

В статье обсуждается эффект Даннинга-Крюгера у осужденных к лишению свободы.

Ключевые слова: криминология, криминальное поведение, эффект Даннинга-Крюгера, осужденные.

Совершенствование способов достижения целей наказания, предусмотренных уголовно-исполнительным наказанием, ресоциализации осужденных, которая направлена на понижение опасности рецидива принадлежит к числу наиболее значимых проблем юридической науки [1. С. 49-51; 5. С. 56-58; 7. С. 106-108; 9. С. 49-54; 11. С. 8-11; 13. С. 19-22; 19. С. 45-48; 23. С. 173-182; 25. С. 4-8; 27. С. 20-23]. Важность проблемы связана с распространенностью нервно-психических расстройств у осужденных к лишению свободы; значимостью комплексного подхода к предупреждению преступлений [3. С. 10-13; 4. С. 71-75; 8. С. 6-10; 10. С. 46-50; 12. С. 17-22; 14. С. 70-77; 17. С. 8-11; 20. С. 36-39; 26. С. 7-12; 28. С. 49-55; 29. С. 59-62; 30. С. 54-59].

Различие механизмов преступного поведения определяет методологические подходы к формированию концептуальных положений ресоциализации осужденных [2. С. 149-150; 6. С. 167-174; 15. С. 31-37; 16. С.

33-40; 18. С. 41-45; 21. С. 70-71; 22. С. 194-199; 24. С. 35-41; 31. С. 89-94].

Цель проведенного исследования – анализ самооценки осужденных к лишению свободы и оптимизация их ресоциализации, достижения целей наказания, предусмотренных уголовно-исполнительным законодательством.

Было обследовано 250 мужчин в возрасте от 35 до 50 лет. Основную (первую) группу обследованных составили осужденные (n=50) в возрасте 43,6+/-2,6 лет. Во вторую (контрольную) группу включены лица (n=200), которые не привлекались к уголовной ответственности (возраст – 42,4+/-2,8 лет).

В первой группе обследованных выявлено тридцать шесть осужденных (72%) для которых были характерны следующая триада признаков:

во-первых, осужденные были склонны переоценивать собственные знания и социальные умения, свой жизненный опыт;

во-вторых, они не были способны адекватно оценивать действительно высокий уровень знаний и социальных умений у других, в частности, у оперативных работников, следователя, прокурора, судьи, сотрудников ФСИН, иных окружающих;

в-третьих, осужденные не были способны осознавать всю глубину своего незнания, своей некомпетентности. Они часто принимали в жизни неудачные решения, делали ошибочные выводы, приводящие к криминальному поведению, но после осуждения они не были способны осознавать свои ошибки в силу низкого уровня компетентности.

После курса психологической помощи, проведенного психологом ФСИН России, у отдельных осужденных появляется способность осознать уровень своей некомпетентности, даже если их истинная компетентность существенно не изменяется.

Во второй (контрольной) группе подобная самооценка выявлена лишь в 40% случаев (80 обследованных). При этом 40 законопослушных граждан из второй контрольной группы (20%) были склонны занижать свои способности и страдать недостаточной уверенностью в своих знаниях, способностях.

Таким образом, осужденные к лишению свободы зачастую имеют более высокое мнение о собственных способностях, чем это свойственно людям законопослушным, что может быть расценено как эффект Даннига-Крюгера.

На наш взгляд, психологическая помощь осужденным к лишению свободы, способная корректировать самооценку является важным и неотъемлемым условием их ресоциализации, достижения целей наказания, предусмотренных уголовно-исполнительным законодательством.

Библиографический список:

1. Агеева М.П. Виды принудительных мер медицинского характера (комментарий статьи 99 Уголовного кодекса Российской Федерации) // Актуальные вопросы образования и науки. 2014. № 3-4 (43-44). С. 49-51.
2. Бычкова А.М. Рецензия на работу «Психические расстройства и их уголовно-правовое, криминологическое, уголовно-

исполнительное значение (история, теория, уголовно-правовое регулирование, практика)» доктора юридических наук, доктора медицинских наук, профессора Б.А. Спасенникова // Актуальные вопросы образования и науки. 2012. № 5-6 (33-34). С. 149-150.

3. Вилкова А.В., Спасенников Б.А. О субъективности лица, подлежащего уголовной ответственности // История государства и права. 2015. № 4. С. 10-13.

4. Козаченко И., Спасенников Б.А. Вопросы уголовной ответственности и наказания лиц, страдающих психическими расстройствами, не исключающим вменяемости // Государство и право. 2001. Т. 74. № 5. С. 71-75.

5. Костик Е.В. Понятие и цели наказания // Вестник международного Института управления. 2014. № 3-4 (127-128). С. 56-58.

6. Кудряшов О.В., Швырев Б.А., Спасенников Б.А. Преступное поведение и невроз // Правовое поле современной экономики. 2015. № 7. С. 167-174.

7. Пономарев С.Б., Пустовалов А.Р. Рецензия на монографию Б.А. Спасенникова, С.Б. Спасенникова «Уголовно-правовое значение состояния опьянения» // Актуальные вопросы образования и науки. 2014. № 1-2. С. 106-108.

8. Спасенников Б.А., Белоус В.Г., Швырев Б.А. Актуальные проблемы уголовного права: обзор литературы // На пути к гражданскому обществу. 2015. № 2 (18). С. 6-10.

9. Спасенников Б.А., Вилкова А.В. Расстройства личности у осужденных в пенитенциарной практике // Вестник института: преступление, наказание, исправление. 2015. № 1 (29). С. 49-54.

10. Спасенников Б.А., Вилкова А.В., Тихомиров А.Н. Неврастения и преступное поведение // Российский следователь. 2014. № 24. С. 46-50.

11. Спасенников Б.А., Вилкова А.В. Юридическая оценка расстройств восприятия в следственной практике // Российский следователь. 2015. № 3. С. 8-11.

12. Спасенников Б.А., Голодов П.В. Актуальные проблемы правовой психологии // На пути к гражданскому обществу. 2015. № 2 (18). С. 17-22.

13. Спасенников Б.А. К вопросу о вменяемости подсудимого // Российский судья. 2013. № 4. С. 19-22.
14. Спасенников Б.А. К вопросу о назначении вида принудительных мер медицинского характера в судебной практике // Библиотека криминалиста. Научный журнал. 2012. № 1. С. 70-77.
15. Спасенников Б.А. Клинико-криминологический анализ неврастении у осужденных // Криминологический журнал Байкальского государственного университета экономики и права. 2014. № 4. С. 31-37.
16. Спасенников Б.А. Клинико-криминологический анализ расстройств личности у осужденных // Криминологический журнал Байкальского государственного университета экономики и права. 2014. № 2. С. 33-40.
17. Спасенников Б.А. Общественно опасные деяния больных психическими расстройствами // Вестник института: преступление, наказание, исправление. 2012. № 4 (20). С. 8-11.
18. Спасенников Б.А. О значении неврастении в преступном поведении // Трудный пациент. 2015. Т. 13. № 3. С. 41-45.
19. Спасенников Б.А. О профилактике общественно опасных деяний душевнобольных // Медицинское право. 2012. № 3. С. 45-48.
20. Спасенников Б.А. Проблемы теории и судебной практики, связанные с решением вопросов наказания лиц, страдающих психическим расстройством // Российский судья. 2014. № 6. С. 36-39.
21. Спасенников Б.А. Психологическая помощь как средство исправления осужденных // Вестник института: преступление, наказание, исправление. 2015. № 2 (30). С. 70-71.
22. Спасенников Б.А. Расстройство личности у лиц, имеющих судимость // Библиотека криминалиста. Научный журнал. 2015. № 2 (19). С. 194-199.
23. Спасенников Б.А., Смирнов А.М. Общая характеристика осужденных мужчин, отбывающих наказание в исправительных колониях России // Библиотека криминалиста. Научный журнал. 2014. № 6 (17). С. 173-182.
24. Спасенников Б.А., Швырев Б.А., Смирнов А.М. Актуальные проблемы уголовного права: обзор литературы // Актуальные вопросы образования и науки. 2015. № 3-4 (49-50). С. 35-41.
25. Спасенников Б.А., Тихомиров А.Н., Вилкова А.В. Уголовно-правовое значение психических расстройств // Вестник института: преступление, наказание, исправление. 2014. № 4 (28). С. 4-8.
26. Спасенников Б.А., Тихомиров А.Н. К вопросу о медицинском критерии невменяемости // Вестник института: преступление, наказание, исправление. 2014. № 1 (25). С. 7-12.
27. Спасенников Б.А., Тихомиров А.Н. Психические расстройства и их уголовно-правовое значение // Российская юстиция. 2014. № 2. С. 20-23.
28. Спасенников Б.А. Уголовно-правовое значение психических расстройств // Медицинское право. 2015. № 2. С. 49-55.
29. Швырев Б.А. Общие начала назначения наказания в уголовном праве России // Вестник международного Института управления. 2014. № 3-4 (127-128). С. 59-62.
30. Швырев Б.А. Цели принудительных мер медицинского характера // Вестник международного Института управления. 2014. № 5-6 (129-130). С. 54-59.
31. Швырев Б.А. Проблемы прекращения принудительного психиатрического лечения // Актуальные вопросы образования и науки. 2015. № 1-2 (47-48). С. 89-94.

© Болбат Н.А., Швырев Б.А.,
Кудряшов О.В., 2015

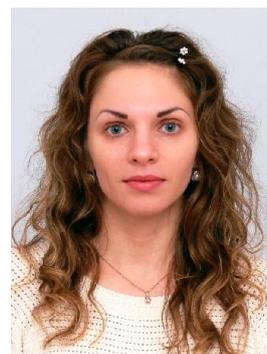
Б.А. Швырев
Магистрант
НОУ ВПО
«Институт
управления»

Н.А. Болбат
Магистрант
НОУ ВПО
«Институт
управления»

О.В. Кудряшов
Заместитель
начальника ФКУ
НИИ ФСИН России
по научной работе,
кандидат юридиче-
ских наук
НИИ ФСИН России
Москва

О.А. Дивитаева
Магистрант
НОУ ВПО
«Институт
управления»

Синдром нетерпения и криминальное поведение

В статье обсуждается синдром нетерпения у осужденных и законопослушных граждан.

Ключевые слова: клиническая криминология, криминальное поведение, синдром нетерпения, воля, расстройство воли, осужденные.

Различие механизмов преступного поведения определяет различные методологические подходы к оптимизации способов ресоциализации осужденных [1. С. 149-150; 3. С. 56-58; 11. С. 70-77; 22. С. 4-8; 24. С. 20-23; 26. С. 59-62].

Цель проводимого исследования – сравнительная характеристика эмоционально-волевой сферы осужденных и законопослушных граждан с целью поиска новых методов ресоциализации осужденных.

Было обследовано 125 мужчин в возрасте от 20 до 50 лет. Основную (первую) группу обследованных составили 25 осужденных. Во вторую (контрольную) группу включены лица (n=50), которые не привлекались к уголовной ответственности.

При второй встрече с обследуемым, после установления психологического контакта, предлагался тест на ориентацию во времени. Исследователь демонстративно включал секундомер и, спустя некоторое время, выключал его, после чего просил ответить обследуемого на вопрос о том,

сколько прошло времени. Во всех случаях секундомер отсчитывал 180 секунд (3 минуты).

Ответы среди осужденных распределились следующим образом:

- 1 минута – 0 человек.
- 2 минуты – 0 человек.
- 2-3 минуты – 0 человек.
- 3 минуты – 7 человек (28%).
- 3-4 минуты – 6 человек (24%).
- 4 минуты – 5 человек (20%).
- 4-5 минут – 5 человек (20%).
- более 5 минут – 2 человека (8%).

Итак, 72% осужденных (18 человек) страдали синдромом нетерпения, который, помимо нарушения ориентации во времени, включал в себя иную невротическую симптоматику (раздражительность, вспыльчивость и др.).

Ответы среди законопослушных граждан распределились следующим образом:

- 1 минута – 0 человек.
- 2 минуты – 2 человека (4%).

2-3 минуты – 5 человек (10%).
3 минуты – 27 человек (54%).
3-4 минуты – 9 человек (18%).
4 минуты – 3 человек (6%).
4-5 минут – 2 человека (4%).
более 5 минут – 2 человека (4%).

Таким образом, 32% законопослушных граждан (16 человек), страдали синдромом нетерпения, который, помимо нарушения ориентации во времени, включал в себя невротические жалобы, эмоциональную лабильность, оживление сухожильных и периостальных рефлексов и др.).

Выявлена статистически достоверная разница между распространенностью синдрома нетерпения среди осужденных и законопослушных граждан, что подтверждает опубликованные нами ранее исследования [4. С. 167-174].

Осужденным дополнительно было предложено закончить предложение: «Я совершил преступление потому, что ...». Осужденные, в большинстве случаев, связывали совершение преступления с синдромом нетерпения («... опаздывал, решил обогнать», «... слишком быстро ехал», «... превысил скорость, не заметил людей на дороге», «... не выдержал, ударил», «... был пьян, не сдержался», «... надоело за ней ухаживать», «... хотел всего и сразу», «... хотел выпить, а денег не было», «... не стерпел», «... не надо было меня доставать» и др.).

На наш взгляд, синдром нетерпения, относится к расстройствам воли, то есть психическим расстройствам, не исключаящим вменяемости, способности быть субъектом уголовной ответственности и наказания [14. С. 8-11; 16. С. 45-48; 18. С. 70-71; 19. С. 194-199; 21. С. 35-41].

Патогенетически синдром нетерпения связан с нарушением процессов возбуждения и торможения в ретикулярной формации головного мозга. Синдромально он относится к невротической и психопатоподобной симптоматике [6. С. 49-54; 7. С. 46-50; 12. С. 31-37; 13. С. 33-40; 15. С. 41-45;].

Главное проявление синдрома нетерпения – неспособность сохранять спокойствие в ожидании результата от неподконтрольного процесса или иной сложной,

подчас криминогенной, жизненной ситуации. Синдром нетерпения может играть ведущую роль в механизме ряда преступлений, особенно с неосторожной формой вины (например, транспортные преступления) [8. С. 8-11; 10. С. 19-22; 20. С. 173-182; 23. С. 7-12; 25. С. 49-55; 27. С. 54-59].

Осужденные с синдромом нетерпения нуждаются в психологической помощи психолога исправительного учреждения, а в ряде случаев, психиатрической помощи [2. С. 10-13; 5. С. 6-10; 9. С. 17-22; 17. С. 36-39].

На наш взгляд, синдром нетерпения может быть связан с врожденной или приобретенной аномалией префронтальной коры, ретикулярной формации и иных структур головного мозга, что потребует дополнительного криминологического исследования осужденных к лишению свободы.

Библиографический список:

1. Бычкова А.М. Рецензия на работу «Психические расстройства и их уголовно-правовое, криминологическое, уголовно-исполнительное значение (история, теория, уголовно-правовое регулирование, практика)» доктора юридических наук, доктора медицинских наук, профессора Б.А. Спасенникова // Актуальные вопросы образования и науки. 2012. № 5-6 (33-34). С. 149-150.
2. Вилкова А.В., Спасенников Б.А. О субъективности лица, подлежащего уголовной ответственности // История государства и права. 2015. № 4. С. 10-13.
3. Костик Е.В. Понятие и цели наказания // Вестник международного Института управления. 2014. № 3-4 (127-128). С. 56-58.
4. Кудряшов О.В., Швырев Б.А., Спасенников Б.А. Преступное поведение и невроз // Правовое поле современной экономики. 2015. № 7. С. 167-174.
5. Спасенников Б.А., Белоус В.Г., Швырев Б.А. Актуальные проблемы уголовного права: обзор литературы // На пути к гражданскому обществу. 2015. № 2 (18). С. 6-10.
6. Спасенников Б.А., Вилкова А.В. Расстройства личности у осужденных в пениitenciарной практике // Вестник института: преступление, наказание, исправление. 2015. № 1 (29). С. 49-54.

7. Спасенников Б.А., Вилкова А.В., Тихомиров А.Н. Неврастения и преступное поведение // Российский следователь. 2014. № 24. С. 46-50.
8. Спасенников Б.А., Вилкова А.В. Юридическая оценка расстройств восприятия в следственной практике // Российский следователь. 2015. № 3. С. 8-11.
9. Спасенников Б.А., Голодов П.В. Актуальные проблемы правовой психологии // На пути к гражданскому обществу. 2015. № 2 (18). С. 17-22.
10. Спасенников Б.А. К вопросу о вменяемости подсудимого // Российский судья. 2013. № 4. С. 19-22.
11. Спасенников Б.А. К вопросу о назначении вида принудительных мер медицинского характера в судебной практике // Библиотека криминалиста. Научный журнал. 2012. № 1. С. 70-77.
12. Спасенников Б.А. Клинико-криминологический анализ неврастении у осужденных // Криминологический журнал Байкальского государственного университета экономики и права. 2014. № 4. С. 31-37.
13. Спасенников Б.А. Клинико-криминологический анализ расстройств личности у осужденных // Криминологический журнал Байкальского государственного университета экономики и права. 2014. № 2. С. 33-40.
14. Спасенников Б.А. Общественно опасные деяния больных психическими расстройствами // Вестник института: преступление, наказание, исправление. 2012. № 4 (20). С. 8-11.
15. Спасенников Б.А. О значении неврастении в преступном поведении // Трудный пациент. 2015. Т. 13. № 3. С. 41-45.
16. Спасенников Б.А. О профилактике общественно опасных деяний душевнобольных // Медицинское право. 2012. № 3. С. 45-48.
17. Спасенников Б.А. Проблемы теории и судебной практики, связанные с решением вопросов наказания лиц, страдающих психическим расстройством // Российский судья. 2014. № 6. С. 36-39.
18. Спасенников Б.А. Психологическая помощь как средство исправления осужденных // Вестник института: преступление, наказание, исправление. 2015. № 2 (30). С. 70-71.
19. Спасенников Б.А. Расстройство личности у лиц, имеющих судимость // Библиотека криминалиста. Научный журнал. 2015. № 2 (19). С. 194-199.
20. Спасенников Б.А., Смирнов А.М. Общая характеристика осужденных мужчин, отбывающих наказание в исправительных колониях России // Библиотека криминалиста. Научный журнал. 2014. № 6 (17). С. 173-182.
21. Спасенников Б.А., Швырев Б.А., Смирнов А.М. Актуальные проблемы уголовного права: обзор литературы // Актуальные вопросы образования и науки. 2015. № 3-4 (49-50). С. 35-41.
22. Спасенников Б.А., Тихомиров А.Н., Вилкова А.В. Уголовно-правовое значение психических расстройств // Вестник института: преступление, наказание, исправление. 2014. № 4 (28). С. 4-8.
23. Спасенников Б.А., Тихомиров А.Н. К вопросу о медицинском критерии невменяемости // Вестник института: преступление, наказание, исправление. 2014. № 1 (25). С. 7-12.
24. Спасенников Б.А., Тихомиров А.Н. Психические расстройства и их уголовно-правовое значение // Российская юстиция. 2014. № 2. С. 20-23.
25. Спасенников Б.А. Уголовно-правовое значение психических расстройств // Медицинское право. 2015. № 2. С. 49-55.
26. Швырев Б.А. Общие начала назначения наказания в уголовном праве России // Вестник международного Института управления. 2014. № 3-4 (127-128). С. 59-62.
27. Швырев Б.А. Цели принудительных мер медицинского характера // Вестник международного Института управления. 2014. № 5-6 (129-130). С. 54-59.

© Швырев Б.А., Болбат Н.А., Кудряшов
О.В., Дивитаева О.А., 2015

В.Г. Белоус

Профессор кафедры уголовного
права и процесса
НОУ ВПО «Институт управления»
кандидат юридических наук, доцент

М.А. Степуренко

Аспирант
НОУ ВПО
«Институт управления»

Борьба с преступлениями против общественной нравственности и морали как условие развития гражданского общества

В статье продолжается дискуссия о правовом противодействии правонарушениям, направленным против общественной нравственности и морали. Авторы отмечают, что с развитием информационных технологий все более острой становится проблема борьбы с распространением порнографических материалов в сети Интернет. Не менее актуальной остается и борьба с проституцией. Одно из главных направлений борьбы с этим негативным явлением – совершенствование законодательства, причем как уголовного, так и административного. Предлагаются меры по решению этих проблем.

Ключевые слова: нравственность, порнография, проституция, криминализация, противодействие.

Во все времена и в любом обществе существовали нормы нравственности, которые содержали запреты на совершение определенных действий, вредных для личности, общества и государства. [1, 2]

Нравственность всегда была неким, почти не изменяющимся комплексом представлений и правил о том, что можно и чего нельзя делать. Нормы нравственности находят свое отражение в определении задач и целей уголовного законодательства, его принципов, в построении основных институтов.[3] В современной России нравственность – это необходимое условие развития общества и государства.

Однако, в последние десятилетия, с развитием информационных технологий, в частности сети Интернет, все более актуальной становится проблема борьбы с незаконным оборотом порнографических материалов, а также противодействие иным преступлениям и правонарушениям, посягающим на общественную нравственность.

Порнографические материалы при желании можно купить на CD, DVD-дисках на рынках и в магазинных, но главным источником ее распространения стал Интернет. Что и говорить, если в сети даже существует специальный домен порносайтов – XXX.

По данным Управления «К» в глобальной сети распространяется до 75% всей детской порнопродукции. Около 90% международных розыскных поручений Интерпола по компьютерной преступности связаны именно с этой проблемой.

Латентность данной категории преступлений очень высока. Так, лишь в 14% случаев информации о преступлениях, предусмотренных ст. ст. 242, 242.1 УК РФ, поступает в результате заявлений граждан, в 73% – из оперативно-следственных подразделений в результате проведения соответствующих мероприятий, в 6% случаев о преступлениях официально становится известно из СМИ, в 4% – из материалов расследования других уголовных дел, в 1,5% случаев – при непосредственном обнаружении признаков преступления следователем, дознавателем.[4]

Одним из методов борьбы с преступлениями против общественной нравственности является совершенствование законодательства, что становится особенно актуальным на современном этапе развития Российского государства.

Общественные отношения в сфере охраны общественной нравственности имеют ярко выраженную специфику. Нравственность и право – два важнейших регулятора человеческой деятельности, они не должны противоречить друг другу.

Как справедливо отмечает С.В. Тасиков, уголовный закон не должен действовать только исходя из принципа целесообразности, игнорируя нормы общественной нравственности. Нормы нравственности требуют от личности не только их соблюдения, но и превращения их в привычку, личное убеждение, внутреннюю мораль.[5]

Как отмечают некоторые авторы, на современном этапе трудно говорить о стабильном развитии законодательства. [6, 7, 8]

Ответственность за правонарушения и преступления в сфере общественной нравственности предусмотрена УК РФ и КоАП РФ.

Как справедливо отмечает К.В. Чилингаров, основанием криминализации преступлений против общественной нравственности является общественная опасность, которая выражается в причинении

вреда нравственным устоям общества (половая мораль, этические ценности и т.п.), духовным нормам и традиционным ценностям, а также ценностям, имеющим государственное и мировое значение.[6] В этой связи необходимо вести борьбу с этим явлением с учетом общественного мнения, психологии, уровня мышления подрастающего поколения и т.п. [10, 11]

Принципами криминализации преступлений против общественной нравственности являются:

влияние совершаемого деяния на общественные процессы и сознание;

признание совершенного деяния противоречащим морали;

тяжесть последствий от совершенного деяния;

яркая антисоциальная направленность совершаемого деяния.

Последнее время неоднократно поднимался вопрос о введении уголовной ответственности за занятие проституцией. Это обусловлено, во-первых, недостаточной эффективностью применения соответствующих норм КоАП РФ, во-вторых, повсеместным распространением и профессионализацией проституции.

Если же вводить уголовную ответственность за проституцию, это необходимо осуществить с административной преюдицией, т.е. привлекать виновных к уголовной ответственности только после применения административного наказания, при систематичности занятия данным промыслом, после неоднократных предупреждений.

Криминализация проституции – достаточно спорный вопрос. С одной стороны, существующими мерами административного законодательства проблему не решить. С другой стороны, введение уголовной ответственности за занятие проституцией приведет лишь к видоизменению форм и еще большей завуалированности данного негативного явления.

На наш взгляд, одними правовыми методами нельзя преодолеть данное явление. Необходимы широкомасштабные исследования причин и условий современной проституции и принятие на их основе комплекса социальных, культурных и иных мероприятий на федеральном уровне, и это,

конечно, касается не только противодействия преступлениям против общественной нравственности.[12, 13]

Введя административную и уголовную ответственность за совершение деяний, связанных с занятием и организацией проституции, законодатель так и не раскрыл ключевого понятия «проституция», что затрудняет деятельность правоохранительных органов по привлечению виновных к уголовной и административной ответственности.

Таким образом, введение уголовной ответственности за занятие проституцией на современном этапе необоснованно.

Усиление регулятивной функции уголовного права в противовес нормам общественной нравственности негативно отразится на соблюдении прав, свобод и законных интересов личности и противоречит тенденциям уголовной политики на современном этапе.[14]

Но, на наш взгляд, целесообразно введение административной ответственности для клиентов проституток и публичных домов, хотя данное деяние правоохранительным органам будет достаточно сложно доказать в силу специфичности правонарушения.

Также необходимо на законодательном уровне разъяснить понятие проституции и ее критериев, к примеру, в примечании к соответствующим статьям УК РФ и КоАП РФ, как это сделано в примечании к ст.240.1 УУ РФ в отношении понятия сексуальных услуг.

Говоря о противодействии незаконному обороту порнографии, можно констатировать, что на данном этапе законодатель уделяет больше внимания борьбе с детской порнографией, чем борьбе с порнографией вообще.

Деяние, предусмотренное ч.1 ст.242 УК РФ, на наш взгляд, необходимо:

- либо декриминализировать, поскольку наличие признака незаконности в диспозиции ст. 242 УК РФ является совершенно необоснованным в связи отсутствием правовой базы, регулирующей законный оборот порнографических материалов или предметов;

- либо исключить из диспозиции слово «незаконное», тем самым полностью запретив порнографию в России.

Второй вариант, на наш взгляд, более предпочтителен, так как общественная опасность порнографии значительно выше, чем ее оценивают сейчас. Она отрицательно влияет на психику, разлагает семью, общество, возбуждает «интерес».

Также многими авторами, к примеру, А.В. Польшиковым предлагается установить уголовную ответственность за сам факт умышленного хранения порнографических изображений несовершеннолетних; расширить предмет преступлений, предусмотренных ст. 242.1, 242.2 УК РФ за счет эротических материалов или предметов, а также признания таковым «виртуальной детской порнографии» (что уже предусмотрено несколькими международно-правовыми актами).[15]

На наш взгляд, данные меры будут способствовать повышению качества противодействия преступлениям против общественной нравственности.

Библиографический список:

1. Белоус В.Г., Глушаченко С.Б., Гриб В.В. История отечественного государства и права. Рекомендовано Министерством внутренних дел Российской Федерации в качестве учебного пособия для курсантов и слушателей образовательных учреждений высшего профессионального образования МВД России по специальности 021100 «Юриспруденция» и 023100 «Правоохранительная деятельность» / Москва, 2004. – С.13-15.
2. Сальников В.П., Белоус В.Г., Глушаченко С.Б., Гриб В.В., Дрожжин В.А., Корж А.М., Красильников С.В., Лысенко В.В., Лядов А.О., Мушкет И.И., Несмиянов А.Н., Потякин А.А., Романов И.Е., Рыскин Д.Б., Сальников П.П., Устьянцев В.Г., Юхневич К.П. Рекомендовано Министерством внутренних дел Российской Федерации в качестве учебного наглядного пособия для курсантов и слушателей образовательных учреждений высшего профессионального образования МВД России по специальности 021100

- «Юриспруденция» и 023100 «Правоохранительная деятельность» / Москва, 2004. (Издание 2-е, переработанное и дополненное). С.82.
3. Белоус В.Г., Спасенников Б.А., Швырев Б.А. Актуальные проблемы уголовного права: обзор литературы // На пути к гражданскому обществу. Научный журнал. – 2015 г., №2 (18) – С.6-10.
 4. Иванова А.А. Актуальные проблемы расследования незаконного изготовления, распространения и оборота порнографических материалов или предметов и пути их решения // Российский следователь. – М.: Юрист, 2011, №1. – С.2-4
 5. Тасаков С.В. Регулятивная функция уголовного права и норм общественной нравственности // Российская юстиция. 2013. №4. С.33
 6. Белоус В.Г., Мартынов Е.А. // Уголовный кодекс Российской Федерации: этапы совершенствования (1996 – 2013 г.г.). Учебное пособие. – М: Архангельск: Институт управления, 2013. – 534 с.
 7. Белоус В.Г. О некоторых проблемах совершенствования Уголовного кодекса Российской Федерации. Сборник материалов МНПК 18-19 апреля 2013 г. – г.Архангельск. В 2-х ч. Секц. 1-3. науч. ред. проф. А.Н. Ежов. – М: Архангельск: Институт управления, 2013. – С.186-190.
 8. Белоус В.Г., Степуренко М.А. О проблемах в нормативно-правовом регулировании противодействия терроризму в РФ // Точки роста в Евразийском экономическом союзе: бизнес, инвестиции, инновации: Сборник материалов МНПК 26-27 марта 2015 г. – г.Архангельск. В 2-х ч. Секц. 5-8 науч. ред. проф. А.Н. Ежов // Архангельск: Институт управления, 2015. – С.189-197.
 9. Чилингаров К.В. Основания и принципы криминализации преступлений против общественной нравственности // Общество и право. 2011. №4. С.200-2012.
 10. Белоус В.Г., Голодов П.В., Спасенников Б.А. Актуальные проблемы юридической психологии. // Вестник международного Института управления. 2015. №1-2 (131-132). – С.26-32.
 11. Белоус В.Г. Критический анализ научных публикаций, посвященных проблеме невменяемости. Актуальные вопросы образования и науки. 2013. №5-6. С.109.
 12. Белоус В.Г., Кренделев Д.Н. Нормативно-правовое регулирование противодействия терроризму и экстремизму как условие Стабильного развития Евразийского экономического Союза // Точки роста в Евразийском экономическом союзе: бизнес, инвестиции, инновации: Сборник материалов МНПК 26-27 марта 2015 г. – г.Архангельск. В 2-х ч. Секц. 5-8 науч. ред. проф. А.Н. Ежов // Архангельск: Институт управления, 2015. – С.78-85.
 13. Белоус В.Г. / Деятельность государственных и негосударственных структур охраны и безопасности в России (История, теория, практика). Монография. / В.Г. Белоус. – М: Архангельск: Институт управления. 2008. – 204 с.
 14. Белоус В.Г. Уголовная политика и преступность. // Инновационное развитие России. Сборник материалов Международной научно-практической конференции: в 3-х частях. 2010. С.22-27.
 15. Польшиков А.В. Об основных проблемах предупреждения преступлений, связанных с изготовлением и оборотом порнографических изображений несовершеннолетних в сети Интернет // Вопросы ювенальной юстиции. – М.: Юрист, 2013. - №3 (47). – С.11-15.

©Белоус В.Г., Степуренко М.А., 2015

С.К. Редков

Кандидат педагогических наук,
доцент кафедры истории и права Шуйского филиала
Ивановского государственного университета

Исторические корни российской коррупции

Статья посвящена осмыслению взяточничества как социально-исторического явления российского общества. В содержании приводятся примеры отношения к взяточничеству русских мыслителей нового времени, а также юридический анализ современного антикоррупционного законодательства.

Ключевые слова: взяточничество; акциденция; злоупотребление служебным положением; превышение должностных полномочий; кормление; государственное управление; культурные традиции; культуuroобразующая нация, коррупция.

Коррупция в России имеет многочисленные проявления, сложившиеся исторически в массовом сознании, и отразившиеся в поведении. Основным коррупционным поведением является взяточничество.

Взяточничество – сложное, многогранное явление, имеющее юридически-правовое, историческое, социологическое, нравственное и культурологическое измерение.

История взяточничества теряется в глубине веков. Однако, современное смысловое значение взяточничества связано с новым временем истории России.

После смерти Петра Великого российская элита почувствовала себя освобожденной от тирании самодержавного кесаря, который сам более радел о пользе государства, нежели о личной, и того же требовал от своих подданных, невзирая на ранги.

Наступила эпоха дворянской вольности - Елизавета отменила смертную казнь, Екатерина даровала вольности дворянству, временщики грабили казну. Соответственно, мздоимство и казнокрадство процветало на всех уровнях государственного управления.

Административное устройство и правоотношения, выстроенные Петром по образцу шведского городского права, попав на российскую почву, приобрело уродливые формы. Запутанная бюрократизация управления, созданные многочисленные надзорные органы, управляемые были лишь страхом перед императором. Когда страх улетучился, государственное управление стало доходным делом, а взяточничество обыденным явлением.

Родоначальник русской трагедии и русской комедии Александр Петрович Сумароков (1718 – 1777) в своей пародии «Письмо о некоторой заразительной болезни», написанной в 1759 году называет взятку латинским термином «акциденция», давая понять, что именно это название является распространенным среди привилегированного сословия. «У дедов наших было имя сей болезни взятки, а мы, просветившись учением, даем ей имя латинское Акциденции» [2, с.237].

А.П. Сумароков увязывает развитие взяточничества с «подьячими кормчей конторы» в связи с введением винной монополии Петром I (Указы 1705, 1712 годов) «Усилилась она тогда, как на Каменном мо-

сту в Москве зачалась винная продажа» [Там же].

В середине XVIII века винная монополия являлась привилегией дворянского сословия, что делало его экономически независимым от самодержавной власти. При этом, само государство несло колоссальные потери в виде недополученных доходов в казну. Подьячие же занимались составлением различных документов, связанных с откупам.

Далее по тексту Сумароков уверяет, что взяточничество, более страшный порок, нежели мошенничество. «Подьячий сей болезни, которая ныне под именем Акциденции распростерлася, имел уже некоторые припадки, а скорбь сия слыла еще тогда шильничеством» [Там же].

Шильничать – мошенничать, плутовать, жилить, обманывать, натягивать в свою сторону [1, с. 340]. В свою очередь, значение *жилить* в словаре В.И. Даля определяется через значение слова *жила*, то есть неправедный стяжатель [1, с.653].

Далее писатель продолжает сравнение: «Шильничество так мало перед Акциденциею, как мошенничество перед грабительством». Переводя на современный русский уголовно-правовой язык, шильничество представляет собой норму ч.3 ст.159 УК РФ (Мошенничество, совершенное с использованием служебного положения), а акциденция норму ст. 290 УК РФ (Получение взятки).

Завершает свою пародию А.П. Сумароков неутешительным прогнозом: «Язва акциденции день ото дня преужасно размножается, и число больных неописанно велико, а ежели не употребятся к тому способы, чтоб оную болезнь истребить, так последует неизлечимое разоренье» [2, с.239].

Историю развития акциденции в ироничной форме изобразил Михайла Дмитриевич Чулков (1744 – 1792) в сатире 1789 года из сборника «Словенские сказки» под названием «Драгоценная щука». Писатель проследил путь развития взяточничества от посула до акциденции. «По древнему названию посул, по-нынешнему взятки, а по иностранному акциденция когда начало свое восприняла, в том все ученые между собой несогласны, да и в гражданской исто-

рии эпоху сию не скоро сыскать возможно; а потому нельзя и достоверно утвердить, какой народ преимущество в том изобретении взятки должен.

Не заимствуя в истории других государств, удоволимся мы бытием дел и случаев отечества. В древние времена позволены были у нас взятки, что доказывается челобитными, подаванными от тех людей, которые желали определиться в город воеводу, в них писали обыкновенно: «Надежа-государь, отпусти в город покормиться». А потом и от дел акциденция была дозволена» [2, с. 417].

То есть, мы видим, что взяточничеству, в постпетровскую эпоху доминирующие сословия пытались придать благообразную форму, что и высмеивается в сатире М.Д. Чулкова.

Кстати сказать, слово *акциденция* в переводе с латыни означает случайное, переходящее состояние, несущественное свойство предмета [3, с.25].

Следовательно, взятка представляет собой некую случайность, которая может произойти с каждым, «ибо человек слаб, ибо человеци суть».

Однако, взяточничество настолько вредило государствоустройству и развращало российское общество, что писатели считали своим гражданским долгом поднять на острие сатиры чиновников-мздоимцев.

В.В. Капнист (1758-1823) в комедии «Ябеда» (1794) в образе Хватайко высмеял прокурорское сословие:

«Бери, большой тут нет науки,
Бери, что только можно взять,
На что ж привешены нам руки,
Как не на то, что б брать» [4, с.186].

В этом проявилась большая смелость писателя, так как институту прокуратуры Екатерина II придавала особое значение, считая прокурора совестью общества. А тут, такое откровение: общество устало от подобной совести.

Таким образом, мыслящие представители дворянского сословия яростно сопротивлялись вживанию в российскую правовую культуру коррупции, формировали негативное отношение к мздоимству, стяжательству, препятствовали моральному оправданию этого негативного явления,

называя вещи своими именами. Не акциденция, а взятка, которая хуже разбоя и мошенничества.

В современном российском обществе коррупционные проявления практически не изменились.

Согласно Федеральному закону от 25.12.2008 N 273-ФЗ (ред. от 22.12.2014) "О противодействии коррупции" под коррупцией понимается злоупотребление служебным положением, дача взятки, получение взятки, злоупотребление полномочиями, коммерческий подкуп либо иное незаконное использование физическим лицом своего должностного положения вопреки законным интересам общества и государства в целях получения выгоды в виде денег, ценностей, иного имущества или услуг имущественного характера, иных имущественных прав для себя или для третьих лиц либо незаконное предоставление такой выгоды указанному лицу другими физическими лицами;

Основой коррупции является, как уже отмечалось выше, взяточничество – многогранное явление охватывающее основные культурологические факторы, такие как уровень и состояние массовой и правовой культуры.

Предметом взяточничества является взятка. Статьей 290 УК РФ взятка определена в виде денег, ценных бумаг, иного имущества либо в виде незаконных оказания ему услуг имущественного характера, предоставления иных имущественных прав за совершение действий (бездействие) в пользу взяткодателя или представляемых им лиц, если такие действия (бездействие) входят в служебные полномочия должностного лица либо если оно в силу должностного положения может способствовать таким действиям.

Не вдаваясь в глубокий юридический анализ состава преступления, можно с уверенностью сказать, что в законодательном определении нашли свое отражение исторические и цивилизационные основы исследуемого явления.

В статье 290 УК РФ обозначены и взятка-мздоимство (ожидание вознаграждения за свою работу), и взятка-лихоимство

(получение вознаграждения за незаконные действия).

Подобная правовая культура явилась результатом российского пути государство-устройства. Этот путь свои векторы устремил к Византии, то есть к Востоку, который, как известно «дело тонкое».

В восточно-деспотийной традиции получать дары и одаривать власть при осуществлении своих гражданских прав и обязанностей.

Эти же культурологические смыслы проникли и в систему российского государственного управления. Достаточно вспомнить кормления воевод и приказных людей Царства Московского.

Подобная правовая культура не могла не отразиться на массовой культуре, что проявилось в русском народном творчестве. Так, в сказке «Гуси-лебеди». волшебные помощники: яблоня, печка, река-кисельные берега ничего не делают даром для Аленушки и брата Иванушки.

Я специально примитивизирую сказочные символы, чтобы отразить народное восприятие сказки. Конечно же, употребление Аленушкой навязанных волшебными помощниками продуктов является приобщением к некому таинству, которое спасает от угрозы, в данном случае, от Бабы-Яги.

Однако смущает синтаксическая конструкция предложения даров: «Отведай, Аленушка, моих ржаных пирожков, тогда укажу, куда гуси-лебеди полетели». Помощь оказывается явно со стяжательской семантикой «ты – мне, я – тебе». Кстати сказать, это не характерно для русской духовной традиции. Для русского народа нравственно близким является бескорыстная помощь попавшим в беду. Даже сейчас, в наше время, можно наблюдать, как в заснеженном городе незнакомые друг другу люди, не сговариваясь, помогают вытаскивать машину из сугроба и не ждут за это благодарности. Надеюсь, что это не атавизм.

Петр Первый пытался изменить государственный коррумпированный порядок, заимствовав систему шведского городского права. Но это не помогло, произошло лишь бюрократизирование аппарата управления.

С тех пор такое явление, как коррупция мутировало и перестало замыкаться лишь на взяточничестве, и стало представлять собой то общественное зло, которое и обозначено в ФЗ «О противодействии коррупции».

В качестве первой меры профилактики коррупции Закон предлагает формирование в обществе нетерпимости к коррупционному поведению;

Однако, формирование соответствующей правовой культуры необходимо начинать с законодательства.

Если мы, сравним ответственность взяткополучателя (ст.290 УК РФ) от ответственности взяткодателя (ст. 291 УК РФ), то к последнему государство относится снисходительнее, по-отечески. И санкции мягче, и примечание-лазейка имеется: «Лицо, добровольно сообщившее о даче взятки освобождается от уголовной ответственности» (Примечание к ст. 291 УК РФ).

Если, мы хотим сформировать негативное отношение к коррупции, то в первую очередь необходимо бить взяткодателя. Это он искуситель, это он Мефистофель, это он провокатор.

В этом вопросе главное – не переусердствовать. Ведь наша Россия многонациональна, ее населяют народы с различными культурными традициями, в том числе и с восточными, где одаривание является благопристойным поведением.

Вместе с тем, необходимо вести длительную кропотливую работу по отучению населения ожидать дополнительного вознаграждения за свой труд.

Заново приводить индивидуалистов к соборности, к осознанию принадлежности к единой, многонациональной, культуuroобразующей нации.

Библиографический список:

1. Даль В.И. Большой иллюстрированный словарь русского языка. – М., 2008. – 349 с.
2. Западов В.А. Русская литература XVIII века 1700-1775: Хрестоматия. Учеб. пособие /Сост. В.А. Западов. –М., 1979. – 447 с.
3. Словарь иностранных слов. – М., 1989. – 624 с.
4. Федоров В.И. История русской литературы XVIII века: Учебник для студентов пед.ин-тов. – М., 1982. – 335 с.

©Редков С.К., 2015

ИСТОРИЯ

Иеромонах Михаил (Чепель)

Директор НО «Благотворительный Фонд
Святителя Николая Чудотворца»,
доктор философских наук, профессор философии
Международной Лиги развития науки и образования

Некоторые аспекты влияния церковной реформы Петра I на жизнь Российского Православия

Отношение исследователей к церковной реформе, проведенной Петром I, не одинаково. Данная тема вызывает разногласия среди ученых. В попытке дать свою оценку этим неоднозначным преобразованиям автор раскрывает суть реформы, а также анализирует ее влияние на Православную Церковь в России и на религиозные настроения людей того времени.

Ключевые слова: Православие, Церковь, Российская империя, реформа, Петр I, Синод, Духовный регламент.

Епископ Феофан Прокопович, в слове на погребение Петра Великого так оценил роль императора в жизни Российского православия: «Се же твой, о и церкви Российской, и Давид и Константин. Его дело, правительство Синодальное, его попечение – пишемая и глаголемая наставления. О великая произносило сердце сие о невежестве пути спасенного! Великая ревности на суеверия, и лестнические притворы, и раскол гнездящийся в нас, безумный, враждебный и пагубный! Великое же в нем и желание было и искание вящего в чине пастырском искусства, прямейшего в народе богомудрия, изряднейшего во всем исправления»[1; 230]. И в то же время многие из современников Петра считали его «царем-антихристом»...

Мнения о том, какое влияние оказала церковная реформа императора Петра I на жизнь Русской Православной Церкви, также существуют самые разные. Некоторые церковные деятели и исследователи отмечали положительную ее сторону, указывали на то, что она является движением в сторону церковной соборности. Первым об этом го-

ворил сам идеолог реформы епископ Феофан (Прокопович). Другая же точка зрения заключается в том, что реформа имела исключительно разрушительный для Российского Православия характер, была направлена на подчинение Церкви государству в России, при этом за основу брались образцы протестантских государств, в частности Англии, где король является и руководителем церкви.

Как писал И.К. Смолич, рассматривая оценки, которые давались петровской реформе в церковной жизни, «Феофан неоднократно подчеркивает, что Синод есть «соборное правительство» и, следовательно, больше, чем просто орган коллегиального управления. Уже в манифесте это выражение намеренно употреблено, чтобы вызвать у читающего ассоциации с церковными Соборами. В официальном учебнике русской церковной истории 1837 г. Святейший Синод прямо именуется «непрерывным Поместным Собором». В «Истории Русской Церкви» Филарета Гумилевского говорится: «Святейший Синод по составу своему то же, что законный церковный Собор». Уже в

1815 г. Филарет Дроздов, впоследствии митрополит, предпринял попытку представить Святейший Синод как олицетворение соборного принципа древней Церкви. В его сочинении «Разговоры между испытующим и уверенным о православии Восточной католической Церкви» сомневающемуся дается разъяснение, что каждый раз, когда в какой-либо Церкви умирает патриарх, собирается в ней Собор, а по-гречески Синод, который и занимал место патриарха». Этот Собор обладал такой же властью, как патриарх. Когда Русская Церковь получила в качестве высшей инстанции своего управления Святейший Синод, она «ближе подошла к древнему образу священноначалия» [8; 97].

А. Боханов в своей книге также рассматривает разные точки зрения не только на реформы Петра, но и на его личную религиозность: «По поводу религиозности Петра существуют разные суждения; это одна из самых неясных сторон исторического портрета этой удивительной, противоречивой во всех своих направлениях личности. Мало кто считает его неверующим; разночтения начинаются при оценке характера его веры. Специально рассматривавший эту тему Л.А. Тихомиров, заметил, что «несмотря на кощунственные пародии церковной иерархии с «князем папой» во главе – он без сомнения верил в Бога и во Христа Спасителя. Но он действительно имел сильные протестантские наклонности. Лютера он вообще ставил очень высоко. В 1712 г., перед статуей Лютера в Вартбурге, он восхвалял его за то, что «на папу и все его воинство столь мужественно наступил для величайшей пользы своего государя и многих князей». Похвала для религиозного реформатора не столь лестная, но хорошо рисующая взгляды самого Петра на Церковь».

Явная склонность русского царя к европейской рационалистической регламентации и в вопросах веры приходила в противоречие не только с исторически устоявшимися формами миропонимания, привычными для определенного, привилегированного круга, но и с народными представлениями. Как отмечал Г.В. Флоровский, «новизна Петровской реформы не в западничестве, но в секуляризации. Именно в этом реформа Петра была не только поворотом,

но и переворотом». Монарх самочинно насадил «психологию переворота», инициировав подлинный русский раскол. С этого времени «изменяется самочувствие и самоопределение власти. Государственная власть самоутверждается в своем самодавлении, утверждает свою суверенную самодостаточность». Флоровский был уверен, что Петр создал «полицейское государство», что государственное попечение приобрело характер «опеки». Отныне человеческая личность стала оцениваться не с позиции нравственных качеств, а с точки зрения пригодности для «политико-технических целей и задач». Если Флоровский и не очень убедителен в частных оценках петровских преобразований, то его общий вывод о том, что царь-император внедрял в России управленческие приемы и властную психологию не просто «из Европы», а именно из протестантских стран – этот вывод представляется обоснованным.

<...> По выражению Н.М. Карамзина, замысел преобразователя сводился к тому, чтобы «сделать Россию Голландией». Данную констатацию можно признать гиперболизированной. Однако, сделанное задолго до славянофилов, заключение историографа о том, что с Петра «мы стали гражданами мира, но перестали быть, в некоторых случаях, гражданами России», – нельзя не признать исторически адекватным» [3; 243-244].

В то же время, как писал И. К. Смолич, «едва ли справедливо считать, будто религиозность Петра была проникнута духом западного рационализма. Он почитал иконы и Божию Матерь, как он признался патриарху Адриану во время процессии по поводу казни стрельцов; он благоговейно лобызал мощи, охотно посещал богослужения, читал Апостол и пел в церковном хоре. Современникам была известна его начитанность в Библии, цитаты из которой он метко употреблял, как в беседах, так и в письмах. Феофан Прокопович замечает, что «как всеоружие (Петру – *ред.*) было изученными от Священных Писаний догматы, наипаче Павлова послания, которая твердо себе в памяти закрепил». Тот же Феофан говорит, что Петр «и в разговорах богословских и других слышати и сам не молчати не токмо,

как прочие обвыкли, не стыдился, но и с охотою тшался и многих в сумнительстве совести наставлял». [8; 66-67].

Однозначно отрицательные оценки деятельности первого Российского императора в церковном вопросе дают архиепископ Серафим (Соболев) и митрополит Иоанн (Снычев). По мнению архиепископа Серафима (Соболева) «вред от противокерковных реформ Петра I не исчерпывался только тем, что протестантизм еще при нем стал сильно распространяться чрез умножение сект в русском обществе. Главное зло здесь заключалось в том, что Петр привил русскому народу протестантизм, имевший в себе самом великий соблазн и привлекательность, в силу чего он стал жить в России и после Петра. Протестантизм привлекателен тем, что, по-видимому, возвышает человеческую личность, так как дает перевес его разуму и свободе над авторитетом веры и обольщает независимостью и прогрессивностью своих начал. <...> Но и этим не исчерпывается зло, которое причинил Петр России. Русская Церковь могла бы с успехом бороться с отступлением от православной веры русских людей на почве протестантизма посредством школьного просвещения. Но Петр отнял у Церкви имущество. В силу этого просвещение русского народа не было в ведении Церкви, распространялось не на исконных исторических началах нашей православной веры, но с XIX столетия даже внедряло отрицательное отношение к вере и потому в себе таило гибель России [7; 19].

По оценке митрополита Иоанна (Снычева) «судорожная эпоха Петра, разметавшая русскую старину в погоне за европейскими новшествами, сменилась господством чреды временщиков, мало любивших Россию и еще меньше понимавших неповторимые особенности ее характера и мировоззрения. <...> Православная Церковь была унижена и ослаблена: ликвидирована каноническая форма ее управления (патриархат), изъятием церковных земель подорвано благосостояние духовенства и возможности церковной благотворительности, резко сокращено количество монастырей – светочей христианской духовности и православного образования. Самодержавие как

принцип правления (предполагающий религиозно осознанное отношение к власти как к церковному служению, послушанию) все более искажалось под влиянием идей западноевропейского абсолютизма» [4; 243-244].

Идею реформы церковного управления в России первый Российский император, по всей видимости, привез из Европы. «О широком интересе Петра к церковной жизни Англии не только в ее официальной, но и в ее сектантской частях, сохранилось достаточно много свидетельств. Он беседовал с самими Кентерберийским и с другими англиканскими епископами все о церковных делах. Архиепископы Кентерберийский и Йоркский назначили для Петра специальных богословов-консультантов. К ним присоединился и Оксфордский университет, назначивший консультанта со своей стороны. Вильгельм Оранский, получивший английскую корону, но воспитанный в левопротестантской духе, ссылаясь на пример родной ему Голландии и самой Англии, советовал Петру сделаться самому «главой религии», чтобы располагать полнотой монархической власти. Беседуя за границей о церковных вопросах Петр все же соблюдал большую осторожность, указывая собеседникам, что ими ведают в России высшая церковная власть. Общий вопрос о коллегиальном управлении интересовал его» [9; 548].

Как писал С.В. Пушкарев «со своим утилитарно-практическим подходом ко всем жизненным вопросам и со своим стремлением тащить всех своих подданных на работу и на службу государству Петр не сочувственно и даже неприязненно относился к монашеству, тем более что в столь нелюбимых им «бородачах» он видел или чувствовал явную или скрытую оппозицию своим реформам. С 1700 года и до конца своего правления Петр систематически предпринимал ряд мер для того, чтобы ограничить и обезвредить монашество. В 1701 году управление монастырскими и епископскими вотчинами было изъято из рук духовных властей и передано в руки светских чиновников Монастырского приказа. На содержание же монахов и монахинь была положена ежегодная «дача» деньгами и хлебом. Велено было переписать мона-

стыри и в них всех монахов и монахинь, и впредь никого в монахи вновь не постригать без царского указа; мужчин моложе 30 лет было вовсе запрещено постригать в монахи, а на «убылые места» велено было постригать в монахи преимущественно отставных солдат, старых и нетрудоспособных. Доходы с монастырских имений должны были употребляться на нужды благотворительности [6; 257-258].

Согласно воспоминаниям А.К. Нартова, «Его императорское величество, присутствуя в собрании с архиереями, приметив некоторых усильное желание к избранию патриарха, о чем неоднократно от духовенства предлагаемо было, вынув одною рукою из кармана к такому случаю приготовленный Духовный Регламент и отдав, сказал им грозно: «Вы просите патриарха, вот вам духовный патриарх, а противомыслящим сему (выдернув другою рукою из ножен кортик и ударяя оным по столу) вот булатный патриарх!» Потом встав, пошел вон. После сего оставлено было прошение об избрании патриарха и учрежден святейший Синод.

С намерением Петра Великого об установлении Духовной коллегии согласны были Стефан Яворский и Феофан Новгородский, которые в сочинении Регламента его величеству помогали, из коих первого определил в синоде председателем, а другого – вице-президентом, сам же стал главою церкви государства своего и некогда рассказывая о распрях патриарха Никона с царем родителем его Алексеем Михайловичем, говорил: «Пора обуздать не принадлежащую власть старцу. Богу изволившу исправлять мне гражданство и духовенство. Я им обоим – государь и патриарх. Они забыли, в самой древности сие было совокупно» [2; 301-302].

Как писал Н.М. Никольский, «Духовный Регламент, опубликованный 25 января 1721 года вместе с манифестом Петра, учреждал, выражаясь слогом манифеста «соборное правительство» в Церкви; на самом деле, как без всяких обиняков говорилось в Духовном Регламенте. Духовное Коллегиум, долженствовавшее отныне управлять Русской Церковью, мыслилось и было организовано в виде одной из прочих

коллегий, т.е. учреждений, соответствовавших современным министерствам; тем самым новое «соборное правительство» стало лишь одной из спиц в колесе абсолютистского государства. Новый законодательный акт был подготовлен без всякого участия Церкви, ибо, хотя составлял проект Регламента псковский епископ Феофан Прокопович, но он выполнял лишь задание Петра – учредить для управления Русской Церковью коллегию по образцу протестантских духовных консисторий [5; 192].

«Организация синода, как вскоре была наименована духовная коллегия, передает управление церковью всецело в руки государства. <...> Имея широкий простор для выбора членов синода, императорская власть не представляет такого же простора синоду в замещении свободных кафедр. Синод только «свидетельствует» перед императором кандидатов, т.е. указывает их, но императорская власть вовсе не принимает на себя обязательства назначать именно тех лиц, которых указывает синод. Правда, синод сейчас же после учреждения добился упразднения Монастырского приказа и получил все те функции, которые ранее принадлежали последнему; но зато правительство приняло сейчас же меры, чтобы административно-хозяйственное управление синода стояло под строгим оком государства. Контроль был вверен обер-прокурору синода, светскому чиновнику, названному в официальной инструкции 1722 г. «оком государя и стряпчим по делам государственным». Он, подобно обер-прокурору сената, обязан был «смотреть накрепко, дабы синод свою должность хранил и во всех делах... истинно, ревностно и порядочно без потерянния времени по регламентам и указам отправлял», «также должен накрепко смотреть, дабы синод в своем звании праведно и нелицемерно поступал». В случае упущений или нарушений указов и регламентов обер-прокурор должен был предлагать синоду, «дабы исправили»; «а ежели не послушают, то должен в тот час протестовать и иное дело остановить, и немедленно нам (императору) донести, если весьма нужное». Через обер-прокурора синод получал также все правительственные указы и распоряжения. [5; 194-195].

В принятой в советское время терминологии но, по сути в основном точно, хотя и более упрощенно, чем это было в целом в реальности, описывает Н.М. Никольский отражение синодальной реформы на епархиальных архиереях и священниках: «епархиальные архиереи, превратившиеся в духовных чиновников, и белое духовенство, в городах всецело зависевшее от архиереев, а в селах – от местных помещиков, трактованных сельских священников, как «подлый род людей» [5; 195].

«Синод представлял собой высшую административную и судебную инстанцию Русской Церкви. Ему принадлежало право открытия новых кафедр, избрания иерархов и поставления их на вдовствующие кафедры. Он осуществлял верховное наблюдение за исполнением церковных законов всеми членами Церкви и за духовным просвещением народа. Синоду принадлежало право устанавливать новые праздники и обряды, канонизировать святых угодников. Синод издавал Священное Писание и богослужебные книги, а также подвергал верховной цензуре сочинения богословского, церковно-исторического и канонического суждения. Он имел право ходатайствовать перед высочайшей властью о нуждах Российской Православной Церкви. Как высшая церковная судебная власть, Синод являлся судом первой инстанции по обвинению епископов в антиканонических деяниях; он также представлял собой и апелляционную инстанцию по делам, решавшимся в епархиальных судах. Синоду принадлежало право выносить окончательные решения по большей части бракоразводных дел, а также по делам о снятии сана с духовных лиц и об анафематствовании мирян. Наконец, Синод служил органом канонического общения Русской Церкви с автокефальными Православными Церквями, со Вселенским православием. В домово́й церкви первенствующего члена Синода за богослужением возносились имена Восточных патриархов [10; 25].

По вопросу сношений с сенатом, Синод, в запросе императору написал, что «духовная коллегия имеет честь, силу и власть патриаршескую или едва ли не большую, понеже собор»; но Петр в 1722

году, отправляясь в персидский поход официально подчинил Синод сенату [5; 196].

«Петр не был провозвестником секулярных настроений в России; они практически существовали всегда. Но он стал первым царем, рассматривавшим «цареву службу» вне рамок «Божьего дела». В этом новом выражении государственной идеократической установки и проступала главная линия исторического разделения между Россией «до» и Россией «после» Петра. Новое «самочувствование власти» плохо, можно даже сказать, вообще не коррелировалось с традиционным государственным «самочувствованием» народной среды, что неизбежно вело, по словам Флоровского, к «поляризации душевного бытия России».

Христианский «модернизм» Петра не мог не отразиться и на внешних проявлениях священнического царского служения. В этой области он одновременно и учреждал нечто принципиально новое, и модифицировал устоявшиеся приемы. Когда в 1721 г. монарх принял титул императора, никакого церковного интронизационного ритуала в этом случае не последовало. Монарх как бы оставался раз и навсегда «поставленным царем», принявшим лишь новое обозначение. <...> Церковный же обряд венчания на царство претерпел изменения, что и сказалось при короновании супруги императора Екатерины (1684-1727) в мае 1724 г. Главное новшество состояло в том, что отныне монарх начинал играть ключевую роль в церемонии. Если раньше корону на голову коронуемому возлагал митрополит или патриарх, то теперь эта функция перешла к царю [3; 245].

По несколько упрощенной оценке архиепископа Серафима (Соболева) «в итоге противцерковных реформ Петра в жизни русских людей получилось охлаждение к православной вере и всем внешним формам ее проявления. Умножились вольнодумцы, осуждавшие по началам протестантским, обрядность. Еще современное Петру русское образованное общество, проникаясь европейскими протестантскими взглядами, начало стыдиться своей прежней детской и простодушной религиозности и старалось скрыть ее, тем более, что она открыто с высоты престола и начальственными лицами

подвергалась резкому осуждению» [7; 18-19].

Более подробно эту мысль раскрывает протоиерей Владислав Цыпин: «в петровскую эпоху начинается роковой для судеб государства раскол между высшим слоем общества и простым народом, который традиционно хранил верность заветам своих предков. <...> В ту пору одно за другим издавались распоряжения с петровско-феофановской «просветительской» направленностью, вроде указов о «всуде жегомых» церковных свечах или о «неупотреблении Святых Таин за лекарство аптекарское». Выходили и такие распоряжения, которые грубо оскорбляли народное благочестие указы против сооружения часовен, против обычая носить иконы по домам, против богатых риз, дорогих колоколов, драгоценных сосудов. Большой соблазн в народе вызывала настоящая одержимость царя разоблачением народных суеверий, под которыми подразумевались старинные благочестивые обряды. За разглашение ложных слухов о чудесах, видениях и пророчествах он назначил тяжкую кару – вырывание ноздрей и ссылку на галеры. Хуже того, духовникам велено было доносить властям, если кто на исповеди сознается в разглашении ложных слухов о чудесах. И светские и духовные власти обязаны были преследовать народных «пророков», юродивых, кликуш. Кликуш и бесноватых было велено пытаться, пока не сознаются в притворстве. Колдунов подвергали смертной казни. «Просветительское направление» в указах Петра сочетались с самым дремучим варварством» [10; 47-49].

«Представляются не совсем исторически точными два популярных исторических утверждения, раскрывающие тему Царь и церковь. Первое – при Петре государство просто «эмансипировалось от церкви» (И.А. Ильин). Второе – Петр «секуляризировал русское царство и приобщил его к типу западного просвещенного абсолютизма» (Н.А. Бердяев). Скорее прав Ф.А. Степун, писавший о том, что при Петре, как и раньше, «оба меча» – светский и духовный, оставались в руках верховного правителя России, но при нем лишь усиливается подчинение духовного меча светскому. По образному выражению этого философа,

Петр не стремился к отделению церкви от государства, он намеревался как бы «вовлечь ее в государственный оборот». В более резкой форме схожую мысль еще в 1844 г. в своей магистерской диссертации выразил известный славянофил Ю.Ф. Самарин, считавший, что «Петр Великий понял религию только с ее нравственной стороны, во сколько она нужна для государства, и в этом выразилась его исключительность, его протестантская односторонность. С своей точки зрения, он не понимал, что такое Церковь, он просто ее не видел; ибо сфера ее выше сферы практической, и потому он поступал, как будто ее не было, отрицая ее не злоумышленно, а скорее по неведению» [3; 249-250].

Разные взгляды на проведенную императором Петром I церковную реформу показывают ее сложность и неоднозначность. Собственные взгляды авторов, ее изучавших, оказывают решающее влияние на те выводы, которые они делают.

Сущность реформы заключалась в коренном преобразовании системы церковного управления в России. Замена Патриарха Святейшим Синодом, фактически государственным органом, члены которого должны были давать государственную присягу, превращение в чиновников епархиальных архиереев, ограничения для монашества, усложнение жизни приходского духовенства – вполне очевидные ее последствия. Во многом здесь просматривается желание взять за образец Англию, где король является главой Англиканской церкви. В условиях же того, что многие из преемников Петра Великого были чужды Православию, реформа в итоге привела к тому, что Православная Церковь в России становилась все более зависима уже не только от императора, но и от чиновников. Начало этому было положено самим Петром I, подчинившим Синод Сенату во время одного из своих отсуствий.

Реформа оказала большое влияние на церковную жизнь в России. Рационализаторский взгляд на происходившие в ней процессы, непонимание ее сути, приводило ко многим печальным последствиям, среди которых можно назвать попытки решать духовные вопросы полицейскими мерами,

отход от Православия многих представителей образованной части российского общества. В то же время были сделаны серьезные шаги по развитию церковного образования, миссионерства; в то же время реформа стала началом Синодального периода, последствия и итоги которого в целом сложно оценить положительно.

Библиографический список:

Источники

1. *Феофан Прокопович*. Слово на погребение Петра Великого // *Петр Великий. Воспоминания. Дневниковые записи*. Париж – Москва – Нью-Йорк, 1993. С. 225-232
2. *Нартов А.К.* Достопамятные повествования и речи Петра Великого // *Петр Великий. Воспоминания. Дневниковые записи*. Париж – Москва – Нью-Йорк, 1993. С. 247-326

Литература

3. *Боханов А.* Самодержавие. М., 2002
4. *Иоанн (Снычев), митр.* Русская симфония. СПб., 2002
5. *Никольский Н.М.* История Русской Церкви. М., 1988
6. *Пушкарев С.Г.* Обзор Русской истории. Ставрополь, 1993
7. *Серафим (Соболев), архиеп.* Русская идеология. СПб., 1992
8. *Смолич И.К.* История Русской Церкви. 1700-1917. М., 1996
9. *Тальберг Н.* История Русской Церкви. М., 1997
10. *Цытин В., прот.* История Русской Православной Церкви. Синодальный и новейший периоды. 1700-2005. М., 2007

©Иеромонах Михаил (Чепель), 2015

К.А. Юдин

Кандидат исторических наук, старший научный сотрудник НИИ интеллигентоведения при ФГБОУ ВПО «Ивановский государственный университет»

Партийно-политический контроль в сталинском СССР и Третьем Рейхе 1930-х гг.: проблемы истории и историографии

Данная статья(1) носит обзорный историко-историографический характер и посвящена отдельным аспектам становления систем партийно-политического контроля и их конкретных ведомств (Комиссии партийного контроля (КПК) при ЦК ВКП(б) и Службы безопасности(СД)) тоталитарных режимов 1930-х годов: сталинского СССР и нацистской Германии. Не претендуя на полноту и масштабность сравнительно-исторического анализа, автор, опираясь на ранее проделанные изыскания, предпринял попытку рассмотреть основные результаты, тенденции научных исследований в этой проблемно-тематической области, оценить их идейно-концептуальный потенциал. Кроме этого, автор касается актуальных и дискуссионных проблем, относящихся к сфере состояния исторической памяти, складывавшейся как из текущей имманентно-ретроспективной критики сущности тоталитарных режимов, осуществляемой их современниками, например, известным итальянским аристократом Юлиусом Эволой, так и из их восприятия в новейший период с учетом длительной временной дистанции.

Ключевые слова: тоталитаризм, сталинизм, Третий Рейх, национал-социализм, фашизм, партийно-политический контроль, историография.

Изучение тоталитарных режимов 1930-х гг., их контрольно-надзорного, репрессивного аппарата, без преувеличения, является одним из самых актуальных направлений современной исторической науки. Это обусловлено, прежде всего, тем огромным влиянием, которое оказал этот аппарат на весь ход истории XX века, на судьбы сотен тысяч и даже миллионов людей, испытавших, и не в одном поколении, последствия от жестоких политических экспериментов идеократической тирании.

Данная проблематика изначально обладала необычайно широким научно-исследовательским диапазоном, поскольку находилась в центре внимания ученых, публицистов, правозащитников и других представителей общественности. Только за новейший период 1990-2000-х годов вышли сотни наименований литературы по истории нацистской Германии и фашистской идеологии [2,3,5,9,14,23,34,56,63,74], сталинизма [33], репрессий [32,39,70], проводились солидные конференции и «круглые столы»,

посвященные разным аспектам политической истории [1,28,29,46,50,60,61,65,75].

Обозреть этот поистине грандиозный массив трудов историко-политологического, социально-философского и иных тематических спектров даже в предельно общих чертах вряд ли представляется возможным. Поэтому уместно будет остановиться лишь на некоторых проблемах теоретического плана. Несомненной заслугой современной историографии тоталитаризма является, на наш взгляд, постановка проблемы в глобальный контекст, в масштабную, макроисторическую сравнительную перспективу. Об этом свидетельствует, в частности, конференция, проведенная в 2009 г. в Кемеровском университете [15], а затем совместный российско-германский проект, посвященный идеологии «особого пути» [25], основным итогом которых стало утверждение синхронно-стадиальной близости становления диктаторских режимов в СССР и гитлеровской Германии, что нашло отражение даже в са-

мих названиях этих научных форумов и отдельных публикаций [8]. Тем самым, были успешно закреплены и методологически верифицированы ранее предпринимавшиеся попытки поместить историю двух страх и их лидеров в этот проблемно-тематический ракурс [11].

В 2008 г. в исследовании Й. Горлицкого получил аргументированное обоснование идейно-институциональный фактор, который, по мнению автора, является ключом к отображению расхождений моделей тоталитарного развития двух диктатур. «Оба лидера, – писал он, – отвечали потребностям и соответствовали свойствам тех систем, которыми они руководили. Как величайший пропагандист и оратор, Гитлер возглавил связанное с агитацией масс партийное движение, чьи отношения с государством никогда не были закреплены или институционализированы. Как мастер бюрократической и организационной работы, Сталин руководил грандиозной, всепоглощающей иерархической структурой, в которой хорошо подготовленная партийная бюрократия, в значительной степени вылепленная им самим, играла все более значительную роль» [17, с.144]. Во многом автор демонстрирует солидарность с концепцией М. Бросцата, который подчеркивал особенность государственного управления в Третьем Рейхе. Она заключалась в намеренном поощрении и стимулировании «персонализированных сетевых организаций» – структур лидер-свита, воплощавших так называемую двухстороннюю коммуникативную модель «фюрер-принципа», предполагавшего личную преданности вождю Рейха в обмен на реальную самостоятельность на местах, предоставляемой территориальным единицам гау и охранным отрядам СС [94, с.91]. В то время, как в СССР Сталин ревностно следил не только за своими приближенными, но и за всей кадровой сетью, практически не допуская (за редким исключением) ни малейшего возвышения региональных лидеров, рассматривая любую избыточную популярность, даже достигнутую покорным исполнением, как покушение на свое верховенство.

Об этом свидетельствуют его яростные атаки на февральско-мартовском пле-

нуме 1937 г., направленные на беспощадное разоблачение «семейственности и групповщины» [41, с. 13], а также, по удачному выражению д.и.н. О.В. Хлевнюка, вмешательства в институциональные механизмы в виде «интервенций без правил» для напоминания о своей ведущей и непогрешимой роли Хозяина [77, с. 8].

Тем самым, и отечественные, и зарубежные историки параллельно пришли к выводам о принципиальном отличии административных практик двух режимов:

1) психополитической, «бюрократическо-секретарской» тирании Сталина, не связанной никакими реальными моральными и юридическими обязательствами, унаследовавшей стиль «чрезвычайщины» периода революции и гражданской войны, трансформировавшейся в различные военно-мобилизационные лозунги.

2) вождистско-харизматической ролью А. Гитлера как публичного пропагандиста и идеолога, чья власть имела более прочные правовые основания, проистекавшие уже из задействования партийно-парламентских механизмов прихода к власти, оформившиеся затем в виде статуса рейхсканцлера и рейсхфюрера, легализации и формализации репрессий в виде «расовых законов». Как верно писал Ю. Царуски, «национал-социалистическая юстиция отличалась крайней жестокостью и несправедливостью, но при этом не была фикцией. Она оказалась не в состоянии так ловко бороться с «объективными врагами», как это виртуозно делали сталинские юристы, доказывавшие абсолютно все, в том числе и совершенно невозможное» [78, с.122].

Заметные гносеологические перспективы продемонстрировал информационно-когнитивный подход к истории сталинизма, в котором ключевая роль стала отводиться истории отдельных ведомств и сфокусированных вокруг них сфер влияния, каналам прохождения информации. Как отмечал д.ф.н. А.Н. Медушевский, с позиций данного подхода сталинизм может быть определен, как «система, тяготеющая к установлению максимального контроля над информацией в интересах целенаправленного функционирования человеческими ресурсами» [42, с.148] Эти историографические резуль-

таты были подкреплены научными изысканиями в рамках теории политического контроля, истории цензуры, информационно-пропагандистских технологий таких исследователей, как Н.А. Володина [12], Т.П. Горяева [18], В.С. Измозик [26], О.Н. Калинина [31], С.А. Красильников [36;37], Е.А. Осокина [49], Т.М. Смирнова [64] и др.

Применительно к истории Германии, созвучные по ракурсу постановки проблем, – это работы В.О. Шлотгауэра, О.В. Штыкиной [80;82]. Они затронули системные характеристики сталинского режима, из которых складывался и внутривластный контроль. К ним принадлежали: социальная мобилизация и социальный иммунитет индивидов как ее обратная сторона, идеологическая сегрегация информационного пространства и порожденные ей коллективистские установки, образ врага, стремление к узурпации личного пространства и времени, партийно-политическая стратификация и основанные на ней критерии оценки поведения в обществе и т.д. Были даны дефиниции политического контроля, которые (несмотря на то, что сами авторы не выходят за границы конкретно-исторических рамок отечественной «ойкумены») применимы, как представляется, не только к истории сталинизма, но и ко всем тоталитарным системам, исходя из общности целей – подавления инакомыслия в интересах политического господства.

Так, д.и.н. В.С. Измозик определил политический контроль как *«систему регулярного сбора и анализа информации различными звеньями государственного аппарата о настроениях в обществе, отношении различных его слоев к действиям властей, о поведении и намерениях экстремистских и антиправительственных групп и организаций»* [26, с.10]. Эту дефиницию дополнила Н.А. Володина. Соответственно, предложенное ей определение и в полной мере разделяемое нами звучит следующим образом. *«Политический контроль – это имманентно присутствующее любому, но в особенности тоталитарному государству качество, представляющее собой комплекс мероприятий власти, направленных не только на контроль поведения индивида, всех социальных групп, но и на формирование миро-*

воззрения и поведения основной массы населения на основе задаваемых идеологических канонов и практических потребностей режима» [12, с. 26]. Развивая традиции изучения номенклатурно-распределительной системы как способа организации власти, В.П. Мохов выделяет 5 уровней управления: номенклатурный механизм контроля, партийный, административный, общественный и *«внутрипартийный»* контроль [См.: 45].

В этом же направлении, отчасти подхватив концептуальную эстафету, работали их зарубежные коллеги: А. Блюм и М. Веспуле [6], Дж. Истер [27], Ф. Нерар [47], Т. Ригби [97], С. Дэвис [21], Б. Штудер и Б. Уинфрид [81]. Эти авторы сделали смелую попытку проанализировать то, что можно назвать социологией власти – степень влияния государства на общественное сознание, соотношение между внешними, институциональными формами контроля и реальным содержанием внутреннего мира объектов воздействия.

С. Дэвис, Т. Ригби обращают внимание на сложность поведенческой модели советского человека в сталинском СССР, находившегося между «двумя мирами»: официальной культуры и «теневого», сложенной из его личной социальной, мировоззренческой идентичности, в которую входили семейные связи, отношение к религии и т.д. [21, с.176;95, р.312-314]. А. Блюм, М. Веспуле и Ф. Нерар довольно подробно освещают технологию «чисток» в партии, предлагают классификацию «оппозиционного поведения», оценивая общий идеологический принцип функционирования органов контроля как «инструментализацию фактов в репрессивных целях», когда прошлое становится на «службу» у настоящего [6, с. 28,267]. Б. Штудер и Б. Уинфрид непосредственно затрагивают сам механизм внутривластного контроля и его составные звенья – партийные взыскания и социально-политические критерии их наложения на богатом архивном материале. Они приходят к интересным выводам о роли критики и самокритики как «ритуалов партийной жизни», выполнявших функцию политического контроля, направленного на «демонтаж личности» под угрозой исключения из партии как «социальной смерти» – уничтоже-

ние исконной идентичности и формировании новой «партийной ментальности» [81, с.10-11,89,125].

В то же время, несмотря на, казалось бы, солидный историографический задел, многие проблемы до сих пор остаются без внимания. Как можно убедиться из представленного обзора, партийный контроль изучен, главным образом, в его наиболее общих, системно-политических характеристиках. История же отдельных контрольно-ревизионных ведомств сугубо внутривнутрипартийного профиля, таких, как Комиссия партийного контроля (КПК) при ЦК ВКП(б) в СССР и Служба безопасности (СД) (*Der Sicherheitsdienst des Reichsführers-SS (SD)*) в нацистской Германии оказалась за «кадром». Между тем, именно они играли ведущую, ключевую роль в стягивании силового поля политического контроля, поскольку воздействовали на общественное сознание через структурирующую информационно-политическую матрицу – партийную сферу ВКП(б) и НСДАП, являвшихся главными организационно-пропагандистскими трибунами как в сталинском СССР, так и в Третьем Рейхе.

Более того, интересно отметить, что процесс формирования контрольно-надзорного аппарата проходил не только практически полностью параллельно в своем институциональном облике, но и полностью соответствовал культурно-историческим, «цивилизационным ритмам» двух стран. И Россия, и Германия, пережили революции 1917-1918 гг., за которыми последовал период «государственного капитализма» Веймарской республики и новой экономической политики (НЭПа) в Советской России, завершившиеся на волне реваншистской телеологии становлением тоталитарных режимов правого и левого типа – гитлеризма и сталинизма.

В 1930-1934 гг. в СССР по инициативе Сталина проходила подготовка к реорганизации партийно-государственного контроля. Критиковался наркомат рабоче-крестьянской инспекции (РКИ) и центральная контрольная комиссия (ЦКК) как несоответствующие духу времени «развернутого социалистического строительства по всему фронту», обстановке, требовавшей каче-

ственной хозяйственно-политической перестройки, усиления «классовой бдительности» и мобилизации на борьбу с врагами в условиях нараставшей геополитической враждебности «капиталистического окружения», «внутренней контрреволюции». Уже в 1930 г. усилиями Сталина было ликвидировано так называемое «совещание за-мов» при председателе СНК, в которое входили смещенный с этого поста А.И. Рыков, некоторые его заместители и члены Совета труда и обороны (СТО). Это можно рассматривать как институциональную предпосылку выделения внутривнутрипартийного контроля в специальное ведомство. Его функциональным прототипом стала *Комиссия исполнения* в составе убежденных сталинистов – В.М. Молотова, А.А. Андреева, П.П. Постышева, Н.П. Шверника, созданная решением Политбюро от 23 декабря 1930 г. [69, с. 30-31]. Накануне этого, осенью, в письмах, адресованных Молотову, Сталин решительно настаивал на необходимости немедленного создания этого ведомства «с исключительной целью систематической проверки исполнения решений центра с правом быстрого и прямого привлечения к ответственности, как партийных, так и беспартийных за бюрократизм, неисполнение решений центра, нераспорядительность, бесхозяйственность и т.п.» [53, с. 222-223].

Итогом постепенного, целенаправленного массивированного «медиативного эффекта», принявшего формы пропагандистско-информационной манипуляции, попеременной расстановки акцентов – разоблачения недостатков и рефлексивной аккумуляции былых достоинств – стали «торжественные похороны» НК ЦКК-РКИ и институциональная рокировка с ужесточением контрольно-ревизионных полномочий, переданных в феврале 1934 г. специальному ведомству внутривнутрипартийного надзора – КПК при ЦК ВКП(б), которая превратилась в особую коллегию судебно-следственного типа, призванную осуществлять жесткий, беспощадный идеологический и социально-экономический мониторинг за исполнением решений ЦК ВКП(б) и СНК СССР без излишней «творческой самостоятельности» – «рационализаторских уклонов» [52, 1935, № 24, с. 28]. Нормативно-правовые основы

функционирования аппарата КПК, по сути, сливавшиеся с идеологическими установками, были последовательно закреплены на XVII съезде ВКП(б), втором и третьем пленумах КПК в июне 1934 и марте 1936 гг. «Члены партии, – говорилось на съезде, – отказывающиеся правдиво отвечать на вопросы Комиссии партийного контроля, подлежат немедленному исключению из партии» [35, с. 145], а один из пленумов КПК призвал территориальные партколлегии вести «непримиримую борьбу со всеми классовыми врагами партии, с чуждыми элементами, обманным путем пробравшимися в партию», особое внимание уделять рассмотрению дел, связанных с «враждебными вылазками остатков контрреволюционного троцкизма, правых и “левых” оппортунистов, буржуазного национализма и великодержавного шовинизма» [52, 1934, № 20, с. 5].

Аналогичную роль по выявлению врагов партии и государства, поставлявшая Гестапо компрометирующие материалы, как КПК для НКВД в СССР, в нацистском государстве приобрела и Служба безопасности, возникшая в июне 1932 г. сначала как объединение информаторов под эгидой тогда еще штандантерфюрера СС Рейнхарда Гейдриха с одобрения Генриха Гиммлера [96, р.88]. К лету 1934 г. из вспомогательной структуры при «охранных отрядах» – СС (Schutzstaffel), она фактически превратилась во информационно-аналитическую, разведывательную службу всей нацистской партии [2, с. 129] и переросла первоначально уготованные ей функции «домашней полиции» НСДАП [43, с. 175]. 4 июля 1934 г. рейхсфюрер СС, ближайшее доверенное лицо А. Гитлера – Г. Гиммлер – объявил ее «единственной политической контрразведывательной службой», а через полгода дал указание: «СД должна выявлять противников национал-социалистической идеи, возглавить их ликвидацию и вести всю контрразведывательную деятельность государственного полицейского аппарата». В соответствии с высказыванием Гиммлера врагами были «коммунизм, еврейство, масонство, ультрамонтанизм, деятельность политизированных конфессий и реакции» [76, с. 130].

Внешне и КПК в СССР, и СД в Третьем Рейхе обладали сходным статусом в системе ведомственной иерархии. Они наслаивались, вплетались в матрицу уже действовавших партийно-государственных и карательных учреждений как посредники-дубликаты их функций. Тем самым, КПК и СД получали потенциальную возможность претендовать на часть их полномочий, которые они полулегально отвоевывали внутри в ходе межведомственного взаимодействия и информационного обмена. В то же время, как показывает даже поверхностный анализ, имманентные системно-институциональные параметры послужили регулятором пределов эволюции этих контрольно-надзорных ведомств. Деятельность СД в Третьем Рейхе изначально, во многом зависела от энергии и воли ее реальных и номинальных лидеров(2), в первую очередь Рейнхарда Гейдриха, поэтому она, отражая его амбиции на самоутверждение в «тысячелетнем рейхе» начала претендовать на роль могущественной внутренней и внешней разведки, с 1935 г. разделившись на сектор «партийной информации» и «внешней разведки», доверенных Отто Олендорфу и Вальтеру Шелленбергу. Обладая более сложной структурно-политической конфигурацией, она стала конкурировать с Гестапо (Geheime Staatspolizei), с военным Абвером, что принимало личностно-состязательные формы трений их руководителей и сотрудников: Гейдриха с Генрихом Мюллером (Гестапо), адмиралом В.Ф. Канарисом (Абвер), редактором националистической трибуны «Черный корпус» Гюнтером д'Алквеном.

Иначе складывалась система внутрипартийного контроля в СССР. Л.М. Каганович, Н.И. Ежов, а затем А.А. Андреев, сменявшие друг друга на посту председателя КПК, были «на коротком поводке», подвергались «дрессировке Кобы», как как-то выразился применительно к самому себе руководитель бюро Секретариата А.М. Назаретян [7, с. 262]. Поэтому они послушно воспроизводили общесистемные требования, без каких-либо претензий на неформальную экспансию, за исключением мелочного деспотического произвола. Они выступали лишь наместниками-координаторами над

работой сборщиков информации – партследователей и ответственных контролеров, отражая сложившуюся практику «обезличенного управления». Во всем аппарате КПК несколько более обособленным по своей устойчивости, стабильности положением обладал разве что бессменный заместитель председателя КПК М.Ф. Шкирятов, но и тот выступал лишь своеобразным «серым кардиналом», не приобретая какого-то привилегированного статуса, автономности «вотчинного типа», складывавшейся на основе сферы влияния, предоставленной ведомственными возможностями. Напротив, Сталин его ценил, как и всех своих соратников, за иные качества – преданность, исполнительность, а если и инициативу – то в строго очерченных пределах. [См.: 90]

Не было у КПК и никакой сети подслушивающих устройств, сложной радиотехнической и иной аппаратуры, специализированной и обученной агентуры, которой была снабжена СД по мере разрастания ее полномочий, о чем упоминает Шелленберг в своих мемуарах [79, с. 24]. Это позволяло СД составлять сводки – «вести из рейха» – по самым различным вопросам общественно-политической жизни, что было оценено исследователями по достоинству как важный и живой исторический источник [57, с. 156], отличавшийся от предельно формализованных протоколированных материалов КПК.

Деятельность региональных филиалов КПК – партколлегий и уполномоченных – ограничивалась концентрацией на мельчайших, рутинных деталях «партийной жизни» – проверках учетных карточек и биографий коммунистов, отладки апелляционного механизма, рассмотрения жалоб и разрешение на местах конкретных сбоев в работе хозяйственных объектов – фабрик, заводов, госконтор. Так, например, в результате проверки, производившейся группой транспорта, отмечалось, что в работе телеграфных узлов Москвы, Куйбышева, Днепропетровска «имел место массовый брак, искажение и пропажа телеграмм, невыполнение контрольных сроков по обработке и доставке телеграмм, крайне низкое использование и безобразное отношение к аппаратуре». Уполномоченному Главлита Б.

Коротину 3 ноября 1935 г. был объявлен выговор в связи с тем, что в романе Раисы Азарх «Бармия» им были пропущены искажения текста из речи В. Ленина на съезде Советов 6 июля 1918 г. [59, д. 57, л. 120]. В это же время, КПК вмешалась в деятельность наркомвода, указав, что его заместителем, т. Розенталем, «не было выполнено решение ЦК от 10.07. 1935 г. о порядке обслуживания советских пароходов в иностранных портах и не была организована проверка валютных расчетов с иностранными фирмами, что привело к валютным потерям», потребовав немедленного устранения выявленного нарушения [59, д. 65, л. 19,100].

Сфера внутрипартийного контроля СССР не выходила за пределы государственных границ и административных образований, а ее работа носила *предельно эксплицитный*, открытый характер, в том числе на уровне общественного представительства. В КПК имелась приемная, занимавшаяся сбором жалоб, обработкой персональных обращений (эту функцию КПК унаследовала от РКИ), связанных с трудовыми спорами, вопросами деловой, партийной, служебной репутации личности, жилищно-коммунальными проблемами и бюрократическими коллизиями. Только за 1934-1935 гг. приемную посетило более 2000 чел. [52, 1935, № 24, с. 34].

Такой «арбитражно-конструктивной» нагрузки СД была полностью лишена. Более того, к началу и в период Второй мировой войны СД, совместно с эрзацгруппами Гестапо, действовала на оккупированной территории Чехословакии, Польши для обеспечения идейно-политической сегрегации – создания системы карточек, «чтобы указать, какие жители должны находиться под наблюдением, кто должен быть лишен паспорта и кто должен быть уничтожен» [67, с. 12]. Кроме того, изначально СД мыслилась как тайная, предельно законспирированная организация, низовые сотрудники вообще не должны были знать о том, куда предназначена собираемая ими информация. Функции СД, участвовавшей не только в информационном обеспечении гитлеровского режима, но и, судя по всему, напрямую в физическом уничтожении лиц еврейской

национальности были закреплены в 1939 г. после создания объединенного контрольно-надзорного ведомства – Главного управления имперской безопасности – РСХА (Reichssicherheitshauptamt / RSHA) [20, с. 242], в которое вошли Главное управление полиции безопасности и СД. Это шаг отразил сходные процессы гиперцентрализации, сращивания партийного и государственного аппарата в виде сложной, эклектично построенной институциональной иерархической пирамиды, принципы действия которого не берутся объяснить, под час, даже современники.

Таким образом, становится очевидным, насколько обширно поле для проведения детального сравнительного анализа статуса. *Во-первых*, это вопросы эволюции СД, расширявшей диапазон применения и, с другой стороны, статичной консервации КПК после 1939 г. Тогда многие ее региональные филиалы были отозваны, а контроль за деятельностью местной администрации сосредоточился в партколлегии и бюро КПК при ЦК ВКП(б), о чем было заявлено на XVIII съезде ВКП(б) [52, 1939, № 12, с. 6]. Это можно концептуально рассматривать как зеркальное отражение политической зрелости сталинской диктатуры в виде пострепрессивной «разрядки» и кратковременного снижения интенсивности функционирования контрольно-репрессивного аппарата с помощью демонстративного бичевания за недостатки в период смены руководства: от Н.И. Ежова – к Л.П. Берии на посту наркомвнудела, в КПК – подведение итогов внутренних «чисток».

Во-вторых, перспективны направления разработки частно эмпирических моментов, а именно: структуры, материально-технического обеспечения КПК и СД, способов их приобщения к партийной кассе, снабжения и номенклатурного статуса кадрового корпуса, профессиональной компетенции агентов, информаторов, исполнителей СД и партследователей КПК, в отношении которых предприняты пока лишь робкие и скромные попытки изучения [89]. Известно, что финансирование КПК было полностью регламентировано, и по статусу ее кадровый состав вписывался в учетно-распределительную систему партийно-

государственного аппарата. Оклады руководителей секций – ответственного секретаря партколлегии и уполномоченного КПК, приравнивались к соответствующим ставкам секретарей крайкомов, обкомов, ЦК нацкомпартий, а для партследователей и ответственных контролеров – к окладам заведующих отделов / инструкторов соответствующих партийных подразделений [59, д. 20, л. 11] Таким образом, из этого вытекает важный вывод о двойственном статусе КПК. Будучи материально «прикованной» к местной партийной кассе, тем не менее, КПК и ее региональные «филиалы» обладали абсолютной политической автономией в виде статуса независимых «ставленников ЦК», в чем и заключался смысл произведенной в середине 1930-х гг. реформы.

Положение Службы безопасности было более зыбким, что было связано с сохранявшимся педантичным разграничением на сферу партийную, и, если так можно выразиться, «чисто государственную». Поэтому, если верить отрывочным сведениям, предоставленным еще советскими историками, то снабжение СД проходило как по линии имперской канцелярии, так и по «частным каналам», из фондов «монополистического капитала» [43, с. 177].

Так или иначе, но все это требует дополнительного изучения. Не имея возможности подробно останавливаться на этих сюжетах, отметим, что во многом препятствием для плодотворных исследований в этой области были и продолжают оставаться не только недоступность источниковой базы, сохранение секретности соответствующих фондов архивов, но и незавершенность деидеологизации исторической науки, продолжающей жить прежними историко-партийными штампами и стереотипами. Например, история КПК оказалась вытесненной на периферию под влиянием неблагоприятных конъюнктурных обстоятельств и тенденциозности советской исторической науки.

Долгое время изучение внутривнутрипартийного контроля носило предельно синкретичный характер, сливаясь с официальной историографией ВКП(б)-КПСС – организационно-пропагандистским направлением ее деятельности. Только в 1965-1970-х

гг. вышло более 1800 типовых, за редким исключением, работ на эту тематику [66, с. 20,27]. В период ликвидации «культы личности» Сталина на разработку подобных сюжетов, связанных с его наследием, вообще был наложен запрет. Все внимание было обращено на наркомат РКИ и ЦКК, в изучении которых видели обращение к «духу очищенного ленинизма» [19,38,44]. А в перестроечное и постсоветское время история органов внутривнутрипартийного контроля уже просто затерялась на фоне более привлекательных сюжетов, связанных с коллективизацией, индустриализацией, историей «большого террора».

Общей проблемой, как для российской, так и для германской истории становится появление всевозможных ревизионистских теорий. К числу таковых можно отнести концепции «социального конструктивизма», «модернизации». Они списывают ответственность за проведение репрессий, которые, по их мнению, носили хаотический и беспорядочный характер в виде необходимого ответа вождей на давление масс, активность «снизу», в том числе в виде локальных микро культов секретарей партийных комитетов и гауляйтеров. В результате и Сталин, и Гитлер представлены как «слабые диктаторы», жертвы неуправляемой системы [См об этом: 24,40,51]. В этом свете контрольно-карательные ведомства выглядят либо как попавшие в зону турбулентности выразители «административных дискурсов», сами по себе дрейфующие в океане социально-повседневного становления. Либо – как органичные компоненты гигантского механизма – инструменты, работающие (неважно, какими методами и какой ценой) ради «благой цели» – индустриальной модернизации стран.

Сложнее ситуация обстоит с собственно историографией политического контроля Третьего Рейха, в первую очередь, в плане теоретико-методологических координат. До сих пор не проведено должное размежевание между национал-социализмом и фашизмом как двумя идейно-политическими вариациями, ответвлениями широкого фронта «консервативной революции» – идеологии «Третьего пути» [22], *в чистом виде*, стоящей вне всяких

партийно-парламентских флуктуаций и диктаторского волюнтаризма. Многие даже современные отечественные исследователи [48,71,72] вслед за своими советскими [13,16,62,] предшественниками продолжают неправомерно использовать понятия «германский фашизм», «фашистская Германия», истолковывая фашизм либо в собирательно-расширительном значении как общее обозначение преступлений против человечества и насильственных акций, либо полностью воспроизводят положения марксистской историографии. И целиком опираются на данное еще на XIII пленуме исполкома Коминтерна классовое определение фашизма как «открытой террористической диктатуры наиболее реакционных, шовинистических и империалистических элементов финансового капитала» [93, с. 589].

Не лучшим образом дело обстоит и в зарубежной исторической науке, где аналогичная конъюнктурно-дискурсивная, феноменологическая описательность принимает обличье разного рода пафосно-патетических конструкций и терминологии. Это так называемые: «ванситтартистские» [95], «модернистские»/«антимодернистские», психоаналитические теории [См.: 30, с. 561-600], которые при всем мнимом разнообразии не отходят от прежних идеологизированных дихотомий: марксизм – антимарксизм, революция – контрреволюция и т.п., что например, полностью подтверждает Э. Нольте, трактующий фашизм не иначе, как «антимарксизм, который стремится уничтожить противника благодаря созданию радикально противостоящей и тем не менее соседствующей идеологии и применению идентичных, хоть и модифицированных методов...» [97, s. 49]. Критика идеологии и ее институциональных воплощений по-прежнему ведется исключительно с левацких, либерально-демократических позиций при полном игнорировании правого политического поля. Общим методологическим заблуждением при этом является отождествление сфер идеального и реального, а именно: смешение чисто доктринальных установок, внутренней эйдетики и политической практики.

Известно, что и национал-социализм, и фашизм подвергался критике еще в пери-

од их становления со стороны родственных им идейных «платформ», например, традиционализма. К числу крупнейших представителей таковой принадлежит барон **Юлиус Эвола**(3). Уже в работах, написанных в 1930-40-х гг. [84, с. 87-93; 85, с. 94-104; 87, с. 202-212], он подчеркивал *антибуржуазную* заостренность подлинного консерватизма, не имеющего ничего общего с промышленной олигархией, «воротилами капитала», которые были главной мишенью беспощадной критики со стороны коммунистов. Утверждал Эвола и разрыв с взятой самой по себе расовой сегрегацией и натуралистическим «отбором по крови» в ущерб общности духа как высшей форме единения, способного привести к *органичному государству*, основанному на конструктивной иерархии, построенному по принципу «трансцендентального универсализма» – интеграции различий и их упорядочения с помощью авторитетной власти имперского уровня. Эвола усматривал в фашистской и национал-социалистической идеологиях лишь ростки «доктрины пробуждения» – освобождения от пут индивидуализма и «демонизма коллективизма» [86, с. 193], заложенного в прогрессистских, технико-экономических цивилизациях пространственно-временного расширения. К ним он относил большевистскую Россию и Америку, представляющих две иллюстрации далеко зашедшего процесса инволюции – перехода от высшего к низшему. От героических эпох метафизического напряжения личности и духа к буржуазному эгалитаризму и пролетарскому корпоративному братству, мрачной смеси разных патологических экзистенциалов – индивидуалистической вседозволенности при рабской скованности служения обществу и абсурдным «вызовам времени».

В этом, в культуре благородного духа «светоносного присутствия» [83, с. 238-239], верности принципам, имеющим надвременное, априорно истинное узаконение: размеренности, аскетизма, созерцательного спокойствия, умиротворения, скрепленного памятью, логикой и общим этосом внутреннего достоинства и силы, и заключается существо подлинной идеологии «Третьего пути». Он является альтерна-

тивной и коммунизму, и либерализму, и воинствующему национал-социализму, фашизму в их *агрессивно-политическом, расистско-дискриминационном* выражении.

Между тем, приходится констатировать, что в большинстве своем научная и общественно-политическая мысль еще очень далека от осмысления этого, за исключением разве что геополитики как направления историографии, где определенный задел в этой области все же имеется [4,54,55,58,73]. Даже в солидных исследованиях можно встретить элементарные ошибки, когда правую сторону в буквальном смысле путают с левой и переносят характеристики, относящиеся к коммунистическому режиму – на национал-социализм, фашизм, или даже всю консервативную идеологию. Так, уже упомянутые А.А. Аникеев и др. утверждают, что правоконсервативная идеология эффективна, поскольку «апеллирует к страстям, врожденным инстинктам, чувствам человека...» [2, с. 14], хотя эти свойства целиком относятся к прямо противоположному флангу – леворадикальному ускорению, общинно-коллективистскому, социалистическому нивелированию.

Следствием этого стало искажение интеллектуального пространства и исторической памяти в целом за счет встречных процессов очернения истории Германии 1930-х годов в стыдливом духе «Германия, которой не было» и, наоборот, идеализации сталинской России как борца с империей «абсолютного зла». Как верно заметил на конференции председатель общества «Мемориал» А.В. Рогинский, «сегодня память о войне [Великой отечественной], подменена памятью о победе» [28, с. 24]. Остается добавить: а сталинский террор – мифами национально-патриотического великодержавия, «порядка» и благотворной роли «сильной руки». «В отличие от нацистов, – пишет тот же Рогинский, – которые в основном убивали чужих: поляков, русских, немецких евреев (тоже не совсем «своих»), – мы губили именно своих, и сознание отказывается это принимать» [28, с. 22].

И если в отношении трагедии еврейского народа в нацистской Германии и вообще в мире никогда не возникало и не воз-

никает никаких сомнений, то, судя из имманентной логики и тенденций российской историографии, ее морально-оценочных суждений, неумолимо пробивающихся над частно-эмпирическими зарисовками «чисток», произвола органов госбезопасности в партии и иных сюжетов, вопреки всем риторическим формулам «воздаяния справедливости», славянская общность (русское, украинское, белорусское крестьянство) оказывается и выглядит как «необходимая» жертва, которую нужно было принести для удовлетворения грандиозных планов «модернизации». А материальное наследие, военно-оборонный комплекс становятся дорожкой человеческой жизни. Все это до сих пор оправдывается благодаря поистине гипнотической сакрализации власти в России. Об этом верно писал В.С. Булдаков, говоря, что с помощью этого «осуществляется утверждение незыблемости властного начала на «психологическом уровне», а «всякий человек власти, на совести которого тысячи жертв, автоматически перемещается из мира уголовного – в сферу исторического величия» [10, с. 244]

Подводя итоги, отметим, что все эти фундаментальные, глобальные вопросы требуют дальнейшего тщательного изучения, расстановки и верификации концептуальных акцентов. История не должна становиться ареной национально-этнического, конфессионального, идейно-политического и иного партикулярного самоутверждения и амбиций. Ее неизменным и мудрым спутником должна быть философия, призванная помочь постичь смысл происходящего во всей своей полноте, целостности и единстве. Только при помощи этой интеграции наук и сфер можно будет достигнуть объективного понимания бытия культур, времен, их институциональных инструментариев, соотнести функциональные свойства контрольно-надзорного аппарата, его практически-силовых установок с теоретическими доктринами.

Библиографический список:

1. Административно-командная система управления: проблемы и факты: Межвуз. сб. науч. работ. М., 1992.
2. Аникеев А.А., Кольга Г.И., Пуховская Н.Е. НСДАП: идеология, структура, функции. Ставрополь, 2000.
3. Артамошин С.В. Идеиные истоки национал-социализма. Брянск, 2002.
4. Бандурин М.А. Геополитическая ситуация в Европе накануне и во время Второй Мировой войны во взглядах правых европейских мыслителей – Карла Шмитта, Мартина Хайдеггера, Юлиуса Эвола // Интеллигенция и мир. 2013. № 2.
5. Белоусов Л.С., Шумаван А. История фашизма и его преодоление в единой истории Европы XX века // Полис. 1999. № 4.
6. Блюм А., Веспале М. Бюрократическая анархия: статистика и власть при Сталине. М., 2006.
7. Большевицкое руководство. Переписка. 1912-1927. Сб. документов / Сост. А.В. Квашонкин и др. М., 1996.
8. Борозняк А.И. Искупление. Нужен ли России германский опыт преодоления тоталитарного прошлого? М., 1999.
9. Борозняк А.И. «Третий Рейх» в современной историографии ФРГ // Новая и новейшая история. 1999. № 10.
10. Булдаков В.П. Красная смута. Природа и последствия революционного насилия. М., 1997.
11. Буллок А. Гитлер и Сталин. Жизнь и власть. Смоленск, 1994.
12. Володина Н.А. Становление и развитие советской системы политического контроля в 1917-1953 гг. (На примере Среднего Поволжья). Автореферат дисс. д.и.н. М., 2010.
13. Галкин А.А. Германский фашизм. М., 1989.
14. Галкин А.А. О фашизме – его сущности, корнях, признаках и формах проявления // Полис. 1995. № 2.
15. Германия и Россия в XX веке: две тоталитарных диктатуры, два пути к демократии: материалы международной научной конференции, посвященной 10-летию объединения Германии. Кемерово, 19-22 октября 2000. Кемерово, 2001.

16. Гинцберг Л.И. На пути в имперскую канцелярию. Германский фашизм рвется к власти. М., 1972.
17. Горлицкий Й. Сталинская диктатура в сравнительной перспективе // [28]
18. Горяева Т.М. Политическая цензура в СССР. 1917-1991. М., 2009.
19. Гусев К.В. Краткий очерк истории органов партийно-государственного контроля в СССР. М., 1965.
20. Деларю Ж. История Гестапо. Смоленск, 1998.
21. Дэвис С. Мнение народа в сталинской России. Террор, пропаганда и инакомыслие. 1934-1941. М, 2011.
22. Дугин А.Г. Консервативная революция. (Краткая история идеологий Третьего пути) // Элементы. 1991. № 1. Доступно на: <http://elements.lenin.ru/1konsrev.htm> Последнее посещение: 25.10.2014.
23. За рамками тоталитаризма. Сравнительные исследования сталинизма и нацизма. М., 2011.
24. Игрицкий Ю.И. Тоталитаризм: лекарство от демократии // Тоталитаризм: что это такое? Исследования зарубежных политологов. Сб. статей, обзоров, рефератов, переводов. Ч. 1. М., 1993.
25. Идеология «особого пути» в России и Германии: истоки, содержания, последствия / Под ред. Э.А. Паина. М., 2010.
26. Измозик В.С. Политический контроль и сыск: методологические аспекты. // Политический сыск в России: история и современность. СПб., 1997.
27. Истер Дж. Советское государственное строительство. Система личных связей и самоидентификация элиты в Советской России. М., 2010.
28. История сталинизма: итоги и проблемы изучения. Материалы международной научной конференции. Москва, 5-7 декабря 2008 г. М., 2011.
29. История сталинизма: репрессированная российская провинция. Материалы международной научной конференции. Смоленск, 9-11 октября 2009 г. М., 2011.
30. История фашизма в Западной Европе. М., 1978..
31. Калинина О.Н. Партийно-государственный контроль в номенклатурной системе (вторая половина 1940-х – начало 1960-х годов) // Исторический ежегодник. 2011: Сб. науч. тр. Институт истории СО РАН. Новосибирск, 2011.
32. Кан А. Постсоветские исследования о политических репрессиях в России и СССР // Отечественная история. 2003. № 1.
33. Кип Дж., Литвин А. Эпоха Иосифа Сталина в России. Современная историография. М., 2009.
34. Корнева Л.Н. Германский фашизм: немецкие историки в поисках объяснения феномена национал-социализма (1945-1990-е годы). Кемерово, 1998.
35. КПСС в резолюциях, решениях съездов, конференций и пленумов ЦК. Т. 6. 1933-1937. М., 1985.
36. Красильников С.А. Дискриминация в постреволюционном российском/советском обществе как исследовательская проблема: некоторые заметки // [29]
37. Красильников С.А. Социальная мобилизация как системная характеристика сталинского режима: природа, формы, функции // [28]
38. Краснов А.В. ЦКК-РКИ в борьбе за социализм (1923-1934 гг.) Иркутск, 1973.
39. Литвин А.Л. Российская историография Большого террора // У источника: сборник статей в честь члена-корреспондента РАН С.М. Каштанова. М., 1997.
40. Малиа М. Из-под глыб, но что? Очерки истории западной советологии // Отечественная история. 1997. № 5.
41. Материалы февральско-мартовского пленума ЦК ВКП(б) 1937 // Вопросы истории. 1995. № 11-12.
42. Медушевский А.Н. Сталинизм как модель. Обзорное издательского проекта «РОССПЭН» История сталинизма» // Вестник Европы. 2011. Т. XXX.
43. Мельников Д.Е., Черная Л.Б. Империя смерти: Аппарат насилия в нацистской Германии. 1933-1945. М., 1987.
44. Москаленко И.М. Органы партийного контроля в период строительства социализма. М., 1981.
45. Мохов В.П. Эволюция региональной политической элиты России (1950-1990). Пермь, 1998.

46. «Наши» и «чужие» в российском историческом сознании: материалы Международной научной конференции. Спб., 2001.
47. Нерар Ф.-К. Пять процентов правды. Разоблачение и доносительство в сталинском СССР (1928-1941). М., 2011.
48. Ольшанский В.В. Становление социально-политической мифологии фашизма: на материале гитлеровской Германии. Дисс. ... канд. филос. наук. Ростов-на-Дону, 2002.
49. Осокина Е.А. О социальном иммунитете или критический взгляд на концепцию пассивного (повседневного) сопротивления // [28]
50. Павлова И.В. Механизм власти и строительство сталинского социализма. Новосибирск, 2001.
51. Павлова И.В. Современные западные историки сталинской России 30-х годов (критика «ревизионистского» подхода) // Отечественная история. 1998. № 5.
52. Партийное строительство: орган ЦК ВКП(б). Изд. в 1929-1946 гг.
53. Письма И.В. Сталина В.М. Молотову. 1925-1936 / Сост. Л.П. Кошелева, В.С. Лельчук, В.П. Наумов и др. М., 1995.
54. Пленков О.Ю. Идеологические основания и практика нацистской геополитики в Восточной Европе // Россия, Польша, Германия в европейской и мировой политике XVI - XX вв. М., 2002.
55. Пленков О.Ю. Нацистские и консервативные геополитические представления (сравнительный анализ) // Из истории международных отношений и европейской интеграции. Воронеж, 2003.
56. Пленков О.Ю. III Рейх. Социализм Гитлера. СПб., 2004.
57. Пленков П.Ю. Третий Рейх. Арийская культура (Секретные материалы). Спб., 2005.
58. Рахшмир П.Ю. Вариации на тему консерватизма. Пермь, 2004.
59. Российский государственный архив социально-политической истории (РГАСПИ) Ф. 589. Оп. 4.
60. Россия: государство, общество, личность: Материалы межвуз. науч. конф. М., 1997.
61. Россия в XX веке: историки мира спорят: Сб. ст. М., 1994.
62. Сегаль Н. Аграрная политика германского фашизма. М., 1938.
63. Семиряга М.И. Тюремная империя нацизма и ее крах. М, 1991.
64. Смирнова Т.М. «Бывшие люди» Советской России: стратегии выживания и пути интеграции. 1917 – 1936 годы. М., 2003.
65. Соскин В.Л. Об исторических корнях сталинизма как разновидности тоталитаризма // Международный научный семинар: Закономерность, угроза, вызов. Новосибирск, 1995.
66. Спирин Л.М., Савицкая Р.М. Публикации и исследования по истории Коммунистической партии Советского Союза за 1965-1970 годы. М., 1970.
67. СС в действии. Документы о преступлениях. М., 2000.
68. Сталин И.В. Сочинения. Т. 13. М., 1951.
69. Сталинское политбюро в 30-е годы / Сост. О.В. Хлевнюк, А.В. Квашонкин М., 1995.
70. Степанов М.Г. Репрессивная политика советского государства в 1928-1953 гг.: проблемы российской историографии. Автореферат дисс. ... докт. ист. наук. Улан-Удэ, 2009.
71. Степаненко С.Г. Деятельность Чрезвычайной государственной комиссии по выявлению преступлений фашисткой Германии на территории Краснодарского края. Дисс... канд. ист. наук. Майкоп, 2010.
72. Тишков С.Л. Особенности формирования массового политического сознания в условиях тоталитаризма: на примере фашизма Германии. Дисс. ... канд. полит. наук. М., 2004.
73. Терехов О.Э. Феномен «консервативной революции» в историографии ФРГ: основные концепции и проблемы интерпретации. Кемерово, 2011.
74. Тоталитаризм в Европе XX века. Из истории идеологий, движений, режимов и их преодоления. М., 1996.
75. Тоталитаризм и личность. / Материалы Всероссийской конференции. Пермь, 1994.

76. Хене Х. Черный орден СС. История охранных отрядов. М., 2003.
77. Хлевнюк О.В., Горлицкий Й. Холодный мир. Сталин и завершение сталинской диктатуры. М., 2012.
78. Царуски Ю. Некоторые аспекты идеологии «особого пути» в правовом дискурсе двух диктатур – национал социализма и сталинизма // Идеология «особого пути» в России и Германии: истоки, содержания, последствия / Под ред. Э.А. Паина. М., 2010.
79. Шелленберг В. Лабиринт. Мемуары. Минск, 1998.
80. Шлотгауэр В.О. Карательные органы Советского государства и нацистской Германии в 30-е годы. Автореф. дисс. ... канд. юрид. наук. Краснодар, 2010.
81. Штудер Б., Уинфрид Б. Сталинские партийные кадры. Практика идентификации и дискурса в Советском Союзе 1930-х гг. М., 2011.
82. Штыкина О.В. Информационно-пропагандистские технологии в прессе Третьего Рейха. Автореф. дисс... канд. филол. наук. М., 2011.
83. Эвола Ю. Благородный дух // Эвола Ю. Традиция и Европа. Сб. статей. Тамбов, 2009.
84. Эвола Ю. Критические замечания о национал-социалистическом расизме (1933) // Эвола Ю. Империя солнца. Сб. ст. Тамбов, 2010.
85. Эвола Ю. Недоразумения научного расизма // Эвола Ю. Империя солнца. Сб. ст. Тамбов, 2010.
86. Эвола Ю. О духовных предпосылках европейского единства // Эвола Ю. Традиция и Европа. Сб. статей. Тамбов, 2009.
87. Эвола Ю. Рейх и империя как элементы нового европейского порядка (1942) // Эвола Ю. Традиция и Европа. Сб. статей. Тамбов, 2009.
88. Энциклопедия Третьего Рейха. М., 1996.
89. Юдин К.А. Внутрипартийный контроль в СССР 1930 – начала 1940-х гг.: идейно-институциональный облик. Иваново, 2015.
90. Юдин К.А. Матвей Фёдорович Шкирятов // Вопросы истории. 2015. № 2.
91. Юдин К.А. Национал-социализм, фашизм во взглядах Юлиуса Эвола и некоторые теоретические проблемы консерватизма // На пути к гражданскому обществу. 2015. № 1.
92. Юдин К.А. Традиционализм барона Юлиуса Эвола: об идейных исканиях консервативного революционера // Философские науки. 2014. № 7.
93. XIII пленум Исполнительного комитета Коммунистического интернационала. Стенографический отчет. М., 1934.
94. Broszat M. The Hitler State: The Foundation and Development of the Internal Structure of the Third Reich. London, 1981.
95. Herf J. Reactionary modernism. Technology, culture and politics in Weimar and Third Reich. New York, 1984.
96. Lumsden R. Himmler's Black Order. A history of SS. 1923-1945. Sutlon, 2005.
97. Nolte E. Der Faschismus in seiner Epoche. Munchen, 1963.
98. Rigby T. Reconceptualising the Soviet System // Development in Soviet and Post-Soviet Politics. London, 1992.

© Юдин К.А., 2015.

Примечания:

1. Статья подготовлена в рамках государственного задания Минобрнауки РФ на проведение научно-исследовательской работы № 33.526.2014/К «Российская интеллигенция и европейские интеллектуалы в изменяющейся социально-политической действительности XX – начала XXI в.: виртуальность и реальность».
2. В качестве таковых в литературе называют министра внутренних дел Вильгельма Фрика, Г. Гимmlера, Р. Гесса, М. Бормана. См.: [88, с. 420-421] Но на практике все руководство СД принадлежало Р. Гейдриху. Остальные, как представляется, фигурировали в роли дополнительных «протекторов» по мере пересечения каналов субординации ведомств. – прим. авт.
3. Для более детального ознакомления со взглядами мыслителя и подробного разбора вопросов, касающихся сущности идеологий, мы отсылаем к нашим статьям, расположенным в библиографическом списке под № 91, 92. – прим авт.

Протоиерей Дмитрий Сазонов

Кандидат богословия, докторант Общецерковной аспирантуры им. святых Кирилла и Мефодия

Характерные черты церковно-государственных отношений с 1964 по 1982 гг. (по материалам Центральной России)

Считается, что брежневский период «застоя», в отличие от реформ «хрущевской оттепели», является периодом стабильности и даже некоторого потепления в государственно-церковных отношениях. Но несмотря на некоторое изменение формулировок, отразившееся в законодательстве о религии и новой Конституции СССР 1977 года, суть политики государства и партийных органов оставалась прежней: выдавливание Церкви из всех сфер общественной жизни: запрет на обучение религии подростков и их присутствие на богослужениях, запрет на благотворительность, дискриминация верующих в образовательных учреждениях и на производстве, разложение исполнительных органов церкви с целью закрытия прихода, тотальный контроль за деятельностью и финансами церковной организации, регистрация священнослужителей как инструмент давления на неудобных, администрирование на местах в отношении церковных приходов. Закрепление за Советом по делам религий прав последней инстанции при закрытии приходов. Использование ренегатов и негативных явлений в церковной среде в качестве примеров для дискредитации религии. Антирелигиозная пропаганда. Все перечисленное в совокупности и явилось фактом нарушения конституционных прав и прав свободы совести. Государство, провозглашая свое отделение от Церкви беззащитно вмешивалось в ее жизнь. История показала тщетность усилий по ликвидации Церкви. После смерти Брежнева и ухода «сталинско-хрущевской номенклатуры», наметились тенденции к возрождению церковной жизни. Празднование 1000-летия Крещения Руси дало мощный импульс к восстановлению религиозных прав и свобод.

Ключевые слова: гонения на Церковь, верующие, двадцатка, приход, регистрация, религия, уполномоченный.

Принято считать, что с отстранением Н. Хрущева от руководством партией и государством закончился период гонения на Церковь. Брежневский период, когда у руководства партией и государством встал номенклатурный работник Л. И. Брежнев, по мнению некоторых исследователей, характеризовался относительно стабильным отношением к религии. Не было уже жестких административных наскоков на религиозные организации, не было развернутой клеветнической компании в прессе по дискредитации религии и священнослужителей, не было массового закрытия церквей. Однако, при всей видимой «стабильности» государственно-церковных отношений

налицо был тотальный контроль за церковными структурами, священнослужителями и верующими, притеснение верующих на всех уровнях хозяйственной и общественной жизни, дискриминация при приеме на работу, лишение права открыто исповедовать свою веру и т.д. После «хрущевских гонений» жесткое давление и контроль над церковными структурами не ослабевал, но внешне не афишировался, он видоизменился, внешне не принимая формы открытого противостояния. Брежневские гонения характеризовались более тонкой и разнообразной организацией. Всякая попытка выйти из отведенных законодательством о религии рамок пресекалась и наказывалась.

16 июля 1969 года на Всесоюзном совещании уполномоченных совета Председатель Совета религий СССР В. А. Куроедов в своем докладе «О современном состоянии религии в СССР и задачах усиления контроля за соблюдением законодательства о религиозных культах» заявил о полном контроле на Синодом, кадрами священнослужителей на приходах, учебными заведениями и издательской деятельностью Церкви[1]. Протоиерей Д. Константинов писал, что «брежневские гонения» внешне были более прилизаны и их активные деятели, как он отмечал, «работали даже иногда в белых перчатках»[2]. Ивановский историк А. А. Федотов пишет, что гонения утихли, «но продолжались, в более мягкой форме» [3]. Недаром, в воспоминаниях некоторых священников, брежневский период характеризуется как период, когда вроде бы все поныли правила игры: кто как мог, тот договаривался с властями (на уровне архиерей-уполномоченный, священник-председатель исполкома), но никто не чувствовал себя в безопасности, поскольку стратегия государства в отношении Церкви оставалась неизменной – ликвидация Церкви, как пережитка прошлого. Выдвиженцы сталинско-хрущевской системы по-прежнему оставались на идеологическом фронте, имеются ввиду М. А. Сулов, Ю. В. Андропов и др. Да, была подчас «дружба» у архиереев с уполномоченными и властями, что иногда помогало решать проблему кадров и некоторые административные вопросы, но подобные случаи были скорее исключением, чем правилом. Конечно, нельзя не отметить некоторое послабление в законодательстве «О религиозных объединениях» 1975 г., которые отразились в первую очередь на имущественных правах Церкви, в частности, отменялась прежняя формулировка о не наличии у религиозных объединений прав юридического лица. Однако, вместо нее и определение о каких-либо правах, кроме «отправления религиозных потребностей» для религиозных организаций отсутствовало. Ирония, как писал Д. В. Поспеловский, состояла в том, что Церковь и ее приходы получили право приобретать церковную утварь, даже транспортные средства и строения для новых нужд, но не имели юриди-

ческих и имущественных прав на церковные здания. Здания церквей по-прежнему находились в собственности государства, которое передавало их верующим в пользование. Вместе с некоторыми положительными изменениями, получили жизнь и отрицательные добавления: в связи с внесением в законодательство новых изменений верующие потеряли право апелляции в высшие государственные инстанции по поводу закрытия прихода, решение по закрытию и открытию приходов оставалось в компетенции Совета по делам религий, усложнялась и сама процедура подачи заявлений о регистрации приходской общины. Наряду с произошедшими изменениями в законодательстве, в которых можно было увидеть некоторое послабление в отношении имущественных прав Церкви со стороны государства, право государственных органов вмешиваться в жизнь религиозной общины осталось без изменений[4]. Так, в докладе уполномоченного по Ярославской области Вагина говорится о полном контроле над церковным исполнительным органом: «Установлен контроль за исполнительными органами и до их сведения доведено решение о недопустимости проведения собраний общин, ремонта зданий и по другим вопросам без разрешения исполкома районного, городского и сельских Советов»[5]. Ничего нового не принесла верующим и новая «брежневская Конституция 1977 года, которая в 52-й статье оставляла за религиозными объединениями право отправлять богослужения, т.е. при некотором изменении законодательства суть оставалась прежней – право государства вмешиваться во внутреннюю жизнь Церкви и контроль за ее деятельностью.

Старосты и счетоводы церковных двадцаток, а также их приближенных круг лиц, состояли на окладах и находились в прямой зависимости от исполкомов на местах, через них осуществлявшим полный контроль над церковной общиной. В отчете Костромского уполномоченного читаем: «С переводом всего духовенства на оклады и усиления контроля финансовых органов за правильным учетом и использованием церковных средств, треб, введением квитанционной системы учета, увеличится объем работы

старост вызовет необходимостью в вольнонаемных счетоводов. В этой связи бесплатно работающих старост не будет, а также, и остальные члены исполнительных органов уже начали назначать себе оклады[6]. Власть предпринимала ряд мер по разложению двадцатки и закрытию прихода, в чем содействие ей оказывали учрежденные повсеместно комиссии и члены содействия комиссии по соблюдению законодательства о культах. Благодаря индивидуальной работе, члены комиссии и члены содействия комиссии добились выхода из религиозных общин в Ярославле: в 1964 году - 11 человек двадцаток, подавших заявления об уходе, в 1965 году - 9 человек. В таких церквях как Феодоровская, Толгоболь, Введение – составы церковных двадцаток, благодаря работе комиссий, запугиванию и травле людей, часто пожилых и больных, доведены до 14 человек. В результате чего, «Сеславинская церковь состоит на очереди закрытия, священника там нет. Староста подала заявление об уходе»[7]. Предпринимая меры по разложению двадцатки и закрытию прихода закрывали в первую очередь «затухающие приходы» в которых богослужения совершались крайне редко, двадцатка была неполная, закрыть можно было без особого шума. При этом, везде, где было возможно, проводилась компания по созданию искусственной ситуации с нехваткой кадров: «Исполнительные органы церквей, находящихся в сельской местности испытывают большие затруднения в пополнении членов двадцатки. С большими трудностями укомплектовали двадцатку в Неверовской и Успенской (с. Закобякино) религиозной общине. Возраст членов двадцатки в основном своем составе свыше 60 лет. Сами церковники говорят, что с каждым годом все труднее укомплектовывать двадцатку» [8]. С 1964 по 1975 годы количество приходов Русской Православной Церкви сократилось на 811 храмов, с 7274 сократилось до 7062. В среднем закрывалось около 50 приходов в год. В последующие 5 лет темпы закрытия были несколько приторможены, закрывалось до 6 приходов ежегодно. В 1982 году, в год смерти Л. И. Брежнева, Русская Православная Церковь насчитывала всего лишь 7001 приход и 16 монастырей (2 на терри-

тории РСФСР) [9]. К 1970 году в 10 регионах Центральной России и Москве насчитывалось 621 приход (43 в Москве, 134 в Московской области), в которых служили 847 (156 и 188 в Москве и московской области соответственно) и 146 диаконов (56 и 26) [10]. Конечно, церквей стали закрывать по сравнению с «хрущевским периодом» меньше (с 1958 по 1964 гг. закрыто 5 451 приход, в среднем, по 900 приходов ежегодно) [11], но ведь, как писал прот. Д. Константинов, не было «неограниченного запаса» церквей и была реальная перспектива получить «катакомбную Церковь», которую вряд ли можно контролировать. Но главным аргументом, на наш взгляд, следует считать имиджевый фактор успешности коммунистического эксперимента в СССР.

В брежневский период старались закрывать приходы постепенно, без огласки на Западе, т.к. доктрина «миротворца» и поборника «прав человека» на международной арене была необходима советскому строю, как уже было сказано, для имиджа успешности первого в мире государства строящего коммунизм. Так, шум, поднятый вокруг «тихого» закрытия Успенской церкви в Калужской области, поставил для Совета по делам религий трудную задачу по ее закрытию[12]. Ярославский уполномоченный «спускает» директиву подчиненным: «Изучить религиозную обстановку в с. Вознесенское, имея ввиду, что в церкви этого села уже длительное время не ведется богослужение и представить необходимые материалы исполкому областного Совета депутатов трудящихся для решения вопроса о возможности снятия данной религиозной общины с регистрации и использования церковного здания для нужд района» [13].

Конечно, церквей стали закрывать по сравнению с «хрущевским периодом» меньше (с 1958 по 1964 гг. закрыто 5 451 приход, в среднем, по 900 приходов ежегодно) [14], но ведь, как писал прот. Д. Константинов, не было «неограниченного запаса» церквей и была реальная перспектива получить «катакомбную Церковь», которую вряд ли можно контролировать. Но главным аргументом, на наш взгляд, следует считать имиджевый фактор успешности коммунистического эксперимента в СССР.

В брежневский период старались закрывать приходы постепенно, без огласки на Западе, т.к. доктрина «миротворца» и поборника «прав человека» на международной арене была необходима советскому строю, как уже было сказано, для имиджа успешности первого в мире государства строящего коммунизм. Так, шум, поднятый вокруг «тихого» закрытия Успенской церкви в Калужской области, поставил для Совета по делам религий трудную задачу по ее закрытию [15]. Ярославский уполномоченный «спускает» директиву подчиненным: «Изучить религиозную обстановку в с. Вознесенское, имея ввиду, что в церкви этого села уже длительное время не ведется богослужение и представить необходимые материалы исполкому областного Совета депутатов трудящихся для решения вопроса о возможности снятия данной религиозной общины с регистрации и использования церковного здания для нужд района» [16].

Надо отметить, что легальное существование ограниченного числа храмов и Церкви в отведенной ей резервации вполне устраивало партийных идеологов. За последние три года перечисления в фонд мира и ВООПИК не превышают 4-5% от общего дохода, в то время как на июнь 1971 года на счетах этих религиозных обществ имеется до 25000 руб.» [17]. И далее: «Комиссия содействия следит и за тем, чтобы не допускать администрирование по отношению к религиозным организациям и оскорбления чувств верующих, они же проводят работу по отвлечению денежных доходов церковью в фонд мира. За 2,5 года перечислено 19, 5 тыс. руб.» [18].

Надо отметить, что легальное существование ограниченного числа храмов и Церкви в отведенной ей резервации вполне устраивало партийных идеологов. За последние три года перечисления в фонд мира и ВООПИК не превышают 4-5% от общего дохода, в то время как на июнь 1971 года на счетах этих религиозных обществ имеется до 25000 руб.» [19]. И далее: «Комиссия содействия следит и за тем, чтобы не допускать администрирование по отношению к религиозным организациям и оскорбления чувств верующих, они же проводят работу по отвлечению денежных доходов церковью в

фонд мира. За 2,5 года перечислено 19, 5 тыс. руб.» [20].

По действиям органа, стоящего посредником между государством и Церковью – Совета по делам религий, некоторые исследователи называют брежневский период периодом «возрождения обер-прокуратуры». Ни один организационный или административный вопрос нельзя было решить без согласия на то Совета, деятельность которого была регламентирована постановлениями партийных и государственных органов. Согласимся с рядом исследователей, что понятие обер-прокуратуры, принятое в отношении Совета по делам религий довольно условно: Совет защищал коммунистическое государство от «поползновений церковников», в отличие от задачи обер-прокурора, оберегавшего Православие от «враждебных Православию поползновений» [21]. Основной курс государства и коммунистического воспитания – построение «безрелигиозного общества» был отражен в Уставе и программе КПСС.

Повсеместно отмечались произвол уполномоченных на местах (обычно, бывших работников МГБ). Особенно он проявлялся в отношении регистрации священников: неугодных, активных, ярких миссионеров и проповедников либо не регистрировали, ссылаясь на нарушение ими законодательства о культах, либо снимают с регистрации. Регистрация была инструментом, благодаря которому уполномоченный оказывал влияние на деятельность всей административной цепочки Церкви: от архиерея до сельского священника. «Снятие с регистрации» - пишет А. Э Краснов-Левитин - является великолепным средством для шантажа: содействуя путем угроз на неустойчивых, колеблющихся священнослужителей, запугивая их, уполномоченные принуждают их снимать с себя сан» [22]. Скованный тотальным контролем деятельность священника была сведена к роли «служителя культа», работника, лишённого права быть пастырем своих чад, миссионером для мира, и проповедника слова Божьего. Из Ярославского Совета поступило предложение обратиться и подготовить в 1972-73 предложения Совету по делам религий при Совете Министров СССР по пресечению благотвори-

тельной деятельности Церкви и внесении дополнений к инструкции Министерства финансов СССР в части ограничения выплат пособий на лечение и разовых вознаграждений к религиозным праздникам и премиальных церковнослужителям и обслуживающему персоналу» [23].

Всякое отступление от законодательства узнавалось и пресекалось. «Членами комиссий вскрывают факты крещения детей без согласия отца: вместо него в церковь явилось подставное лицо. Выявлен случай крещения детей комсомольцами Градусова К. П. коммунистами (студенты пединститута Бережная Г., шофер колхоза «Дружба» «Переяславского р-на Морозов С. П.) комсомольцами (Авдеева В. из колхоза «Трудовая Армия») Шестаковой Н. А. из ателье № 5, Пушкиной В. А. работнице завода «Металлист». Во всех церквях, кроме квитанций на уплату денег за крещение, заведены журналы или тетради, где записываются отец и мать личности, и другие необходимые данные. Райгорисполкомы по этим записям составляют свои списки, которыми снабжают партийные органы. Теперь все труднее становится родителям, окрестивших своих детей, ссылаться на свекровей и тещ. Приходится самим «давать ответ» перед общественными организациями за совершенный обряд» [24].

На антирелигиозный пропагандистский фронт были брошены большие силы как специалистов высших учебных заведений, школ, врачей, лекторов общества «Знание», которые трудились не покладая сил на чтение лекций, тиражирование брошюр и других материалов, разоблачающих «религиозны дурман». Например, только в Ярославском районе «при 12 клубах и домах культуры работают лектории по научному атеизму, организовано 6 кинолекториев. Атеистическую пропаганду в районе ведут 32 лектора, имеющих специальную подготовку. В 1973 году по вопросам атеизма прочитано 149 лекций. В районной газете «Ленинское знамя» регулярно печатаются материалы и ведутся беседы по атеистической пропаганде. Ежемесячно дается обзор журнал «Наука и религия». «Вопросы атеистической работы исполкомов сельских, поселковых советов и культурно-

просветительных учреждений, внедрение новых советских обрядов систематически обсуждаются на заседаниях исполкомов Советов» [25].

Продолжали существовать карательные меры в отношении верующих людей. Например, в Ярославской области из Ярославского пединститута были уволены муж и жена за то, что их ребенок был крещен в церкви, в Некрасовском районе были исключены из состава учащихся два школьника, носивших нательные крестики [26].

Церковь не молчала. Конечно, в отличие от обращения в вышестоящие инстанции «Христианского комитета по затее прав верующих», возглавляемого подмосковным священником Г. Якуниным, писем Патриарху рязанского мирянина А. И. Солженицына, кировчанина Б. Таланова, писем Л. И. Брежневу епископа Полтавского и Кременчугского Феодосия (Дикуна), епархиальные архиереи Центральной России не поднимали своего голоса в защиту прав верующих и Церкви. Следует учесть, что они находились под неусыпным контролем как гражданских властей, так и своего окружения, представители которого сотрудничали с властями. Духовная дочь митрополита Ярославского и Ростовского Иоанна (Венланда) рассказывала о том, что в дневниках его сестры, монахини Ефросинии, после ее смерти прочитали запись: «Бедный владыка! Как тяжело ему, что близкие люди предают его». И дальше назывались имена из окружения владыки, которые доносили в «органы» всю информацию о том, что делает, говорит, и с кем встречается митрополит Иоанн [27].

Поэтому, биограф Патриарха в. Никитин пишет: «Получив письмо Солженицына, Патриарх Пимен с горечью сказал: «Побить бы ему в моих башмаках хоть пару дней!...Ну, пусть пишет!» [28]. Даже Патриарх был не свободен в своих действиях. Ведь как отмечал А. Краснов-Левитин, парадокс социалистического государства состоял в том, что с одной стороны оно заявляло о невмешательстве в дела Церкви своим Декретом 1918 года, но наряду с заявлениями вмешивалось в дела Церкви и нарушало принятые в отношении религии законы и Конституцию, свои принципы (отде-

ление Церкви от государства). Принуждало священнослужителей, не только рядовых, но и архиереев, «регистрироваться» у уполномоченных, что являлось актом прямого назначения со стороны государства[29].

В результате правильного подбора церковного совета и регулярного контроля за его деятельностью по соблюдению советского законодательства сейчас случаи посещения детей храма стали очень редкими и о каждом посещении детьми комиссия узнает немедленно, что дает возможность принятия оперативных мер по усилению воспитательной работы с этой категорией людей[30].

Краснов-Левитин, в своих «Диалогах с церковной Россией» отмечал, о наивности тех, кто считал, что поколения людей, выросших в «сталинскую эпоху» не будут повторять прошлых ошибок: «ведь целое поколение ответственных работников выросло и воспитывалось в удушливой атмосфере, когда поощрялись всякие беззакония и всякий произвол» [31].

Но, вот что так вызывало удивление антирелигиозных идеологов так то обстоятельство, что молодежь, пришла в храмы в середине 60-х. Молодежь обучавшаяся в сталинских школах и техникумах, рожденная в атеистических семьях, воспитывавшаяся в чуждой вере среде, восторгавшаяся запуском ракет и утверждениями космонавтов, что «Бога в космосе нет», смотревшая антирелигиозные фильмы и читавшая «правду о религии» в советских газетах, знавших об обещании Хрущева показать через два десятка лет «последнего попа»... молодежь пришла в храмы. Ни деньги (некоторые священники сводили при таком налогообложении концы с концами, ни посулы власти отречься от веры и стать как и некоторые священники: А. Осипов, Н. Спаский и др. – знаменем атеизма, ни трудности, не смогли их отвернуть от веры. Многие из них стали затем, уже в 80-90-е годы стали священниками и свидетелями возрождения Церкви[32]. Не смотря ни на какие усилия пропагандистов и активистов, лекторов и ренегатов, Церковь год от года показывала увеличение обрядности и доходов. Так, уже после смерти Брежнева, в 1984 году обрядность в Смоленской области

показывала напр. по отпеваниям 46,3%, в таких городах как Вязьма 100%, Рославль 91,6, Гагарин 63,2%[33].

Однако, несмотря на потраченные усилия, на огромный ущерб, который был нанесен антирелигиозной компанией и «брежневским гонением» на Церковь духовно-нравственному состоянию народа, путем лишения Церкви ее традиционной воспитательной функции, его культурному наследию путем снятия с учета и разрушения церквей, Церковь выстояла, сохранив свои канонические устои. Получая с мест свидетельства высокой религиозности и обрядности, констатируя провал своей антирелигиозной политики, власть была вынуждена говорить о «недостатках пропаганды» и «индивидуальных подходах», «принципиальности и соблюдении законодательства о культурах, но время неумолимо показывало крах иллюзий о том, что религия исчезнет сама. Через 6 лет после эпохи Брежнева, в 1988 году празднование 1000-летия Крещения Руси дало мощный толчок к возрождению Церкви.

Библиографический список:

1. Вестник русского христианского движения (ВРХД) Париж. 1979. №9 (130). С. 275-344.
2. Константинов Д., прот. Продолжение гонений на Церковь// Русское возрождение. Нью-Йорк – Москва-Париж. 1981 (III) №15. – С.102.
3. Федотов А. А. Русская Православная Церковь в 1943-2000гг: внутрицерковная жизнь, взаимоотношения с государством и обществом (по материалам центральной России) – Иваново, 2009. – С. 145-146.
4. Пospelовский Д. В. История русской Православной Церкви в XX столетии. – М., 1995. С. 397-399.
5. ГАЯО. Ф 1033. Оп.1. Д. 40. Л. 107.
6. ГАКО. Ф. р-2102. Оп.5. Д, 51. Л, 4.
7. ГАЯО. Ф 1033. Оп.1. Д. 40. Л.59.
8. ГАЯО. Ф. р-1033, Оп.1. Д. 73. Л. 18.
9. Шкаровский М. В. Русская Православная Церковь в XX веке. – М.: Вече, Лепта, 2010. - С.430.
10. ГАРФ. Ф. р-6991. Оп.2. Д. 167. Л, 37,38, 107; Оп.6. Д.25. Л.7-14.

11. Шкаровский М. В. Русская Православная Церковь в XX веке. – М.: Вече, Лепта, 2010. – С.430.
12. Константинов Д., прот. Продолжение гонений на Церковь// Русское возрождение. Нью-Йорк – Москва-Париж. 1981 (III) №15. – С.109.
13. ГАЯО. Ф. 1033. Оп. 1. Д. 40. Л. 107.
14. Шкаровский М. В. Русская Православная Церковь в XX веке. – М.: Вече, Лепта, 2010. – С.430.
15. Константинов Д., прот. Продолжение гонений на Церковь// Русское возрождение. Нью-Йорк – Москва-Париж. 1981 (III) №15. – С.109.
16. ГАЯО. Ф. 1033. Оп. 1. Д. 40. Л. 107.
17. ГАЯО. Ф. 1033. Оп. 1. Д. 40. Л.106.
18. ГАЯО. Ф. 1033. Оп. 1. Д. 40. Л.60.
19. ГАЯО. Ф. 1033. Оп. 1. Д. 40. Л.106.
20. ГАЯО. Ф. 1033. Оп. 1. Д. 40. Л.60.
21. История России в XX веке: 1939-2007./под ред. А. Б. Зубова – М.: Астрель. АСТ, 2010. – С.426.
22. Краснов-Левитин А.Э. Диалог с церковной Россией. – Изд-во: «Ихфис». Париж, 1967. – С. 108.
23. ГАЯО. Ф. 1033. Оп.1. Д. 41. Д.121.
24. ГАЯО. Ф.1033. Оп.1. Д.40. Л.51.
25. ГАЯО. Ф.1033. Оп.1. Д.59. Л. 60, 93.
26. ГАЯО. Ф.1033. Оп.1. Д.40. Л.45.
27. Черных Н. А. Последний из Мологи. Жизнеописание архимандрита Павла (Груздева). – Ярославль: Изд. «Китеж», 2013 – С.358.
28. Никитин В. Патриарх Пимен: Путь устремленный ко Христу. – М.: Эксмо: Издательство Московской Патриархии РПЦ, 2011 – С. 212.
29. Краснов-Левитин А.Э. Диалог с церковной Россией. – Изд-во: «Ихфис». Париж, 1967. – С. 108.
30. ГАЯО. Ф. 1033. Оп. 1. Д. 40. Л.6.
31. Краснов-Левитин А.Э. Диалог с церковной Россией. – Изд-во: «Ихфис». Париж, 1967. – С. 113.
32. Любимов Б. Собиратели. Некоторые особенности священнослужения в советскую эпоху. НГ-религия. М., 1997. 30 янв. С.7.
33. ГАСО. Ф. 985. Оп.2. Д.73. Л.13.

©Сазонов Д.И., протоиерей, 2015

КУЛЬТУРОЛОГИЯ

В. П. Океанский

Доктор филологических наук, профессор по кафедре культурологии (ВАК РФ); доктор философских наук (Международный сертификат ООН и ЮНЕСКО); заведующий кафедрой культурологии и литературы, научный руководитель Центра кризисологических исследований Шуйского филиала Ивановского государственного университета; главный научный сотрудник Научного центра по проблемам взаимодействия власти и гражданского общества Ивановского филиала Института управления (Архангельск); заслуженный деятель науки и образования, чл.-корр. РАН; академик АФХ (МГУ им. М. В. Ломоносова); почётный работник высшего профессионального образования РФ

Власть пространственного фактора в российской культурно-цивилизационной истории и метафизические особенности патриотизма в России

Материал является продолжением авторского лекционного курса «Сакральный космос руссоеведения» и открывает его раздел «Сакрально-космологические основания отечественного патриотизма»: здесь речь идёт о существенном доминировании в российском мире пространственного фактора, его противоречивых оценках у авторитетных представителей отечественной интеллектуальной культуры, а также о его феноменальном проявлении в художественном слове.

Ключевые слова: простор, равнина, бесконечность, метафизика, геофатализм, евразийство, Восток.

«Как бескрайний океан, Россия простирается во все стороны: нескончаемая дорога ждёт путника. Какой простор для отважной души, стремящейся вкушать неизвестности в поисках счастья и удачи! Но, как и в океанских просторах, её здесь подстерегают свои опасности. Прямая дорога расстилается равно перед другом и врагом; можно только пожалеть тех, кого застигла здесь неожиданная буря. Живущие на этой равнине приобрели качества, отсутствующие у населения стран с более закрытым ландшафтом... Как над безбрежным морем, над русской равниной царствует небо: невозможно не ощущать его всегдашнего присутствия; небо в России кажется очень низким, будто касающимся земли» [1, с. 46, 48], - так отмечал русский философ и историк отечественной интеллектуальной культуры Н. М. Зернов.

Эта мысль многократно варьируется в руссоеведении, например, у А. С. Хомякова, писавшего, что «русский... живёт более в категории пространства, чем в категории времени» [2, с. 185].

Н. А. Бердяев подчёркивал, что «в душе русского народа остался сильный природный элемент, связанный с необъятностью русской земли, с безграничностью русской равнины. <...> Необъятность русской земли, отсутствие границ и пределов выразились в строении русской души. Пейзаж русской души соответствует пейзажу русской земли, та же безграничность, бесформенность, устремленность в бесконечность, широта. <...> Можно было бы сказать, что русский народ пал жертвой необъятности своей земли, своей природной стихийности. Ему нелегко давалось оформление, дар формы у русских лю-

дей не велик» [3, с. 8]. Мыслитель отмечает это глубинное качество и в других работах. «Необъятные пространства России тяжелым гнетом легли на душу русского народа. В психологию его вошли и безграничность русского государства и безграничность русских полей. Русская душа ушиблена ширью, она не видит границ, и эта безграничность не освобождает, а порабощает её. <...> Эти необъятные русские пространства находятся и внутри русской души и имеют над ней огромную власть. Русский человек, человек земли, чувствует себя беспомощным овладеть этими пространствами и организовать их» [4, с. 63]. «Есть соответствие между необъятностью, безгранностью, бесконечностью русской земли и русской души, между географией физической и географией душевной. В душе русского народа есть такая же необъятность, безгранность, устремленность в бесконечность, как и в русской равнине. Поэтому русскому народу трудно было овладеть этими огромными пространствами и оформить их. У русского народа была огромная сила стихии и сравнительная слабость формы» [5, с. 44]. «В России всегда была гипертрофия государства. <...> Русские историки объясняли это огромными, необъятными пространствами России. Трудно было организовать эту необъятную равнину... Русская земля должна быть огромной, это входит в русскую идею» [6, с. 266]. Аналогичные вещи отмечали и другие русские философы. «Стихия, — пишет Б. П. Вышеславцев, — чувствуется каждым русским как непонятная и непередаваемая иностранцам сущность русской души, русского характера, русской судьбы, даже русской природы» [7, с. 5]. Гершензон, в вольном изложении Вышеславцевым заключительного абзаца статьи ”Мудрость Пушкина“, говорит: «По беспредельной русской равнине, от Полярного круга до тёплых морей безудержно и бесцельно несется крутящийся вихрь и с ним безудержная русская душа. Эту русскую стихию знал уже Гоголь и изобразил в свободно и безудержно несущейся русской тройке... Куда и зачем — никто не знает. Её хорошо знал Тютчев (“поэт всесилен, как стихия“). Её постоянно изображал Достоевский, знал и носил в себе Лев Толстой. Пушкина нельзя понять вне этой безумной стихийности его души.

Напрасно так много говорят о его “трезвости и гармоничности” — это противоречит его юности, его женитьбе, его гибели...» [8, с. 174]. «...Русский максимализм, — отмечает прот. Василий Зеньковский, — сам по себе не религиозного происхождения, — он связан с “природными” особенностями русской души, создававшимися на всём протяжении русской истории. Безмерность русских пространств, отсутствие внутри России высоких гор, все ”геополитические“ влияния определяли эти особенности русской души. Но, будучи ”природными“ и определяя стиль и формы духовной жизни, эти особенности русской души получили для себя особое подкрепление в некоторых основных чертах христианства, с которыми они глубоко срослись. <...> ...Отказ от скульптуры в храме и, наоборот, безоговорочное поклонение иконописи. <...> ...Противление инструментальной музыке в храме и постепенное развитие церковного пения...» [9, с. 40–41]. «Необходимо самому провести какое-то время на русской равнине, чтобы почувствовать, в какой степени жители её отрезаны от остального мира», — пишет Н. М. Зернов, развивая мысль далее: «Психология русского народа и особенности его культуры во многом объясняются климатом и рельефом Русской равнины... Русская равнина умеет привязывать человека к земле, не уставая в то же время напоминать ему о Вечности» [10, с. 13, 16]. Этот ещё (в отличие от многих других представителей отечественной интеллектуальной культуры XX века!) явно не достаточно изученный у нас автор здесь же проникновенно указывает на тот факт, что в существенном отношении Россия «гораздо ближе к Индии, Китаю и странам ислама, чем к современным государствам Запада» [10, с. 10]. Цитируемый труд Зернова о профетических началах руссиеведческого наследия А. С. Хомякова, Ф. М. Достоевского и В. С. Соловьёва был издан небольшим тиражом в середине 1990-х годов и переиздан, увы, меньшим тиражом спустя полтора десятилетия...

И. А. Ильин великолепно говорит «об отражении в нас нашей Родины»: «Россия одарила нас бескрайними просторами, ширью уходящих равнин, вольно пронизываемых взором да ветром, зовущих в лёгкий, далёкий путь. И просторы эти раскрыли наши души и дали им ширину, вольность и лег-

кость, каких нет у других народов. Русскому духу присуща духовная *свобода*, внутренняя ширь, осязание неизведанных, небывалых возможностей. Мы родимся в этой внутренней свободе, мы дышим ею, мы от природы несем её в себе, — и все её дары, и все её опасности... <...> *Чувство беспредельности*, живой опыт ночной стихии, дар пророческой одержимости — дала нам наша родина. Отречься от этого дара — значило бы отречься и от неё и от себя. <...> У зрячего глаза прикованы к дали; у слепого очи уходят вглубь. О, эти цветущие луга и бескрайние степи! О, эти облачные цепи, и гряды, и грозы, и громы, и сверкания! О, эти тёмные рощи, эти дремучие боры, эти океаны лесов! Эти тихие озёра, эти властные реки, эти безмолвные заводи! Эти моря — то солнечные, то ледяные! Эти далёкие, обетованные, царственные горы! Эти северные сияния! Эти осенние хоровады и побегии звёзд! От вас прозрели наши вещие художники. От вас наше видение, наша мечтательность, наша песня, наша созерцающая "лень"...» [11, с. 6, 8].

Следует, однако, помнить и о скептической оценке этого бытийного наследия русских. Истинная причина «нашего умственного бессилия», писал П. Я. Чаадаев, — это «факт географический» [12, с. 154]. «В России, — отмечает современный культуролог В. К. Кантор, — пространства были слишком безграничны, потому и служили препятствием материального и духовного развития страны. У нас от мысли до мысли — пятьсот вёрст, иронизировал П. А. Вяземский. А Андрей Белый патетически восклицал: "Исчезни в пространстве, исчезни, / Россия, Россия моя!" Вряд ли такое мог произнести любой из европейских поэтов» [13, с. 26]. Г. С. Померанц отметил в этой связи некий *геофатализм* в сюжетной структуре романа "Идиот": «Как только князь прикасается к родной земле, так он (в противоположность Антею) начинает слабеть и гибнуть» [14, с. 281].

Как бы мы ни оценивали это исходное обстоятельство, нельзя не увидеть его колоссального значения для русской мысли и словесности.

Один из крупнейших современных россиеведов, знаменитый писатель и мыслитель, учёный-индолог Ю. В. Мамлеев проникновенно

писал о философии русской патриотической поэзии; приведём отдельные цитаты из его одноимённой работы:

«Русская литература считается... самой философичной литературой в мире. Задача... — выявить философию, лежащую в подтексте русской патриотической лирики (XIX – XX вв.). <...> ...только в русской философии и литературе сама Родина является объектом метафизического и философского познания. <...> Иными словами, значение поэта определяется тем миром, тем поэтическим космосом, который он создал многозначностью и глубиной философского подтекста его поэзии» [15, с. 253]; «...блоковский уникальный философско-поэтический космос включает в себя... как уровень высшего платонизма и средневековой мистики, так и уровень познания всего современного мира, включая пророческие приговоры этому миру. <...> ...впервые в русской культуре раскрыта была метафизика древней деревенской России, метафизика её быта и природы. По существу, Есенину удалось воспроизвести некие глубинные архетипы русской души, проникнуть в её априорный, изначальный уровень, воссоздать метафизические качества русской души, открыть её вечные стороны. <...> Недаром в Индии (насколько я знаю) так ценится поэзия Есенина. <...> ...в русской поэзии XX века был, до известной степени, углублён тот великий поиск вечной России, который начался в XIX веке» [15, с. 254]; «...само бытие России, и сама Россия, как страна, связаны с почти невыразимой запредельной Тайной – космически-религиозного и метафизического значения. Это виденье проходит красной нитью через всю русскую лирическую поэзию, но особенно драматически выражено оно в стихотворении Лермонтова «Отчизна» и в поэзии Тютчева, Блока, Есенина и Волошина. ...необходимо отметить, по крайней мере, неотделимость этой тайны от самого существования России. ...в основе бытия России, в том числе и исторического, лежит такого рода запредельная Тайна. ..."понимание" России как Тайны...» [15, с. 255]; «...русский патриотизм носит до некоторой степени сверхъестественный характер. <...> Вне всякого сомнения, без любви к России погибнет и сам русский человек и сама Россия...» [15,

с. 256]; «...выражение ”умом не понять“ предполагает, что можно понять каким-то иным способом, более высоким, чем путь человеческого ума, и такой способ существует. Это путь сверхрациональной интуиции, медитации, выхода на высший уровень сознания. Он тоже открыт (потенциально, конечно) для человека, и только таким способом можно хотя бы приблизиться к пониманию Тайны России. Следовательно, перед нами – грандиозное поле работы для будущих русских философов, поэтов, писателей, метафизиков... В этом залог будущего величия русского эзотеризма. Тем более, что тоска по познанию России явно присутствует в русской культуре. <...> ...никакая религиозная завершённость, никакая вера, философия, миропонимание не могут до конца удовлетворить Россию, в русской душе всегда остаётся некая тайная тревога, некая ”неустроенность“, и, следовательно, всегда остаётся незаполненный метафизический простор» [15, с. 257]; «...Россия всегда имеет возможность вобрать в себя все немислимые духовные горизонты будущих веков, и, следовательно, сохраняет возможность великого исторического бытия в будущем. <...> ...необъятность русского физического пространства переосмысливается в русской поэзии в мистическом плане, в смысле необозримости русской духовности и скрытости, отдалённости великих целей русского бытия. Например, у Блока:

*За снегами, лесами, степями
Твоего мне не видно лица –
Только ль страшный простор пред очами
Непонятная ширь без конца?*

Русский простор, действительно, страшен, потому что он не только указывает на космическую широту, ”отдалённость“, но... до известной степени является своего рода покрывалом Изиды, скрывающим русскую Тайну и цель» [15, с. 258–259]; «В то же время на геополитическом уровне русское физическое пространство не раз спасало страну и нацию от уничтожения, и именно поэтому историческая Россия должна была расширяться, чтобы спасти себя, ибо иного выхода у неё не было. В этом смысле русское пространство ”страшно“, но уже для врагов России. <...> ”Страш-

но“ быть русским человеком, ибо трудно человеку вместить то, что вмещает Россия, но вместе с тем это и великое счастье. <...> Изучение философии и метафизики, лежащей в подтексте этой поэзии и литературы – дело будущего... <...> ...интенсивное мистическое сознание России во всей её глубине является одним из главных признаков литературного и философского гения в России, и с этим познанием неотрывно связаны имена наиболее великих русских писателей и поэтов – от Пушкина, Толстого и Достоевского до Блока, Есенина и Платонова» [15, с. 259].

Ключевое умозаключение Мамлеева состоит в следующем: «...познание России в целом, во всех её безднах и глубинах... невозможно на уровне западной философии... – здесь нужна, я думаю, всепроникающая мощь восточного, в первую очередь индусского метапознания» [16, с. 15].

С опорой на эти интуиции Мамлеев подготовил замечательный труд «Россия вечная» [17], вобравший в себя опыт знаменитых предшественников и требующий отдельного обстоятельного изучения... Так, евразиец-музыковед П. П. Сувчинский писал о феномене пространственности в русском мировосприятии как о «сухопутном океане», видя в нём прежде всего проявление космических сил и Божественной воли; аналогичные вещи отмечал другой евразиец – знаменитый филолог Н. С. Трубецкой в ряде работ под говорящими названиями: «Европа и человечество», «Взгляд на русскую историю не с Запада, а с Востока», «Чингизхан», «Мы и другие», «Русская проблема»; Тютчев, Блок, Есенин, Клюев в своём творчестве сделали эту тему сакрального россиеведения одной из главных. Последний из них писал:

*Певчим цветом алмазно заиндевел
Надо мной древесловный навес,
И страна моя Белая Индия
Преисполнена тайн и чудес...*

Таковы – специфические черты русской логоцентрической культуры, питающейся глубинами своего ещё недораскрытого евразийского мифа...

Библиографический список:

1. *Зернов Н. М.* Три русских пророка: Хомяков, Достоевский, Соловьёв. СПб.: «Русская симфония», 2010.
2. *Хомяков А. С.* Аристотель и всемирная выставка // Благова Т. И. Родоначальники славянофильства. А. С. Хомяков и И. В. Киреевский. М.: «Высшая школа», 1985.
3. *Бердяев Н. А.* Истоки и смысл русского коммунизма. М., 1990.
4. *Бердяев Н. А.* О власти пространств над русской душой // Бердяев Н. А. Судьба России. М., 1990.
5. *Бердяев Н. А.* Русская идея: Основные проблемы русской мысли XIX века и начала XX века // О России и русской философской культуре: Философы русского послеоктябрьского зарубежья. М., 1990.
6. *Бердяев Н. А.* На пороге новой эпохи // Бердяев Н. А. Истина и Откровение: пролегомены к критике Откровения. СПб., 1996.
7. *Вышеславцев Б. П.* Русская стихия у Достоевского. Берлин, 1923.
8. *Вышеславцев Б. П.* Вечное в русской философии // Вышеславцев Б. П. Этика преображенного Эроса. М., 1994.
9. *Зеньковский В. В.* История русской философии: В 2 т. Л., 1991. Т. 1, ч. 1.
10. *Зернов Н. М.* Три русских пророка: Хомяков, Достоевский, Соловьёв. М.: «Московский рабочий», 1995.
11. *Ильин И. А.* О России. М., 1991.
12. *Чаадаев П. Я.* Сочинения. М., 1989.
13. *Кантор В. К.* "...Есть европейская держава": Россия: трудный путь к цивилизации: Исторические очерки. М., 1997.
14. *Померанц Г. С.* Открытость Бездне: Встречи с Достоевским. М., 1990.
15. *Мамлеев Ю. В.* Философия русской патристической поэзии // Московский эзотерический сборник. М.: «ТЕРРА», 1997.
16. *Мамлеев Ю. В.* В поисках России // Литературная газета. 27 сентября 1989 г. № 39 (5261).
17. *Мамлеев Ю. В.* Россия вечная. М.: «Эксмо», 2011.

©Океанский В.П., 2015

ПСИХОЛОГИЯ

Е.В. Шелкопляс

Директор Института развития человека,
д.ф.н. (МЛРНО), к.м.н.

Психолог, философ, демиург? О возможности и праве человека на прозрение судьбы, кармы, софийных смыслов бытия в психолого-философском консультировании несчастья (Взгляды Б.Шоу и теории оптимума развития перекликаются)

В статье рассматриваются вопросы возможности и праве человека на прозрение судьбы, кармы, софийных смыслов бытия в психолого-философском консультировании несчастья. Способность к социальной интеграции составляет основу могущества человечества – его интеллектуального потенциала, ибо сознание человека коллективно и исторично, это познание совершенное вместе с «другими». При этом подчеркивается, что нельзя быть счастливым в одиночку.

Ключевые слова: психолог, философ, демиург, консультирование, наука, системный подход, душа, невроз, страдание.

К постановке проблемы

В начале третьего тысячелетия новой эры роль психологии, молодой отрасли знания, в жизни рядовых людей необыкновенно возросла. Сегодня, в отличие от древнейшей науки философии, она востребована, обращение к психологам стало делом и обычным, и даже модным. Однако, исследование и врачевание души человека, то, что раньше воспринималось как область таинственного, было сферой религиозно-мистического, философского, литературно-поэтического прозрения, ныне, во времена наивного торжества рационализма, превратилось из искусства в одну из массовых профессий, почти в ремесло, в своеобразные техники современного «душеведения». Психологов стало много, т.е. сегодня они по определению не уникальные, а вполне обычные люди, часто с нерешенными соб-

ственными проблемами. Право на вмешательство в душевную жизнь другого человека современным обществом оправдывается лишь наличием профессионального диплома, т.е. той суммы знаний, которые получены в учебном заведении. Но разве более ничего не нужно? А проверка этих знаний на истинность? А личные душевные качества психолога, результативность его собственного поиска счастья? А то, что лежит за пределами психологической науки, но жестко влияет на судьбу каждого человека – его биологические качества, экономическая, социальная, идеологическая, философская, религиозная составляющие культурной среды, социальной атмосферы, которую он не может не вдыхать, которая составляет громадные части его души и духа? Общество пока игнорирует эти не праздные вопросы.

Анализ проблемы

Быть может, ответа на эти вопросы нет в принципе? Есть. По-видимому, у каждого специалиста он свой. Наш ответ также не совпадает с тем стандартным набором представлений, что сообщают в университетских аудиториях. Великому ирландскому писателю, мыслителю, остроумцу Бернарду Шоу приписывают слова: «Скромность – верный путь к безвестности». У скромности, между тем, есть и другие следствия. Скромные знания и скромные задачи, которые ставит перед собой психолог, берущийся оказать помощь человеку, страдающему «несчастливостью», которая именуется в медицине и психологии «неврозом», попытка помочь испытывающему постоянную душевную боль от жизни ограниченной в свободной реализации счастливой судьбы, – неизбежно ведут в этом случае к недопустимо скромному результату.

Сегодня студентам психологических факультетов университетов преподают догмы многочисленных «абсолютно научных» психологических теорий, которые при этом противоречат друг другу. Им говорят о величии отца «психоанализа» З. Фрейда, который «почти полностью понял душу человека», но при этом почему-то был глубоко несчастным, отвергнутым своими учениками, постоянно принимавшим наркотические препараты человеком, который, как говорят биографы, запретил своей дочери Анне иметь семью и детей. Как ни странно, в большинстве современных психологических словарей даже нет определения понятия «счастье». Куда же человеку предлагает двигаться современная психология? Почему она так слабо интегрирована с другими гуманитарными науками? Многие ортодоксальные психологи уверяют, что раздумья о смысле жизни – просто нездоровое свойство; они наивно не видят, что такой подход требует относить к категории нездоровых людей священнослужителей, философов, ученых, выдающихся представителей искусства и многих иных мыслящих и весьма достойных, ничуть не менее здоровых, чем наивные психологи представителей человечества.

В современной массовой психологии чрезвычайно популярен принцип предлага-

ющий «жить здесь и сейчас». Он находит свое отражение и в клиентцентрированной психотерапии, и в недирективном гипнозе, и в НЛП. В психотерапию его ввел основатель психодрамы Я. Морено. За ним этот принцип поднял как флаг Ф. Перлз, сделав его одним из главных принципов гештальт-терапии. Предлагая клиентам чаще говорить «сейчас я осознаю» он стремился заменить интеллектуальные инсайты психоанализа (которые могли оказаться ложными пониманиями, психологическими защитами) живым проживанием травмирующей ситуации.

Казалось бы, достаточно верный принцип, ведь даже в буддизме быть «здесь и теперь» буквально означает смотреть, слышать и ощущать то, что находится вокруг тебя прямо сейчас, то есть воспринимать мир непосредственно. Но буддизм не предлагает на этом завершать свое познание смысла бытия. И прошлому и будущему уделяется огромное внимание в достижении главной цели жизни – избавлении от страданий. Но истинный, не упрощенный до ширпотреба, буддизм предлагает для этого постепенно отказаться, как от второстепенного, от всех радостей жизни, что явно не совпадает с сутью европейского мировоззрения. Для гармоничного, понимающего законы бытия человека жить сегодняшним днем – мало. Один из самых известных современных русских философов Ф. Гиренок по этому поводу говорит: «Жить без истории – значит утратить будущее и прошлое, не различать начало и конец». Из прошлого, из опыта мы извлекаем законы, логику бытия, слышим окликающий нас Логос. Познанные верно правила, принципы и законы сегодняшнего и завтрашнего дня – не подведут.

Следует признать, что, к сожалению, психология сегодняшнего дня склонна к серьезной самоизоляции и от точных, и от гуманитарных наук. Особенно далека она от современного уровня системной метафизики. Все это приводит к неизбежным потерям и в теории, и в психологической практике. Между тем, ждать перемен к лучшему в бездействии – означает проявлять «скромность» эпигонов, которые, хоть и дети героев, но не герои (дети Богов), не предмет для подражания. Эпигонизм – древнее понятие;

его суть – повторение методов и идей своих предшественников в изменившейся обстановке, а постоянные перемены – один из базовых законов бытия. Любые знания и методы их реализации – исходно несовершенны; если они не развиваются – время практически всегда делает их не эффективными, архаичными. Это подражательное, репликативное, не развивающее и, по сути, «гаснущее» воспроизводство знаний. Эпигонизм – знак периодов культурного застоя, следствие общего идеологического кризиса общества. Догматически, не критично привязываясь к чужому пониманию проблемы, эпигонизм требует веры, а не знания, слепого следования за предшественниками, повторяя все движения мысли, все действия. По сути, это одна из главных форм пленения или закабаления сознания. Сомнения в догматике – грех верующего человека; человек науки – обязан сомневаться, ибо он сомневается не в божественных откровениях, а лишь во взглядах таких же людей, предшественников, которым наше время еще не было дано в ощущениях. В науке сомнение – это шёпот истины. (Г. Малкин)

Отказавшись, таким образом, от «ложной скромности», и тем более эпигонизма, мы можем приступить к рассмотрению сути вопроса. Одной из самых продуктивных и достаточно известных теорий в современной помощи при неврозах является концепция «первичной терапии» [7]. В ее основе – положение о том, что к неврозам, психосоматическим заболеваниям и психозам ведут «первичные» травмы, пережитые детстве, ранние неудовлетворенные потребности, вытесненные (как непереносимая боль) из сознания в процессе взросления. Они сохраняются у взрослого человека в виде неосознаваемого напряжения, трансформируются в механизмы психологической защиты. Эти события препятствуют естественному продвижению через все стадии развития, не дают стать «настоящим», «реальным», пресекают нормальный доступ человека к его чувствам.

Напряжение, связанное с «первичными» душевными травмами, может приводить к различным заболеваниям и извращениям поведения, многие из которых в либеральной культуре ныне принято трактовать

как яркие проявления индивидуальной свободы. Если бы от этих утверждений несчастным первверзным индивидам было по-настоящему легче... Крайняя форма свободы – одиночество. Оно не преодолевается переименованием болезни, вызванной несчастливым детством, в социальное достоинство, в псевдонорму (как это сделала всемирная организация здравоохранения). Даже самый последовательный либерал, объявив дизентерию «формой свободного поведения кишечника, независимого от диктата организма», не сможет долго развивать эту идею на трибуне, если такая «свобода» постигнет его самого... «Свобода» элемента от целостной системы означает или будущую гибель системы, или «излечение», «исправление» элемента, или замену его на качественно функционирующий новый элемент. Иного не дано.

Первичная терапия позволяет заново, осознанно, возвратиться к чувствам и мыслям ситуации первичной травмы, пережить её «по настоящему», не подавляя реальных чувств в угоду позиции родителей, и освободиться от энергии неотреагированной боли. Цель состоит в том, чтобы избавиться от всего «ненастоящего», искажающего и замещающего в поведении взрослого человека истинные потребности и способы их удовлетворения; прежде всего, перестать избегать пугающей любви (нехватка позитивного опыта) и необходимого для нее открытого поведения. В результате человек освобождается от чувства покинутости, нехватки родительской любви, возникших в травмирующих ситуациях прошлого [5].

Первичная терапия, с позиции теории оптимума развития, наряду с новым «пониманием», предполагает и новое «поведение»; в совокупности они дают «компетенцию», т.е. свое соответствие законам среды, способность адаптироваться к ней и успешно развиваться [14; 16]. В ходе терапии происходит когнитивное и поведенческое обучение, т.е. освоение новых способов бытия, подразумевающих понимание себя, окружающего мира и сути поведения, ведущего к гармонии, как форме своего счастливого бытия. Принципиальные терапевтические перемены требуют выполнения четырех обязательных условий: 1) допуск в

сознание ощущений и чувств, вызванные ранними травмами; 2) новое понимание причин детских травм и возможности перехода к гармоничной, не инвалидизирующей жизни; 3) замена неосознаваемого пессимистического на осознаваемый, обоснованный и реальный оптимистический сценарий жизни (Э.Берн); 4) на основе нового понимания – освоение новых форм поведения необходимых для реализации нового сценария. Ответственность за происходящие принципиальные изменения личностной культуры не могут быть ограничены лишь рамками врачебной и психологической деонтологии. Это было бы неоправданным сужением требований к новым методам воздействия на человека. Перемены должны быть корректны и в рамках социальной этики, метафизики, культурной традиции.

Созданная вновь, гармоничная (соответствующая) общим и всеобщим законам бытия, компетенция позволяет менять уровень притязаний и смыслы индивидуального бытия. Человек понимает, что теперь можно жить, реализуя не мизерные притязания принципа невротика «лишь бы, как – ни будь выжить...», а, реализуя большую мечту, жить в гармонии с Миром, основываясь на принципе «Мы рождены, чтоб сказку сделать былью!». На смену вопроса невротичного Гамлета: «Быть или не быть?» современная российская антропология и социальные науки предлагают ставить вопрос о способе «Быть», о счастливой, гармоничной жизни. Жаль, Гамлета...

«Жизнеизменяющее» психотерапевтическое воздействие [1; 2; 16] подразумевает позицию консультанта, основанную не только на теоретической непротиворечивости его взглядов, но и на практической философии (мудрости). Прояснив ответ на вопрос «Кто виноват?» – несовершенство социальной организации, кармические аспекты истории рода, травмирующий дефицит любви в детстве, необходимо найти верный ответ и на вопрос «Что делать?». По сути, возникает общая потребность в новом воплощении обновленного, освобожденного «себя», т.е. выбора новой формы бытия. Теория оптимума развития утверждает, что аналитический этап работы без завершения его поведенческим, обучающим, – не дает

компетенции гармонии; фрустрация неизбежно возобновится, т.к. не будет преодолена в действии, взаимодействиях со значимыми ближними и дальними, которые могли бы позволить личными достижениями завоевать «добытую» честным трудом и подтвержденную жизнью новую, высокую самооценку.

Теория оптимума социальной адаптации и развития (ТОР), представляющая собой системную антропологию в концепции современной философии хозяйства [6], является одним из ключевых теоретических подходов в практикуемой нами коррекционной работе. В качестве важнейшего постулата социального бытия она утверждает: «Сегодня в России Бытие есть принятие Ответственности и призвание к Гармонии» (Сегодня в России БОГ) [14]. Шутливая форма указанного закона нисколько не умаляет серьезности его значения. В отношении к поведенческому тренингу этот принцип, прежде всего, означает принятие консультантом ответственности за глубокое понимание законов гармонии, способность передать их понимание и способы реализации гармоничной жизни обратившемуся за помощью человеку. По сути, в психотерапии, основанной на ТОР, идет генерация новых форм культуры, культуры завтрашнего дня, культуры более высокого уровня гармонии.

В отличие от прежних, традиционных, **ретроспективных** подходов к восстановлению гармоничной адаптации и развития человека страдавшего неврозом, акцентировавших внимание на «прошлом» в бытии, ТОР предлагает системный, интегральный подход. Он предполагает соединение обзора и анализа «прошлого» с прогностическим, **проспективным** анализом гармоничного «будущего». В созидании такого будущего предлагается когнитивная и поведенческая оснащенность. В итоге, осуществляется **синтез личностной гармоничной целостности**. Он основан на принципе реализации «скользящей» гармонии, которая развивается из «прошлого» в «будущее» в момент ее нахождения в творческом, созидающем «настоящем». В существовавших ранее психологических концепциях не отражалась роль «настоящего», как

пункта личностной, социальной и метафизической творческой ответственности, единственной чувственной, не виртуальной реальности человека, в отличие от «прошлого» и «будущего». Осуществить синтез «личностной гармоничной целостности» вряд ли возможно, без предлагаемых ТОР новых принципов междисциплинарного подхода в познании, синтезирующего в единую антропологическую концепцию существующие представления и принципы современной науки на всех уровнях, буквально от «физики» до «метафизики».

Консультант должен помочь обратившемуся представить необходимую палитру ролей нового поведенческого репертуара, сообразуясь с индивидуальным конституционально-адаптационным типом личности и личным оптимумом развития «клиента», реализуя задачу гармоничной реализации задатков, принося пользу социуму и получая радость вознаграждения «социальной любовью» [14].

В жизни специалист, да и просто глубокий наблюдатель, может видеть широкое многообразие форм межличностного общения. На одном его полюсе – «безличное», предельно формализованное взаимодействие иллюзорно равных, «частных» субъектов, на деле лишь реализующих один из предписанных, как удобный миф, идеологических либеральных симулякров «индивидуальной свободы» (Ж. Батай, Ж. Делез, Ж. Бодрийяр). В реальности это общение равнодушных и глубоко одиноких «коммуникативных объектов», реализующих свое одиночество и отчаяние (С. Кьеркегор, А. Шопенгауэр, М. Хайдегер) в состояниях формальных приличий, поверхностного партнерства, практической выгоды, лицемерия, неприязни, вражды, ненависти. Другой полюс существующих форм общения – отношения восходящие до вершин неравного, взаимодополняющего сотворчества бинарно-контрарных сущностей, достигающих комплементарности – отношений дружбы, любви, соборности (А. Хомяков, М. Туган-Барановский, Ф. Достоевский, Н. Бердяев, С. Булгаков, К. Циолковский, В. Вернадский, П. Флоренский, Б. Шоу, Д. Кейнс, Б. Рассел и др.).

Личностные свойства определяют суть социальных отношений всех уровней. В них отражается уровень социального развития каждого из общающихся людей, нравственные и мировоззренческие принципы, цели и смыслы жизни, коммуникативные качества. В созидающей поведенческой терапии возникает необходимость предъявления культурных образцов, примеров и стереотипов, на основе которых можно выстроить новую гармоничную поведенческую модель взаимодействия бинарно-контрарных сущностей, прежде всего – мужской и женской; хотя не только в любви, но и в любых гармоничных социальных отношениях все строится не на равенстве качеств, а на значимой (бинарной и системно-комплементарной) дополнительности участников общей деятельности [14].

Материалом для обучения являются психологически достоверные образцы поведенческой культуры – кинематографической, вокальной, танцевальной, а также литературы и драматургии (театрализация). Следует отметить, что на практике тренинги с использованием позитивных кинематографических образов, почти без исключения, строятся на лучших произведениях советского кинематографа, отрицающего либеральный индивидуализм и эгоизм, предлагающего нравственные варианты решения основных типов психологических конфликтов. В подобной работе крайне важной для понимания сущностных различий реагирования и поведенческого обогащения является демонстрация не только конструктивных ролевых проявлений, но и не конструктивных. Вредные мифы о равноправии, часто понимаемом как одинаковость, и предельной индивидуальной свободе, на деле ведущей к тяжелейшему одиночеству, создает основу для конфликта, неадекватности поведенческих проявлений и ожиданий. В этом отношении ТОР предлагает афористический принцип – «всякая любовь – есть сладкая, но разумная, несвобода» [12]. Почти тотальное отсутствие в современной либеральной культуре гармоничных и достойных примера моделей взаимодействий сущностей настоятельно требует создания новых, ответственных проявлений форм полезностей (любви), основанных на ком-

плементарной дополнителности свойств. ТОР, как совокупность базовых принципов всех основных форм системного взаимодействия, позволяет причинно, пошагово объяснять и настраивать поведенческие конструкторы, адекватные целям адаптации и развития личности, семьи, общества, человечества. В результате формируется обоснованный ответ на вопрос «что и как делать?», обогащенный новыми поведенческими паттернами в рамках культурно – исторической традиции и национальных психологических особенностей, образуется возможность создания гармоничной модели поведения.

Во всех случаях возникает необходимость прописывания в новом, гармоничном сценарии жизни иного содержания взаимодействия двух взаимодополняющих начал (бинарная комплементарность в первичной социальной системе). Прежде всего, это отношения мужчины и женщины, родителя и ребенка, лидера и доверяющего человека. Далее происходит освоение принципов гармоничного взаимодействия в средних, больших и всеобщих социальных системах [13; 14]. В итоге, индивидуальная самоактуализация (индивидуальный оптимум адаптации и развития) рождается как адекватная форма поведения, соответствующая собственным переживаниям и личностным смыслам (всех трех уровней), а также ожиданиям и личностным смыслам партнера по общению, где смысловая и знаковая системы находят адекватные реальности проявления.

Резюме

В обсуждении темы, заявленной статьей, было бы неприемлемой робостью уйти от поставленного вопроса, ответа на который обычно избегает «либеральная» психологическая теория и практика. Многие представители этого направления ограничены, не свободны в социально-метафизическом осмыслении целей своей работы, приручены материальными смыслами собственного бытия и приручены обществом и властью к «политкорректности»; это подход, где заявленные «гуманистические» смыслы деятельности лишь едва скрывают эпитонизм и неизбежный страх

пустого эгоистического бытия в заданных рамках коротких смыслов жизни. Поставленный принципиальный вопрос требует ответа и общества, и каждого специалиста, занимающегося терапией невротиков: Кто он, человек, принимающий на себя ответственность за правильное понимание души человека, общества, человечества? Психолог, философ, демиург? Не будучи избранным Богом или людьми, имеет ли он возможности и право на прозрение судьбы, кармы (судьбы рода), софийных смыслов бытия?

«Быть рабом страха – самый худший вид рабства» – эта мысль также принадлежит Б. Шоу. Это действительно так, ибо страх парализует, все поведение сводит к защите (обычно не эффективной) того, чем еще владеет индивид, или полагает, что владеет. Крайняя форма страха – паника, дезорганизованное поведение, способное привести к гибели или полностью зависимому поведению [15]. При обсуждении темы постижения смыслов социального бытия и способов их реализации, обильное цитирование англоязычного драматурга, занимающего по известности в современном обществе второе место после В.Шекспира, наряду с положениями российской теории оптимума развития, совершенно не случайно. Прежде всего, взгляды оптимистичного и остроумного мыслителя и автора ТОР не противоречивы во всех принципиальных вопросах. Но есть и иные серьезные основания для ссылок на того, кто никак не претендовал на роль профессионального психолога или психотерапевта.

Б. Шоу – единственный человек, удостоенный Нобелевской премии в области литературы в 1925 г. с формулировкой: «За творчество, отмеченное идеализмом и гуманизмом, за искрометную сатиру, которая часто сочетается с исключительной поэтической красотой». Кроме того, его всемирно известная пьеса «Пигмалион» – есть гениальное описание поведенческой терапии, превращающей вульгарную девушку-цветочницу в гармоничную личность, леди, заслуживающей любви ее высокоинтеллектуального педагога. В 1938 г. Б. Шоу была присуждена премия «Оскар» за кинематографический образец психотерапевтической и психопедагогической техники (за сцена-

рий фильма «Пигмалион»). Тем самым была подтверждена правота его еще одной блистательной мысли – «качество пьесы – это качество ее идей». Удивительно и то, что перевод фамилии драматурга на русский язык означает «зрелище», «спектакль», «выставка», «демонстрация».

Однако, было бы не верно воспринимать Б. Шоу лишь как гениального литератора. Одновременно он представлял собой и активного общественного деятеля (социалист-фабианец) и покровителя наук (один из основателей Лондонской школы экономики и политических наук). Он полагал, что «деятельность – единственный путь к знанию», отчетливо понимая при этом бесконечность пути чувственно-рационального, в том числе научного познания. «Наука никогда не решает вопроса, не поставив при этом десятка новых» – это суждение также принадлежит Б. Шоу. Но данное обстоятельство никогда не остановит честного исследователя, верного стремлению к гармоничной реализации всех смыслов бытия (материальных, социальных, духовных) [17; 18]. Жизнь показала, что крайний индивидуализм, легко порождающий эгоизм, гарантированно ведет к социальной самоизоляции, самообману, робкому отказу от достижения всей совокупности смыслов бытия, фиксации лишь на самых простых и «дешевых» – материальных смыслах. «Честность и верность – это дорогой подарок, которого от дешевых людей не стоит ожидать» – это тоже Б. Шоу.

Путь познания неизбежно сочетает и частичное открытие бесконечной истины, и обретение очередных заблуждений (В.Океанский). Б. Шоу шутил и по этому поводу: «Разумный человек приспособливается к миру, неразумный приспособливает мир к себе. Поэтому весь прогресс зависит только от людей неразумных». И все же, можно ли шутить, пусть и гениальному мыслителю, по поводу таких серьезных вещей как смыслы жизни и душа человека? Почему бы и нет? Ведь он – не священник, критика его направлена не на Бога, а на человека и общество; и то и другое – ему не кажутся безнадежными. Он говорит: «Мой

способ шутить – это говорить правду. На свете нет ничего смешнее».

Сегодня его общественная деятельность известна гораздо меньше литературного творчества. Между тем, для понимания взглядов, в том числе и по обсуждаемой в нашей статье проблеме, важно напомнить, что в 1931 г. Б. Шоу посетил СССР, где у него состоялась личная встреча с И. Сталиным. Возвращаясь из Советского Союза, он говорил: «Я уезжаю из государства надежды и возвращаюсь в наши западные страны – страны отчаяния... Для меня, старого человека, составляет глубокое утешение, сходя в могилу, знать, что мировая цивилизация будет спасена... Здесь, в России, я убедился, что новая коммунистическая система способна вывести человечество из современного кризиса и спасти его от полной анархии и гибели». «Сталин – очень приятный человек и действительно руководитель рабочего класса... Сталин – гигант, а все западные деятели – пигмеи». «В России нет парламента или другой ерунды в этом роде. Русские не так глупы, как мы; им было бы даже трудно представить, что могут быть дураки, подобные нам. Разумеется, и государственные люди советской России имеют не только огромное моральное превосходство над нашими, но и значительное умственное превосходство».

Шутил ли великий остроумец, или заблуждался, говоря все это? Каждый может сделать собственный вывод. Как фабианец (от имени римского военачальника Фабия Максима Кунктатора – «Медлительного») он был сторонником постепенного, медленного преобразования капитализма в социалистическое общество, происходить которое должно в результате постепенных институциональных преобразований. Забавно, что теория системного оптимума социального развития и в этом совпадает во взглядах с великим «социальным сценаристом и терапевтом», предлагая бинарно-комплементарную модель гармоничной социально-экономической организации общества [9; 10; 11; 13]. Создается впечатление, что ирландская культура весьма близка к российской, ведь и «родители» русского афориста Козьмы Пруткина, его устами, рекомендовали «поспешать медленно». Куда

ни кинь – везде ... оптимум (технологии движения к гармонии).

Совершенно современен был Б. Шоу и тогда, когда критиковал систему образования за ее сосредоточение лишь на умственном (рациональном) аспекте, без достаточного духовного развития. Реформируя театр, как место, где в образах представлены проблемы человека и общества, он предлагал новые темы и приглашал к обдумыванию моральных, политических и экономических проблем. Размышляя о соотношении ролей, которые исполняют в истории массы и духовная элита (наука, высшее искусство, мыслители и метафизики) он предлагал не впадать в упрощенное понимание демократии, как выражение воли избирателей на выборах властей. В своей последней пьесе «Миллиарды Буянты» он говорит, что не стоит надеяться на массы, которые выступают, как слепая толпа и способны выбирать себе в правители даже таких людей, как Гитлер. ТОР также говорит об ответственности духовной элиты за развитие социальных процессов, предлагая уже современные (непреходящие) варианты обновления склонных к дряхлению и эгоизму застойных политических элит (идея «политии» Аристотеля) [14].

В 1921 году Шоу завершил работу над пенталогией «Назад к Мафусаилу», в которую вошли пять пьес, действие которых начинается в Эдемском саду, а заканчивается в будущем, через тысячу лет. Шоу считал эти пьесы лучшими из всех своих творений. В них утверждалось, что жизнь усовершенствуется с помощью попыток и ошибок. Трудно не заметить, что этот труд – уже метафизический уровень исследования, попытка понять замысел сценария божественного Создателя Мира. ТОР в концепции «информационно-знаковых кластеров и систем» показывает содержательное тождество «попыток» и «ошибок» с понятиями «искушение», «искусство», «опробование», «проба», «вкушение», «кусание», «эксперимент», «грех». Б. Шоу абсолютно прав, когда событиями в жизни своих героев говорит своим читателям, что не пустая попытка быть постоянно и изначально безгрешным является целью поведения человека на жизненном пути. Цель заключается в

познании «невыгодности», неприемлемости греха, повторных системных ошибок, нарушений требований Логоса (нарушений духовного и нравственного закона), постижении всего того, что формирует искусство гармоничной жизни в ладу с собой, людьми и Богом.

Б. Шоу, несомненно, не только гениальный литератор, но и крупный европейский мыслитель, оптимист, человек, проживший долгую и яркую жизнь. Но, совсем иные мыслители определяли и до сих пор определяют социально-метафизический мейнстрим либеральной западной культуры. Он может быть охарактеризован как преимущественно экзистенциальный, индивидуалистический, пессимистический, в последний исторический период – постмодернистский. Среди наиболее известных имен его представителей – А. Шопенгауэр, А. Смит, Ф. Ницше, А. Камю, Ж. Сартр, М. Хайдеггер.

По представлениям А. Шопенгауэра жизнью человека на деле движет чужая, бессознательная «мировая воля», абсолютно безразличная к своим творениям – людям, которые брошены ею на произвол случайно складывающихся обстоятельств. Жизнь – это ад, в котором глупец гонится за наслаждениями и приходит к разочарованию, а мудрец старается избегать бед через самоограничение. Жизнь человека – постоянная борьба со смертью, непрестанное страдание; все усилия освободиться от страданий приводят лишь к тому, что одно страдание заменяется другим, тогда как удовлетворение основных жизненных потребностей оборачивается лишь пресыщением и скукой. Э. Гартман, опираясь на его взгляды, заявлял: «Если страдания жизни резко превышают удовольствия, то основной задачей следует считать не познание бытия, а достижение небытия». Для полного оправдания стремления к реализации греха самоуничтожения, он делает не обусловленный ничем, кроме переживания крайне болезненной никчемности и бессмысленности собственного бытия вывод: «Эволюция нецелесообразности влечет Вселенную к уничтожению путем осознания ее неразумия» [3].

Известнейший европейский экономист и философ – этик А. Смит видел основу социальной справедливости лишь в свободной конкуренции корыстолюбивых индивидов. «Не от благожелательности мясника, пивовара или булочника мы ожидаем получить свой обед, а от соблюдения ими своих собственных интересов. Мы обращаемся не к гуманности, а к их эгоизму и никогда не говорим им о наших нуждах, а лишь об их выгодах». О возможности иных мотивов социального поведения этот одинокий человек не писал, по-видимому, не имея соответствующего личного опыта.

Общеизвестны взгляды Ф. Ницше, который заявил: «Бог умер!». Он предложил новую метафизическую и социальную логику. Старые ценности исчерпали себя. На смену сверхчеловеку Христу должен прийти новый сверхчеловек – Антихрист. Он должен создать новые ценности. Смиренной и завистливой морали рабов (христианской по утверждению Ф.Ницше) он противопоставит мораль героев, принимающих на себя ответственность за перемены, господствующих над выбирающими рабство. Однако, позже неизбежно будет рожден новый Дракон и придет новый сверхчеловек, и так до бесконечности (принцип цикличности) [4].

«Последний из великих» европейских философов, по сути, наш современник, ушедший в вечность в конце XX века, М. Хайдеггер посвятил свой труд исследованию сути Бытия. По Хайдеггеру «подлинное бытие» является актом радикального обособления. Человек «заброшен» в «Ничто» (Космоса и Природы), обречен мучиться бессмысленностью и одиночеством. В этом и заключается жизнь. Единственно человеческий смысл и даже радость, рождается из бездны отчаяния, не переставая быть отчаянием. С ним тесно связан ужас, который неопределенен и безграничен как сам мир. В ужасе одежды значимостей спадают. Ужас не терпит рядом с собой никаких иных богов, он разрывает связь индивида с другими людьми и заставляет его выпасть из системы доверительных взаимоотношений с миром. Ужасом приоткрывается «Ничто». Ничего нет, но это ничто и пустота человеческого существования пробуждают

страх и постоянную тревогу, которые становятся, чуть ли не главным, содержанием «здесь бытия» [8].

ТОР предлагает свой взгляд на философские и психологические причины кризиса либеральной культуры [17; 18]. Но и без глубоко теоретического анализа не сложно заметить, что все эти незаурядные умы, в попытках постичь смыслы жизни, столкнулись с какой-то непреодолимой для них преградой. Вряд ли над этим можно иронизировать, скорее, сочувствовать, но психолого-биографический метод исследования личностных когнитивных конструктов, используемый в ТОР, показывает, что все перечисленные мыслители были глубоко несчастны в личной жизни, большинство из них не имели семьи и все перенесли в детстве «первичную травму». Попытки объяснить свою неудачную судьбу (с наших теоретических позиций и накопленного практического опыта вполне исправимую в большинстве случаев) «ошибками Бога» – были бы смешны, если бы они предпринимались обиженным ребенком или ограниченным человеком... Но, допускать трагические ошибки в понимании смыслов бытия, в течение долгого времени занимать инфантильную позицию способны не только отдельные, в том числе интеллектуально одаренные люди, но и целые социумы. Общество тоже может быть больным, об этом писалось не раз. Воспроизводя себя, через идеологию, мораль, социально-экономическую политику, псевдокультуру, такое общество вновь и вновь будет калечить всех, кто поверит в его ложную («плохую») идею, кто, вопреки давлению общества, преодолев его не найдет нового пути к гармонии бытия.

Напомним еще раз слова Б.Шоу, выдающегося и счастливого мыслителя, глубоко постигнувшего смыслы жизни: «Качество пьесы – это качество ее идей». Идея индивидуализма, попытка не любить никого, кроме себя, главная идея любого «либерала» и искреннего эгоиста – плохая идея. На ней не построить счастливого сценария жизни. Любой эгоист попросту изведется в бесплодных попытках поцеловать самого себя, скажем в щеку... Для любви неизбежно нужен другой, противоположно-

дополняющий человек. Даже тогда, когда наука завтрашнего дня (а вся надежда эгоиста – на нее, ибо Бог – есть любовь, которой эгоист с детства боится пуще огня, по-настоящему не видел ее и не верит в ее безопасность), сможет предоставить каждому желающему эгоисту хобот, позволяющий поцеловать себя в любую часть организма, но и с таким обретением вряд ли он станет считать свою судьбу намного радостнее. Ведь любовь – это преодоление неполноценности, которую неизбежно переживает любая «отдельная часть», не достигшая соединения, синтеза в «целое» с другой «частью» социума, со своей комплементарной противоположностью, с любимым человеком. Слово «частное» – священно для любого «либерала», любого эгоиста. Это его защита от других людей, которые, по его представлению, в принципе не могут его (как он узнал в детстве «плохого») любить, и, следовательно, будут стремиться к элиминации такого человека из бытия. Это и порождает безумный страх одиночества, попытки замаскироваться, спрятаться от социума, подчинить его себе властью и деньгами. Пустое...

Между тем информационно-знаковая концепция ТОР, дает возможность раскрывать исходные, неявные смыслы многих понятий; позволяет прояснять за счет исследования их этимологии, корней и префиксов. В качестве примера предлагается осознать, почему так несчастны люди, которые в сердцах, но искренне, называют себя или другого человека за допущенную в общении ошибку «идиотом». Нет, речь не идет о крайних формах слабоумия, обусловленного биологическими причинами. Слово «идиот» происходит от древнегреческого (διώτης) – «свой, собственный, особенный, отдельный, частный». В древних Афинах так называли граждан, не принимавших участия в общественной жизни, т.е. не понимавших ее значения для личности. Современный герменевтический и психологический подтекст слова «идиот» раскрывается кластером понятий – несчастливый, отделяющий себя от социума и любви, перепуганный человек, ничего не понимающий в главных смыслах бытия. Отсюда следует вывод о том, что толпа – отнюдь не объединение сторонни-

ков демократии, не коллектив, не соборный разум, а легко управляемое собрание испуганных и безответственных эгоистов, «идиотов», с точки зрения представителей ответственной античной демократии. Знание такой подоплеки термина может заставить задуматься даже искреннего «либерала». Не следует при этом забывать, что эгоистами часто становятся дети, которых баловали в детстве. Но в психологии давно не является новостью, что «баловать» и «любить» детей – далеко не одно и то же. Обычно балуют детей те родители, у которых нет гармоничных отношений в браке или те, кто испытывает осознанное или неосознанное чувство вины перед детьми. «Избалованные» – это тоже люди лишённые истинной любви в детстве.

С учетом сказанного вряд ли покажется удивительным то обстоятельство, что великие европейские философы Аристотель, Сенека, П. Гольбах, Д. Дидро, М. Монтень, Л. Фейербах, сторонники противоположного пессимизму и индивидуализму философского направления – эвдемонизма (от греч. процветание, блаженство, счастье) – были женаты и имели детей. Не только они, но и каждый зрелый и гармоничный человек, овладевший нравственными и духовными способами реализации коротких (материальных) и средних (социальных) смыслов бытия, приступает к исследованию долгих (метафизических) смыслов радостно и заинтересованно, т.к. его «норма ожиданий» в процессе познания бытия была сформирована успехом предшествующих этапов развития, а не провалами и душевной болью безрадостного детства пессимиста.

Способность к социальной интеграции составляет основу могущества человечества – его интеллектуального потенциала, ибо сознание человека коллективно и исторично, это познание совершенное вместе с «другими». «Истина, недоступная для отдельного мышления, доступна только совокупности мышлений, связанных любовью. Творцом и источником мира является разумная воля, или, иначе, волющий разум» (А.С. Хомяков).

Сказанное объясняет, почему ТОР, системный подход фиксируют внимание специалиста и клиента на принципах

альной познаваемости гармонии, возможности ее проекции и в прошлое и в будущее, возможности созидания гармоничной семьи, коллектива, общества. При этом подчеркивается, что нельзя быть счастливым в одиночку. Можно построить хороший дом и на месте огромной помойки, приведя в порядок лишь свой участок, но нельзя построить забор такой высоты, чтобы не достигал дурной запах оставшихся вокруг нечистот. Неизбежно будешь жить в глубоком колодце и почти не видеть солнца. Решение этой задачи не индивидуальное, частное, а только коллективное, соборное – вместе можно расчистить все загаженное и превратить в цветущий сад место жизни гармоничных людей.

В самой известной пьесе Б. Шоу «Пигмалион», основанной на сюжете древнегреческого мифа, одинокий скульптор просит богов, чтобы они оживили созданную им из мрамора статую прекрасной женщины. И она оживает, все решает Любовь. В чем секрет непреходящего успеха пьесы, чем она так хороша? Хороша, как и утверждал автор, идея пьесы – идея Любви. Любовь божественна, ибо Бог есть Любовь!

Так кто же, по своей роли и сути, человек, предлагающий живой и страдающей душе новый сценарий и новые роли в судьбе? Психолог? Философ? Демиург? Наши ответы на эти вопросы неуклончивы. Душевные страдания, неврозы – явление массовое. Справиться с ними самостоятельно практически не возможно – нужно зеркало, в котором можно увидеть то, что нельзя увидеть собственными глазами; нужен другой, заинтересованный в решении существующих проблем, знающий и умеющий, к тому же добрый и оптимистичный человек. Конечно, он должен владеть знаниями в области психологии, накопленными человечеством на сегодняшний день; первая его роль – психолог. Должен ли этот человек быть мудрым? Риторический вопрос. Профессиональный мудрец именуется философом («философия» – любовь к мудрости). Может ли им быть священник? В ряде случаев – да, если он еще и знаток психологии. Что касается софийных замыслов Бога – священник должен быть подготовлен к разъяснению этой темы. Философу от науки

– хорошо известна история развития человеческой мысли, некоторые уже найденные заблуждения людей в отношении смыслов и Бытия, и частных повседневной жизни. Поэтому человек, помогающий преодолеть глубинную душевную боль – философ. Но, несмотря на все значение его помощи, важность принятых на себя ролей, он – не Демиург. Человек и в религиозной, и в рациональной философии – не аналог, а лишь «подобие» Бога, ибо создан «по его образу и подобию». Об умалении достоинства человека от этого обстоятельства не может быть и речи. Говорить же, обычно, приходится о тех людях, которые в невротическом инфантильном стремлении излить свою обиду на несчастливую (без настоящей любви) судьбу, принимают на себя грешную роль «пародии» образа Божия. Союз священника и психолога в лечении и помощи такому страдающему неврозом человеку – абсолютно уместен и, в соответствии с принципами ТОР, в нашей практике обычен.

Библиографический список:

1. Ассаджиоли, Р. Психосинтез: теория и практика. – М.: REFL-book, 1994.
2. Бьюдженталь Дж. Искусство психотерапевта. – СПб.: Питер, 2001. – 301 с.
3. Гартман, Э. Сущность мирового процесса, или Философия бессознательного: Метафизика бессознательного (Из наследия мировой философской мысли: история философии). – УРСС, 2010.
4. Марков Б.В. Человек, государство и Бог в философии Ницше. – СПб.: Владимир Даль: Русский остров, 2005.
5. Осипов Ю.М. Реквием. Роман о романе, или роман с романом. Метафизическая проза. – М.: ТЕИС, 2010.
6. Осипов Ю.М. Обретение. – М.: ТЕИС, 2011.
7. Руководство по телесно-ориентированной терапии. Первичная терапия А. Янова. СПб.: Речь, 2000. С.154-242.
8. Хайдеггер, М. Время и бытие: Статьи и выступления / Сост., пер. с нем. и комм. В.В. Библихина // Мартин Хайдеггер. – М.: Республика, 1993.
9. Шелкопляс Е.В. Деньги, ответственность и массовая психология. – Ива-

ново: Иваново: Издательство «Ивановская государственная медицинская академия», 1996.

10. Шелкопляс Е.В. Программа самой благозвучной партии России – Партии Умеренного Прогресса. – Иваново: Издательство «Иваново-Вознесенск», 1998.

11. Шелкопляс Е.В. Психология российских реформ. – Иваново: Иваново: Издательство «Ивановская государственная медицинская академия», 1993.

12. Шелкопляс Е.В. Введение в психологию оптимума. (Цикл популярных лекций. Лекция первая). – Иваново, «Траст Сервис», 2003.

13. Шелкопляс Е.В. Новая модель социально-экономического развития России: от растерянности к гармонии. Материалы к докладу на совместном заседании Международной академии организационных наук и Академии философии хозяйства. Центральный экономико-математический институт. Москва, май 2012г. / Е.В. Шелкопляс. – Иваново: Юнона, 2012.

14. Шелкопляс Е.В. Революция смыслов как условие рождения общества социальной гармонии / Человек завтрашнего дня: взгляд с позиции науки, взгляд с позиции искусства: сб. материалов по итогам Междунар. науч. конф., 20-22 сентября

2012 г. / под общ. ред. Е.В. Шелкопляса. – Иваново, 2013. – С. 40-129.

15. Шелкопляс Е. В. Мировая скорбь – уход от любви // Мировая скорбь как показатель заката культурно-цивилизационного цикла. Сборник материалов конференции. Научный редактор – проф. В.П. Океанский. – Шуя: Изд-во Шуйского филиала ИвГУ, 2013 – С. 123-158.

16. Шелкопляс Е.В. Новые законы семейной психологии: возможности теории оптимума развития // Актуальные вопросы психологии семьи. Материалы международной научно-практической конференции. Шуя. – 2014.

17. Шелкопляс Е.В. Метафизические аспекты современной культурологии: ожидание перемен / Философия хозяйства. Альманах Центра общественных наук и экономического факультета МГУ им. М.В. Ломоносова. Специальный выпуск. 2015. – С.51-83.

18. Шелкопляс Е.В. Закат либеральной культуры: философские и психологические корни развития кризиса / Философия хозяйства. Альманах Центра общественных наук и экономического факультета МГУ им. М.В. Ломоносова. Специальный выпуск. 2015 – С.230-248.

©Шелкопляс Е.В., 2015

СОЦИОЛОГИЯ

С.С. Спановский

Кандидат социологических наук, доцент кафедры
государственного и муниципального управления
и менеджмента организации
Ивановского филиала НОУ ВПО «Институт управления»

Социальная напряженность на пути формирования гражданского обще- ства: теоретико-методологический аспект исследования

В статье рассматриваются актуальные теоретико-методологические аспекты исследования социальной напряженности, а также факторы и условия развития социальной напряженности, имеющие прямое влияние на формирование гражданского общества в современной России.

Ключевые слова: социальная напряженность, гражданское общество, социальный конфликт, социально-экономические и политические изменения, социально-экономический кризис, социальная система, управление.

Развитие российского государства на современном этапе характеризуется новым периодом на пути становления гражданского общества. Вместе с тем российское общество находится в особой стадии социальных преобразований, которая представляет собой сложный, неоднозначный и многомерный процесс. Преобразования, сопровождающиеся политической и экономической нестабильностью, снижением уровня жизни, утратой прежней системы социальных гарантий, террористическими актами, не могут не отражаться на умонастроениях всех слоев населения. Они ускоряют ход социальных процессов, ведут к изменениям в общественных отношениях, в том числе и негативным, порождая противоречия, сказывающиеся на всех сферах жизни общества. Противоречия в обществе и их динамика проявляются в росте социальной напряженности, которая как самостоятельное социальное явление требует своего анализа, управления и, в конечном счете, разрешения.

Если назревшие противоречия в обществе своевременно не выявляются, а конфликтные противоречия не разрешаются, то изменяются формы проявления социальной напряженности. Это отражается через осознание людьми реального расхождения между провозглашенными идеалами, целями общественного развития и его действительными результатами, нередко доходя до открытых социальных конфликтов, приводящих к дестабилизации общества.

Понятие «социальная напряженность» официально вошло в отечественную науку в конце 1980-х годов, хотя начало изучения данной проблемы относится еще к XIX веку. В западной социологии доминирующей стала традиция индивидуализации и психологизации напряженности при анализе неблагоприятных социальных ситуаций. Анализ термина и сущности социальной напряженности содержится в работах современных зарубежных исследователей – Р. Дарендорфа, Т. Парсонса, Л. Козера. [4; 7; 12].

Кризисное состояние советского общества на рубеже 1980-90-х годов повлекло за собой необходимость детального изучения данного феномена в отечественной науке. Термин «социальная напряженность» быстро вошел в лексикон не только представителей социально-гуманитарных наук, но также политиков, журналистов и даже простых граждан в качестве синонима неблагоприятной, острой, кризисной ситуации. В первой половине 1990-х годов в нашей стране, помимо множества публицистических изданий, оперировавших термином «напряженность», вышел целый ряд научных работ, специально посвященных теоретическому осмыслению проблемы социальной напряженности в различных сферах и на разных уровнях российского общества.

Социальный конфликт и межличностные проблемы социальной напряженности рассматривались в работах отечественных авторов, таких как А.Г. Здравомыслов, Е.И., Бородкин, Н.М. Коряка, А.К. Зайцев [2; 5; 6].

Механизмы формирования социальной напряженности и стадии ее развития изучались в работах Н.И. Наенко и М.Н. Мухановой [11; 9].

Тогда же были предприняты первые попытки создания специальных методик и процедур измерения социальной напряженности. Данная проблематика исследовалась в работах А.А. Давыдова и Е.В. Давыдовой, И.В. Пирогова, В.О. Рукавишниковой, П.Д. Чернобая, Ю.М. Плюснина и др. ученых [3; 13; 15; 16; 19; 24].

Все работы, отмеченных авторов, несомненно, имеют большое теоретическое и практическое значение. Однако, несмотря на широкий спектр исследований, представляющих различные теоретико-методологические направления, в них не представлен совсем или освещен недостаточно полно ряд актуальных вопросов. Всё еще не сформулировано четкого определения понятия «социальная напряженность». В исследованиях социальной напряженности остается много неясных и дискуссионных вопросов.

Так, например, Ю.В. Платонов отождествляет понятия «напряженность» и

«конфликт». «Социальная напряженность, – пишет он, – это конфликт (противоположность) интересов социальных групп. Социальная напряженность понимается как уровень конфликтности, меняющейся во времени» [14]. Однако такое определение лишает социальную напряженность статуса объективной реальности и сводит ее лишь к столкновению интересов социальных общностей.

Несколько иначе, с точки зрения теории социальных изменений, дана характеристика социальной напряженности В.О. Рукавишниковым. «Социальная напряженность, – пишет автор, – это понятие, характеризующее особое состояние общественной жизни, отличающееся обострением внутренних противоречий объективного и субъективного характера» [17]. Исследователь считает, что социальная напряженность не только является сигналом о кризисном состоянии социальной системы, о нарушении баланса ее структур и функций, но и отражает определенное духовное состояние индивидов и социальных групп, подчас весьма значительных, от которых в существенной мере зависят мотивы общественного поведения [18].

Развивая эту идею, М.Н. Муханова отмечает, что «...под социальной напряженностью нами понимается состояние, возникающее в результате восприятия субъектом сложившейся дестабилизационной, кризисной ситуации в обществе. Она может быть обусловлена противоречиями в ценностных ориентациях и социальных установках, разрывом между ожидаемым и реализованным, беспокойством о завтрашнем дне. При этом продуцируемость оценки индивидуума осложняется эмоциональным компонентом сложившейся в обществе экономической, социальной, политической ситуации» [10]. Вместе с тем, в работах этого автора, как и у некоторых других, особенно западных исследователей, заметно смещение сущности социальной напряженности, прежде всего к психологическому состоянию индивидов.

В свою очередь С.С. Соловьев определяет социальную напряженность как «негативное отношение преобладающей части общности к актуальным явлениям и процессам и наличие с ее стороны конкретных

практических действий, которые способны привести к деструктивным изменениям в обществе». [20].

Понятие «социально-политическая напряженность» входит в категориальный аппарат политологии, конфликтологии, социологии, психологии, социальной философии, истории и является междисциплинарным понятием. Исторически содержание социальной напряженности рассматривалось в связи с такими явлениями и связанными с ними понятиями, как «социальная дезинтеграция», «отсутствие солидарности взаимодействующих личностей и групп», «девиация» (в отношениях стабильного общества), «аномия» (в отношениях нестабильного общества), «утрата социальной идентичности», «депривация и фрустрация» личности, группы, общности, «классовая борьба», «межнациональные столкновения», наконец, «социально-экономический кризис» и сопряженная с ним опасность социальной катастрофы как полной утраты управляемости общественными процессами и институтами, распада прежних общественных связей и отношений [8].

Вполне можно согласиться с трактовкой В.О. Рукавишникова, который считает, что социальная напряженность – это специфическое состояние общественных отношений, основанное на неудовлетворенных потребностях индивидов и характеризующее нестабильность социальной системы [17].

Представление о социальной напряженности, сформулированное Е.В. Тучковым [22] и И.В. Пироговым [13] дает возможность широкого применения этого термина в рамках теории социальных изменений как характеристики специфического состояния социума, предшествующего проявлению назревших противоречий, выводящих социальную систему на качественно иной уровень функционирования. Важным моментом в характеристике социальной напряженности является то, что в работах этих и других исследователей говорится о латентной стадии социальной напряженности. Действительно, социальная напряженность существует независимо от формы ее проявления. Она присуща социальным системам, имея свое прошлое, настоящее и будущее, изменяя свое проявление, начиная

от латентной формы, заканчивая открытым социальным конфликтом. Такое представление о социальной напряженности указывает на то, что данный феномен есть объективная реальность, сущность социальной системы, существующая независимо от форм ее проявления. В отечественной социологической литературе предлагаются различные варианты решения вопроса о соотношении напряженности и конфликта. Понятия «социальный конфликт» и «социальная напряженность» в определенном смысле близки. И социальный конфликт, и социальная напряженность формируются в конкретной ситуации, заключающей в себе социальную проблему, связанную с существованием противоречий, которые затрагивают интересы и ценности людей, общества в целом.

Таким образом, отечественная социологическая наука понятие социальной напряженности рассматривает в рамках теории социальных изменений и придает ему субъектно-деятельностный характер.

Придерживаясь такого подхода к пониманию социальной напряженности и обращая внимание на ее существование в скрытой стадии, можно сделать ряд выводов. Во-первых, социальная напряженность выявляется на определенной стадии ее развития, когда формы ее проявления таковы, что позволяют в явном виде обнаружить или наблюдать социальную напряженность как явление, включающее высказывания неудовлетворенности жизнью в печати, на телевидении, обращение к властям с определенными пожеланиями и требованиями, разного рода акции протеста и т. п. Во-вторых, следует иметь в виду, что понятие «социальная напряженность» и «социальный конфликт» представляют собой разные явления. В-третьих, социальная напряженность является объективной реальностью, сущностью социальных систем, порождающей в них изменения и сдвиги разного масштаба.

Пребывание современного российского общества в определенной стадии социальной напряженности подчеркивает необходимость пристального внимания к усиливающимся проблемам формирования в нашей стране гражданского общества. От-

меченные выше концепции, трактовки социальной напряженности, вызывающие ее причины напрямую относятся к факторам, определяющие на современном этапе и в будущем, тенденции, препятствующие или, наоборот, при определенных условиях способствующие формированию в нашей стране развитого гражданского общества. К сожалению, пока недостаточно имеется специальных исследований и основывающихся на их результатах научных работ, показывающих зависимость трудностей формирования гражданского общества от уровня и степени развития в российском обществе социальной напряженности и социальных конфликтов. Между тем реальные проблемы становления гражданского общества отражаются в работах по управлению экономическим неравенством как реального источника конфликтности и социальной напряженности [1]. Раскрытие региональных аспектов социальной напряженности рассматриваются через призму углубления социально-экономической дифференциации, социального протеста, межэтнических конфликтов и связанных с этими факторами неблагоприятных тенденций изменения в социальной структуре российского общества. [21; 23].

Таким образом, анализ факторов и составляющих их показателей, указывающих на наличие тревожных признаков социальной напряженности или усиливающегося масштабного социального конфликта поможет определить комплекс социальных, экономических, политических и иных проблем, которые напрямую могут препятствовать становлению и развитию в нашей стране институтов гражданского общества. Кроме того, исследователям в этой области следует использовать преимущества междисциплинарного подхода для всестороннего анализа и дальнейшего решения огромного комплекса проблем, препятствующего продвижению к гражданскому обществу в Российской Федерации.

Библиографический список

1. Ветрова Т.В., Потехина Е.С. Проблемы управления экономическим неравенством // На пути к гражданскому обществу. 2015. № 1(17). С. 75-82.
2. Бородин Ф.М., Коряк Н.М. Внимание: конфликт! Новосибирск: Наука, Сибирское отделение, 1989.
3. Давыдов А.А., Давыдова Е.В. Измерение социальной напряженности. М.: ИС РАН, 1992.
4. Дарендорф Р. Современный социальный конфликт. Очерк политики свободы / Пер. с нем. М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2002.
5. Зайцев А.К. Социальный конфликт. 2-е изд. М.: Academia, 2001.
6. Здравомыслов А.Г. Социология конфликта: Россия на путях преодоления кризиса. 2-е изд., доп. М.: Аспект-Пресс.
7. Козер Л. Функции социального конфликта / Пер. с англ. О.А. Назаровской. М.: Идея-Пресс, Дом интеллектуальной книги, 2000.
8. Куконков П.И. Социальные напряжения и структурные конфликты в регионах России: некоторые исследовательские подходы // Вестник Нижегородского университета им. Н. И. Лобачевского. 2004. Вып. 1 (3). С. 183-189. Обращение к документу: 21.03.2013. <[http://www.unn.ru/pages/issues/-vestnik/99990201_West_soc_2004_1\(3\)/21.pdf](http://www.unn.ru/pages/issues/-vestnik/99990201_West_soc_2004_1(3)/21.pdf)>.
9. Муханова М.Н. Социальная напряженность в Калмыцкой АССР // Социол. исслед. 1991. № 7. С. 70-76.
10. Муханова М.Н. Социальная напряженность: региональный аспект: Автореф. дис. ... канд. социол. наук. М., 1995. С. 15.
11. Наенко Н.И. Психическая напряженность. М.: Изд-во МГУ, 1976.
12. Парсонс Т. О социальных системах / Под ред. В.Ф. Чесноковой, С.А. Белановского. М.: Академический проект, 2002.
13. Пирогов И.В. Социальная напряженность: теория, методология и методы измерения: Дис. ... канд. социол. наук. М., 2002.
14. Платонов Ю.В. Социальные конфликты на производстве // Социол. исслед. 1991. № 11. С. 20-25.
15. Плюснин Ю.М. Социальная напряженность в Новосибирске. 1999. Новосибирск: ЦСА, 1999.
16. Пирогов И.В. Социальная напряженность: теория, методология и методы измерения: Дис. ... канд. социол. наук. М., 2002.

17. Рукавишников В.О. Пик напряжённости под знаком белого коня // Социол. исслед. 1990. № 10. С. 13.
18. Рукавишников В.О. Социально–политическая ситуация и общественное мнение // Социол. исслед. 1992. № 11. С. 47–57.
19. Рукавишников В.О. Социальная напряженность // Диалог. 1990. № 8.
20. Соловьёв С.С. Методика измерения социальной напряженности в Вооруженных Силах // Социол. исслед. 1993. № 12. С. 68.
21. Спановский С.С. Проблемы управления социальной напряженностью на региональном и муниципальном уровнях // Проблемы становления, развития и модернизации гражданского общества в Российской Федерации: исторический, экономический, юридический аспекты. Сборник материалов VI международной научно-практической конференции. Архангельск-Иваново, 2015. С. 73-77.
- 22.. ТучковЕ.В. Социальная напряженность в регионах центра России: механизмы диагностики и регулирования: Автореф. дис. ... канд. социол. наук. М., 2001.
23. Урцмиханов З.С. Межэтнические конфликты на Кавказе // На пути к гражданскому обществу. 2012. № 3-4(7-8). С. 93-95.
24. Чернобай П.Д. Социальная напряженность: опыт измерения // Социол. исслед. 1992. № 7. С. 94–98

© Спановский С.С., 2015

ЭКОНОМИКА

А. М Ткачева

Старший преподаватель кафедры ГМУ
и МО Ивановского филиала НОУ ВПО «Ин-
ститут управления»

Л.А. Зосимова

Кандидат экономических наук, доцент
кафедры ГМУ и МО Ивановского филиала
НОУ ВПО «Институт управления»

Проблемы и тенденции развития розничной торговли на современном этапе

В статье рассматриваются вопросы, связанные с трансформацией роли и функций розничной торговли как одного из важнейших секторов экономики, в котором осуществляются ключевые бизнес-процессы, связанные с доведением товаров и услуг до конечного потребителя.

Ключевые слова: розничная торговля, потребители, форматы розничной торговли, бренды, стратегия, каналы распределения, финансовые услуги.

Торговля, являясь конечным звеном экономической активности субъектов рынка, обеспечивает эффективное удовлетворение нужд и запросов потребителей. Торговля - обширнейшая область предпринимательской деятельности, которая в последние годы получила новые импульсы своего развития. В трудные 90-е годы в нее влилось много новых предприимчивых людей, в ряде случаев коренным образом поменявших свою профессию и жизненные ориентиры. От «челночного» бизнеса многие предприниматели перешли к более высокой стадии торговой деятельности, организовав индивидуальные или малые предприятия.

Предпринимателю, решившему посвятить себя коммерческому предпринимательству, требуется знание множества про-

блем, с которыми в торговле приходится сталкиваться ежедневно, уметь находить правильные решения.

Часто говорят: единственное, что в торговле постоянно - это перемены. Действительно, темп развития этой отрасли постоянно нарастает. Сегодня развиваются новые форматы розничной торговли, что отчасти является следствием роста спроса со стороны все более требовательных, опытных и искушенных покупателей. Усиливается сегментация рынка и внимание различных форматов предприятий торговли фокусируется на потребностях конкретных групп потребителей. Следствием этих процессов стало формирование более сложной среды, в которой функционирует торговля. [4]

Если раньше особое внимание уделялось брэндам производителей, то в настоящее время мы становимся свидетелями того, как брэнды торговых компаний смело атакуют брэнды поставщиков. В настоящее время сектор розничной торговли в разных странах характеризуется наличием крупномасштабных разветвленных сетей магазинов, принадлежащих могущественным и многоопытным организациям.

Постоянное укрупнение предприятий розничной торговли, а также ужесточающаяся конкуренция на розничных рынках заставляет малые предприятия изыскивать новые пути развития бизнеса. Преимуществами малых торговых предприятий являются простота в организации товародвижения и учета, работа на местный рынок, высокая гибкость вплоть до полной смены вида деятельности, профиля, ассортимента товаров, более экономное использование ресурсов, незначительные управленческие расходы, повышенная скорость оборота капитала, заинтересованность каждого работника в конечных результатах труда и другие факторы конкурентоспособности. В последнее время сформировалась тенденция отхода компаний розничной торговли от ключевого бизнеса и смещение в сторону финансовых услуг. [2]

Другим магистральным направлением развития розничной торговли стало продвижение розничных операций на новые рынки. Одни участники применяют стратегию перепрыгивания через границы и обосновываются на соседних рынках, другие направляют усилия на завоевание рынков в регионах, которые считаются близкими им по культуре. Нет сомнений, что в последние годы торговля становится все более интернациональной, в результате чего практически по всему миру можно встретить одни и те же, уже знакомые, логотипы, униформы служащих, уличные вывески и методы торговли. Все эти приметы служат наглядным подтверждением того, что торговля стала действительно динамичной отраслью.

Относительно недавно большое внимание привлекла к себе электронная торговля, оказавшая шоковое воздействие на отрасль, - однако после первоначального бума стало понятно, что модель успеха в

большинстве секторов отрасли предполагает использование набора каналов торговли. Сейчас многие предприятия розничной торговли, действующие только через Интернет, переживают тяжелые времена в борьбе за прибыль, даже если они в состоянии увеличивать объем продаж. Интернет служит дополнительным каналом и для традиционных розничных торговцев, все чаще использующих многоканальный реально-виртуальный подход.

Торговля товарами всегда была частью традиционных обществ. В последнее время процесс продажи и покупки становится все более формализованным видом деятельности, в котором доминирующую роль играют брэнды. Еще совсем недавно, в 60-е годы прошлого столетия, розничной торговле отводилась менее важная роль, чем таким отраслям экономики, как обрабатывающая промышленность, строительная индустрия и т.п. Однако с течением времени сектор розничной торговли приобретает более значимую роль - как важнейший вид экономической деятельности, и его влияние на все общество в целом уже широко признано. Это обусловлено рядом факторов: розничная торговля занимает существенное место в экономике, она привлекает и использует значительную часть рабочей силы, компании розничной торговли уверенно заняли важное место среди крупнейших организаций с большим опытом работы. Если сектор розничной торговли стал сопоставим с организациями в гостиничном секторе и, несомненно, с крупнейшими корпорациями за пределами сферы услуг, то очевидно, что позиции розничной торговли стали достаточно сильны. [3]

Серьезная причина исторического плана, лежащая в основе столь ощутимого роста значения розничной торговли, состоит в том, что в настоящее время ее вклад в экономику становится все более очевидным. В странах со слабо развитыми формами и методами розничной торговли доминируют неофициальные (нелегальные) формы торговли, например, рынки, что значительно затрудняет оценку реального объема торговых операций. Даже если в этих неофициальных торговых операциях задействованы денежные средства, учетные записи систе-

матически не ведутся. Это происходит частично вследствие того, что неформальные розничные торговцы не сталкиваются с необходимостью соблюдать установленные нормы и правила торговли, которым вынуждены следовать официальные участники этого рынка. По мере совершенствования структуры розничной торговли, этот бизнес становится все более успешным и искусным, а, следовательно, более зримыми становятся его обороты и получаемая прибыль.

Формализация и возрастающее значение новых каналов распределения привели к тому, что вклад розничной торговли в обеспечение жизнеспособности экономики становится все очевиднее. Это стало следствием все более полного отражения результатов его функционирования в официальной статистике. [1]

Другим показателем важной роли, которую предприятия торговли играют в экономике, является их статус «работодателей». Согласно расчетам, в этой отрасли занят каждый девятый работающий в стране. Предприятия торговли играют особую важную роль как работодатели для определенных групп населения - этот сектор характеризуется более высоким уровнем занятости женщин, чем любой другой сектор экономики. Так, по расчетам, женщины составляют более двух третей всей рабочей силы, занятой в розничной торговле.

В прошлом торговля по сравнению с другими отраслями экономики характеризовалась отсутствием социальной поддержки работников, более низкими ставками оплаты труда и большей продолжительностью рабочего времени. Сейчас, однако, появляется все больше примеров использования в этом секторе инновационных и стимулирующих условий найма.

Предприятия розничной торговли приобретают все большее значение в роли «привратников» в каналах распределения. В прошлом, когда доминировали поставщики, розничная торговля выставила на продажу те товары, которые предлагали поставщики, а потребители вынуждены были выбирать из того, что имеется в наличии. Сегодня предприятия розничной торговли укрепили свои позиции, они в состоянии оказывать

давление на поставщиков и выбирать только те брэнды, которые они желают продавать, в зависимости от применяемой ими общей стратегии розничных продаж и взаимоотношений, сложившихся с поставщиками. В результате потребители могут теперь выбирать из того, что уже было отобрано для них ранее и предлагается им компаниями розничной торговли, а не производителями. Таким образом, предприятия розничной торговли могут рассматриваться как сила, формирующая потребительский спрос. [5]

Например, если предприятиям розничной торговли трудно получить экологически чистые продукты питания (выращенные с применением только органических удобрений) или цены на них относительно высоки, то продажи этих продуктов будут ограничены - тем самым розничная торговля формирует покупательское поведение потребителей. Более того, поскольку собственные брэнды компаний розничной торговли завоевывают все более сильные позиции на рынке, эти компании получили возможность оказывать влияние на процесс разработки новых продуктов. Многие компании розничной торговли используют разработку новых продуктов в качестве инструмента конкуренции.

Современная розничная торговля включает в себя такие виды деятельности, как личная покупка, покупка товаров через интернет, пользование финансовыми услугами и даже посещение местной закусочной быстрого обслуживания или парикмахерской. Разнообразие видов торговли предприниматели увязывают с трансформацией способов предложения на рынок товаров и услуг. Для более полного понимания этих революционных перемен предпринимателю необходимо иметь базовые знания о том, что представляет собой маркетинг торговли.

Розничная торговля в том или ином виде уходит корнями вглубь веков, однако вследствие существенных изменений как элементов розничной торговли, так и рыночных условий возникла потребность внесения соответствующих изменений в технологии и в подходы к этой сфере деятельности. Рейд (Reid, 1995) назвал розничную

торговлю бывшей «золушкой бизнеса», которая сейчас превратилась в лидера инноваций и управления сложными процессами в сфере бизнеса. Розничная торговля включает в свою сферу все виды деятельности, связанные с маркетингом и распределением товаров и услуг. Маркетинг представляет собой ключевую область любой розничной операции. Успех или провал розничного торговца определяется тем, насколько правильно он сумел понять и удовлетворить потребности своих клиентов.

На сегодняшний день можно выделить следующие стратегии ведения бизнеса, использующиеся в современном торговом маркетинге:

1. «Покупай дешево - продавай дорого» - стратегия специализированных магазинов и универсамов. Ориентирована на предоставление высокого уровня сервиса и достаточно эксклюзивных товаров (обеспечивает трудность сравнения цен).

2. «Конкурируй низкими ценами за счет больших объемов» - стратегия появившаяся в противовес предыдущей.

3. «Ориентируйся на добавленное удобство». Несмотря на успешность этой стратегии, у нее есть значительный недостаток - малый набор предоставляемых услуг. Поэтому существуют магазины, пытающиеся конкурировать за счет дополнительных удобств (местоположение, график работы, дополнительные услуги). Примером использования данной стратегии служит всем привычный так называемый «магазин у дома». [3]

На успех бизнеса влияет и постоянное изменение потребительского поведения. Например, многие люди испытывают дефицит времени. В результате все больше детей после школы длительное время находятся дома одни и вынуждены сами готовить себе еду и делать покупки. Часть потребителей мигрирует в пригороды для постоянного проживания. В результате чего покупки не совершаются ежедневно, а чаще по выходным дням.

Все это приводит к формированию ряда сегментов потребителей с более высоким доходом, но меньшим временем, которое люди могут посвятить ежедневным покупкам за покупками. Подобные изменения

создают среди розничных торговцев интенсивную конкуренцию. Эти изменения настолько разительны, что мы уже стали свидетелями изменения способов взаимодействия потребителей с некоторыми из наиболее традиционных областей розничного сектора, и, прежде всего с организациями, предоставляющими финансовые услуги. [1] Изменение стиля жизни потребителей диктует необходимость осуществления некоторых банковских услуг более удобным и экономичным способом. Это обусловило развитие технологий банковских услуг с использованием автоматических кассовых машин, почтовой и телефонной связи, а так же электронных средств. Новым важным элементом стали банковские услуги, оказываемые небанковскими учреждениями - за пределами банков и их филиалов, что отражает запросы современного потребителя.

Наиболее четко эта тенденция, получившая название «отказ от посредничества», прослеживается в сфере страхования. Страховой агент, традиционно оказывавший услуги при страховании, например автомобиля, жилья или личного страхования, отступил под натиском быстрого роста прямого маркетинга в этой области. Использование продаж по телефону, через Интернет и прочих методов маркетинга внесло изменения, как в каналы распределения, так и в структуру себестоимости в отрасли. Практическая реализация этих перемен стала возможной не только благодаря быстрому и целенаправленному развитию технологий, но и самому факту признания потребителями новых форматов услуг и их ценовых преимуществ. Однако, наблюдая такие новшества, как электронные банковские услуги, мы одновременно отмечаем и растущее давление со стороны некоторых потребителей, требующих сохранить местные филиалы банков, чтобы нейтрализовать беспокойство фактическим выпадением некоторых групп населения из сферы финансовых услуг.

Библиографический список:

1. Андреева О.Р., Зайцева И.А. Оценка состояния и развития социальной инфраструктуры // Сборник научных трудов вузов России «Проблемы

- экономики, финансов и управления производством». 2009. № 29. С. 99-107.
2. Зосимова Л.А. Совершенствование организационных механизмов управления торговлей муниципальных образований. В сборнике: Беларусь, Казахстан, Россия: время инноваций Сборник материалов международной научно-практической конференции: в 2 частях. Научный редактор А. Н. Ежов. 2014. С. 128-131.
3. Зосимова Л.А. Изменения в системе управления потребительским рынком муниципального образования в свете положений нового закона о регулировании торговой деятельности // Вестник Российского государственного торгово-экономического университета (РГТЭУ). 2011. № 1. С. 26-31.
4. Канаян К., Канаян Р. Инновационные технологии в торговле // «Юнион-Стандарт Консалтинг» http://www.usconsult.ru/our_company.html
5. Камоева Т. К. О роли розничной торговли в экономике России // Проблемы современной экономики, N 3 (35), 2010

©Ткачева А.М., Зосимова Л.А., 2015

И.В. Шуртухина

**Кандидат экономических наук, доцент кафедры
государственного и муниципального управления
и менеджмента организации Ивановского филиала
НОУ ВПО «Институт управления»**

Инновационное предпринимательство: методика управления на региональном уровне

В статье анализируется современное состояние инновационного предпринимательства, показывается формирование модели управления инновационным предпринимательством на региональном уровне.

Ключевые слова: производство, потребление, ресурсы, процессы, инновации, менеджмент.

Инновационное предпринимательство – это процесс создания и коммерческого использования технологических нововведений. Как правило, в основе предпринимательской деятельности лежит нововведение в области продукции или услуг, позволяющее создать новый рынок, удовлетворить новые потребности. Инновации служат специфическим инструментом предпринимательства, причем не инновации сами по себе, а направленный организационный поиск новшеств, постоянная нацеленность на них предпринимательских структур. Предпринимателей отличает инновационный тип мышления. Инновационность – особый инструмент предпринимательства.

В настоящее время сложилось понимание предпринимателя как новатора: «Задача предпринимателей – реформировать и революционизировать способ производства путем внедрения изобретений, а в более общем смысле – через использование новых технологических достижений для производства новых товаров или прежних товаров, но новым методом, благодаря открытию нового источника сырья или нового рынка готовой продукции,

вплоть до реорганизации прежней и создания новой отрасли промышленности» [1].

В экономической литературе выделяются три вида инновационного предпринимательства [1]:

- 1) инновация продукции;
- 2) инновация технологии;
- 3) социальные инновации.

Инновационная продукция представляет собой процесс обновления потенциала предприятия, обеспечивающий увеличение объема получаемой прибыли, расширение доли на рынке. Инновация технологии – это процесс обновления производственного потенциала, направленный на повышение производительности труда и экономию энергии, сырья и других ресурсов, что в свою очередь дает возможность увеличить объем получаемой прибыли. Социальные инновации расширяют возможности на рынке рабочей силы, мобилизуют персонал предприятия на достижение поставленных целей.

Предпринимательство как процесс включает в себя четыре стадии: поиск новой идеи и ее оценку; составление бизнес-плана; поиск необходимых ресурсов; управление созданным предприятием. Для

инновационного предпринимательства эти основные четыре стадии целесообразно разбить на более мелкие.

Особенно важное значение для инновационного предпринимательства приобретает именно первая стадия – поиск новой идеи.

При выявлении источников инновационных идей вызывает интерес классификация Питера Друкера, который выделяет семь источников инновационных идей [2]:

- неожиданное событие (для предприятия или отрасли – неожиданные успех, неудача, внешнее событие);
- неконкурентность – несоответствие между реальностью, какая она есть на самом деле, и нашими представлениями о ней (такая, какой она должна быть);
- нововведения, основанные на потребности процесса (под потребностью процесса следует иметь в виду те его недостатки и слабые места, которые могут и должны быть устранены);
- внезапные изменения в структуре отрасли или рынка;
- демографические изменения;
- изменения в восприятии, настроениях и ценностных установках;
- новые знания (как научные, так и ненаучные).

По мнению П. Друкера систематический инновационный процесс состоит в организованном и целенаправленном поиске изменений и в систематическом анализе этих изменений как источника социальных и экономических преобразований.

После формирования банка инновационных идей перед предпринимательской фирмой стоит задача отбора наиболее перспективных из них. Прежде чем принять решение о внедрении какой-либо инновации необходимо выяснить, имеет ли тот или иной продукт шансы на рынке (если речь идет о товарной инновации).

При принятии окончательного решения в связи с инновационной идеей, в том числе в связи с конструкторско-исследовательскими работами, необходимо, чтобы прибыль от проекта была значительно выше, чем затраты на его реализацию, а связанный с проектом риск должен

находиться в предельно допустимом соотношении с прибылью от его реализации.

Такие категории, как нововведение, новшество и инновация по-разному трактуются в экономической литературе [4]. В некоторых случаях эти понятия используются как синонимы, однако определенные различия между ними существуют. Новшество отражает определенную новизну, т.е. близко к понятию изобретение. Нововведение – это освоение новой техники или технологии, улучшенных методов организации и управления. Инновация же — это деятельность, направленная на разработку, создание и распространение новых видов изделий, технологий, организационных форм. Существует и другое определение: инновация – это нововведение, комплексный процесс создания, распространения и использования новшеств (нового практического средства) для удовлетворения человеческих потребностей, меняющихся под воздействием развития общества [5].

Предпринимательство неразрывно связано с менеджментом. Оно может добиться основной цели – получения устойчивого оптимального размера предпринимательского дохода в том случае, если основные функции менеджмента (планирование, организация, оперативное управление, экономический контроль) будут способствовать реализации такой стратегии развития, которая постоянно адаптируется к окружающей среде.

Учет окружающей среды производится с целью определения шансов на успех от инновационной рискованной деятельности, уходя от неблагоприятного воздействия многочисленных видов риска, связанных с проведением предпринимательской деятельности.

Инновационное предпринимательство должно стать одним из стратегических ресурсов устойчивого экономического развития национальной экономики.

Понятно, что все предпринимательство не сводится к малому предпринимательству. Крупное корпоративное предпринимательство, используя эффект масштаба, располагая большим капиталом, способно больше, чем малое, осваивать

стратегические технологии, осуществлять прорывные достижения в НТП. Поэтому российское государство должно создавать условия для формирования и развития предпринимательства во всех организационно-правовых формах (частноиндивидуальной, частно-коллективной, государственной и т.д.), в предпринимательстве любого масштаба – малом, среднем, крупном.

Определенные шаги в этом направлении предпринимаются. Государство сотрудничает с крупным предпринимательством, создавая смешанные частногосударственные предприятия по выполнению определенных предпринимательских проектов и программ.

Инновационное воспроизводство можно стимулировать с помощью налоговой, кредитной и другой политики, поощряя спрос на инновационную продукцию, развитие ее экспорта, способствуя переливу финансового капитала в предпринимательские структуры, укрепляя взаимосвязи крупного и малого предпринимательства, оказывая помощь в подготовке, повышении квалификации предпринимателей и создании инфраструктуры для развития предпринимательства, финансируя фундаментальную науку как базис для инновационного воспроизводства, создавая конкурентную среду, способствуя привлечению стратегических инвесторов в сферу предпринимательства и т.д.

В России инновационные процессы осуществляются неодинаково в разных отраслях, в частности, в силу существующих диспропорций, сложившихся в инновационной сфере. Наряду с разработками наукоемкой продукции высокого уровня имеются инновации, находящиеся на заключительной стадии жизненного цикла.

В последние годы в России продолжают ухудшаться показатели создания и освоения новой техники.

Анализ двух-трех последних лет свидетельствует, что основным видом инновационной деятельности является освоение и внедрение нововведений, в то время как доля предприятий и фирм, занимающихся проектно-конструкторской и технологической деятельностью, постоянно

снижается. Многие весьма нужные виды инновационной деятельности не получили развития.

Тормозом, препятствующим внедрению новых технологий и повышению на их основе конкурентоспособности отечественной продукции, является сохраняющаяся весьма низкая (только у 5-7% российских предприятий) активность в приобретении лицензий, ноу-хау и других видов промышленной собственности. Продолжается дальнейшее снижение удельного веса предприятий, проводящих научно-исследовательские работы. Научно-исследовательские, проектно-конструкторские и технологические работы выполняют в основном крупные предприятия, располагающие солидной финансовой и материально-технической базой, квалифицированными кадрами.

Многие факты свидетельствуют, что инновационная деятельность до сих пор не получила распространения в российской экономике. Продолжает ухудшаться технологическая структура инвестиций в основной капитал. Доля затрат на оборудование, инструмент и инвентарь в них понизилась с 20% в 2012 году, 18% - в 2013 году до 17% в 2014 году. В целом ряде отраслей российского инвестиционного машиностроения загрузка производственных мощностей упала до уровня, ставящего под вопрос само их существование. При этом многие предприятия, ранее выпускавшие высокотехнологичную продукцию, переходят к выпуску непрофильной, дешевой и простой продукции, имеющей более выгодную конъюнктуру спроса. Так, в станкостроительной отрасли свой основной профиль изменили более 80% предприятий [9].

Наибольшее ухудшение технологической структуры наблюдается в комплексах, поставляющих продовольствие, товары и услуги на потребительский рынок, и в инвестиционном комплексе (машиностроение, производственное строительство); несколько возросла лишь доля передовых технологий в комплексе рыночной инфраструктуры и сфере управления (за счет технологического переосна-

щения банков, бирж, органов управления) [9].

Эти и многие другие факты дали основание некоторым ученым-экономистам сделать вывод о том, что наиболее общим проявлением технологического кризиса стала тенденция технологической деградации российской экономики [9].

Поэтому перед российской экономикой стоит исключительно важная стратегическая задача – выйти из технологического кризиса и осуществить прорыв в узловых направлениях формирования постиндустриального технологического способа производства. В числе ключевых направлений, способных осуществить такой прорыв, можно отметить технологии и товары в области космоса, авиации, композитов, биотехнологии, электроники и информации, транспорта.

Учитывая специфику России, кроме стимулирования вышеотмеченных приоритетных направлений развития отраслей высоких технологий, необходимо кардинальное техническое переоснащение отраслей потребительского комплекса, прежде всего производящих продовольствие. Это необходимо, чтобы оградить российский рынок от экспансии импортных, более дешевых, но менее качественных, чем российские, импортных продовольственных товаров, поддержать российских производителей.

Необходима разработка и осуществление специальной государственной политики в области поддержки научно-технической деятельности, инновационного предпринимательства. Государство должно стимулировать приток капитала в инновационную сферу за счет использования таких форм и методов господдержки, как доленое финансирование, государственные гарантии, страхование проектов, создание патентных фондов, систем информационной поддержки. Это тактическая задача.

Стратегической же целью государственной политики является осуществление прорыва в базовых инновациях, формирующих структуру постиндустриального технологического спо-

соба производства, что обеспечит устойчивое экономическое развитие России [7].

Главным инструментом технологического прорыва является поворот инвестиций к инновациям, инновационному предпринимательству, на что следует направить имеющиеся в руках государства силы, средства, рычаги и стимулы.

Государственная политика должна предусматривать использование эффективных форм активизации инновационного предпринимательства на региональном уровне. Целесообразно создание в регионах инновационных центров, которые смогут наладить координацию и поддержку инновационных проектов, разрабатываемых их участниками.

Наряду с поддержкой крупных структур, занятых инновационной деятельностью, необходимо стимулировать развитие малого инновационного предпринимательства. В настоящее время около 90% субъектов инновационной деятельности находится в негосударственном секторе. Поэтому весьма актуальна разработка эффективных механизмов государственного регулирования их деятельности. Понятно, что государство не сможет взять на себя бремя инвестиционного обеспечения инновационной деятельности. Однако государство может и должно создать систему условий для мобилизации инвестиционных ресурсов негосударственных инвестиционных корпораций, банков и направить на реализацию более значительных, приоритетных для страны направлений инновационной деятельности.

В современных условиях центр ответственности за интенсификацию российских реформ перемещается в регионы. В условиях ускорения процессов интенсификации необходимо активизировать творческую энергию трудящихся, направленную на вскрытие дополнительных возможностей производства. Исходя из этого содержание понятия «менеджер» начинает отклоняться от первоначального и до сих пор общепотребительного значения – управляющего, агента, маклера. В современных условиях он должен быть, прежде всего,

организатором инновационного процесса [5].

Кого считать инновационным менеджером? Инновационным менеджером можно считать изобретателя, который преодолевает препятствия, связанные с использованием изобретения; предпринимателя, который пользуется монополией на результаты умственного труда, предоставленной ему благодаря приобретению патента, берется за реализацию чужой идеи, инициирует ее практическое осуществление; активного консультанта, который ориентирует общественное мнение на применение нововведения. Инновационный менеджер – лицо, способное решать необычную экономическую (техническую) проблему [5].

Инновационный менеджер – не начальник в традиционном смысле этого слова, а равный среди партнеров. Вместе с тем он выступает как бы катализатором совместной деятельности, ведет поиски цели, приводит в движение тех, кто идентифицирует себя с этой целью, и благодаря общей стратегии, а в случае необходимости путем изменения стратегии управляет поиском и реализацией решения проблемы.

Инновационный менеджер – это человек, которого выделяет среда в нестабильном мире, который может найти прочное основание в этом окружающем его мире. Он владеет предпринимательской философией. Это позволяет ему подвергать систематической оценке технологическое развитие и его общественно-экономические последствия, модифицировать кратко- и среднесрочные цели, в зависимости от ситуации изменять и перспективную стратегию.

Для реализации своих целей инновационный менеджер должен обладать широкими знаниями, высокой культурой, незаурядной способностью видеть и решать проблемы, но он не может знать всего их многообразия. С помощью модели и соответственно интерактивной стратегии, ведя сознательный поиск вариантов в процессе решения конкретных проблем, он может найти альтернативные варианты, но заранее, прежде чем приступить к делу, не

может рассчитывать на нахождение лучшего ответа. В рамках организации инновационный менеджер должен переступить не всегда видимые, но хорошо ощутимые границы. Он также должен идти на компромиссы, осознавая, что каждый компромисс резко сокращает количество альтернативных решений и ограничивает свободу выбора. Соотношение между ограниченной автономией и более или менее значительной зависимостью ставит инновационного менеджера перед противоречием между динамичным развитием и состоянием равновесия.

Инновационный менеджер достигает цели посредством развития внутренних противоречий организации. Его стратегия заключается в постепенном переходе к широкой кооперации, постановке высоких, честолюбивых целей, более быстрому общественно-техническому развитию и рыночной экспансии. Его тактика состоит в смене находящихся на ключевых позициях кадров, опоре на успешно действующие и надежно развивающиеся функциональные системы, в селекции, накоплении даже незначительных выгод и преимуществ, после чего следует мощный «прорыв» к новому состоянию организации.

Инновационный менеджер может считать свою работу на данном этапе завершенной, когда организация достигнет формы как бы координированного, автономного и кооперативного множества предприятий. Однако если координационные мероприятия становятся неудовлетворительными, прежние связи рвутся, кооперация прекращается и создается новый координационный центр.

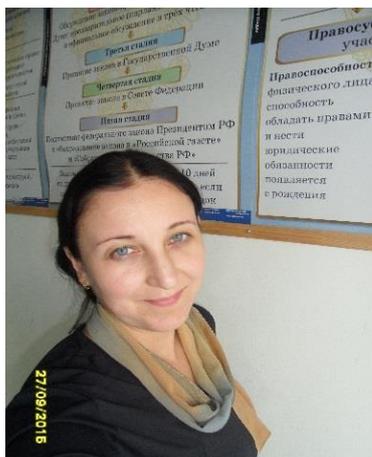
В руках менеджера инновация – это средство осуществления долгосрочных целей, форма и содержание предпринимательской деятельности. Чтобы современное хозяйственное предприятие достигло успеха, руководить им должен инновационный менеджер.

Библиографический список

1. Друкер П.Ф. Задачи менеджмента в XXI веке / Пер. с англ. – М.: Издательский дом "Вильямс", 2003 г.

2. Друкер П. Ф. Эффективное управление. Экономические задачи и оптимальные решения / Пер. с англ. – М.: ФАИР-ПРЕСС, 2001 г.
3. Друкер П. Ф. Практика менеджмента / Пер. с англ. – М.: Издательский дом "Вильямс", 2000 г.
4. Инновационный менеджмент: Учебное пособие. Карякин А.М., Шуртухина И.В. Издательство: ИГЭУ – Иваново, 2001 г.
5. Шуртухина И.В. Логистика в системе менеджмента организации (монография). Издательство: ИГЭУ – Иваново, 2010 г.
6. Менеджмент: учебник. Под ред. М.М. Максимцова, М.А. Комарова. Издательство: Юнити-Дана, 2012 г.
7. Шуртухина И.В. Производственный менеджмент: Учебное пособие. Издательство: ИГЭУ – Иваново, 2009 г.
8. Управление проектами: фундаментальный курс: учебник. Под ред. В.М. Аньшина, О.Н. Ильиной. Издательство: Издательский дом Высшей школы экономики, 2013 г.
9. Шуртухина И.В. Экономика предприятия: Учебное пособие. Издательство: ИГЭУ – Иваново, 2014 г.

©Шуртухина И.В., 2015

Е.С. Потехина

Кандидат экономических наук,
доцент кафедры экономики
Ивановского филиала
НОУ ВПО «Институт управления»

Г.А. Пряхина

Кандидат технических наук,
доцент кафедры экономики
Ивановского филиала
НОУ ВПО «Институт управления»

Влияние западных санкций на состояние экономики России

В статье отражен экономический аспект влияния западных санкций на состояние экономики России, а также отмечены основные пути выхода из сложившихся условий. Для минимизации потерь в национальной экономике от дальнейших недружественных шагов стран Запада представлены меры по повышению экономической безопасности России.

Ключевые слова: экономические санкции, национальная экономическая безопасность, диверсификация национальной экономики.

В условиях санкционного давления наиболее актуальными проблемами отечественной финансовой системы является низкая степень обеспеченности собственными средствами, отсутствие институционально-инструментальной самодостаточности отечественной финансовой системы и ее техническая зависимость от зарубежных контрагентов. Все эти проблемы взаимообусловлены. Действительно, национальный финансовый рынок характеризуется такими негативными особенностями, как отсутствие доверия к отечественным финансовым институтам и их низкая привлекательность. При наличии соответствующей возможности участники экономических отношений предпочитают выводить деньги за рубеж. Это, в свою очередь, обуславливает извечный дефицит финансовых средств, доступных кредиторам и инвесторам и проблемы с ликвидностью предприятий. В силу

этого национальные компании вынуждены обращаться к зарубежным финансовым институтам и инструментам, что увеличивает зависимость России от них, в первую очередь, от доллара и иностранных ценных бумаг. Эти инструменты обслуживаются подконтрольными западным государствам агентами.

В сложившейся ситуации отмечают значительные недоработки как со стороны государства, так и бизнеса. Возможно, главная критическая причина - отсутствие полноценной национальной платежной системы. Транснациональные платежи российские компании осуществляют преимущественно через систему S.W.I.F.T. без каких - либо юридических гарантий надежности платежей и их защищенности от финансовых властей и судов иностранных государств, в первую очередь США.

На сегодняшний день можно констатировать подавляющее превосходство иностранных компаний на национальном финансовом рынке. Рынок пластиковых карт в России контролируется незначительным числом иностранных компаний, преимущественно Visa и Master Card. После введения санкций Российские власти стали уделять больше внимания проблеме отсутствия национальной платежной системы, однако данный вопрос решить за короткий период времени невозможно. В частности, контролирующие органы вынуждены были пойти на существенные уступки системе Visa, так как оказалось, что заменить в течении ближайших лет ее просто не представляется возможным.

Для того, чтобы дать начальное представление о влиянии санкций и падения цен на нефть, сравним показатели по агрегированным статьям платежного баланса в 3 кв. 2014 года и 2-4 кв. 2013 г. [9]. Снижение цен на нефть и падение курса рубля еще не успели серьезно изменить показатели экспорта и импорта – в последующих кварталах предстоит увидеть резкое изменение обоих показателей. Небольшим (лишь 2 млрд долл.) оказалось и изменение чистого ввоза частного капитала. Однако за этим скрываются резкие отклонения потоков капитала по отдельным статьям. Резко увеличился чистый отток капитала в нефинансовом секторе (на 72 млрд долл. в годовом выражении), прежде всего, за счет прямых инвестиций [5]. Этот эффект почти компенсируется увеличением притока капитала в банковский сектор.

Таблица
Изменение основных параметров платежного баланса, млрд долл.

Параметры платежного баланса	В среднем во 2-4 кв. 2013 г.	Фактически в 3 кв. 2014 г
Счет текущих операций	3,0	11,4
Экспорт товаров и услуг	151,0	146,3
Импорт товаров и услуг	-122,0	-116,9
Чистый ввоз (+)/вывоз(-) частного капитала	-10,9	-13,0

Банки	3,3	20,8
Прочие сектора	-14,2	-32,3
Прямые инвестиции	0,8	-10,8
Портфельные инвестиции	-2,1	-5,6
Ссуды и займы	-12,9	-15,9
Наличная валюта	-0,5	-1,5

Рассмотрим влияние зарубежных санкций и антисанкций на потребительские цены в стране.

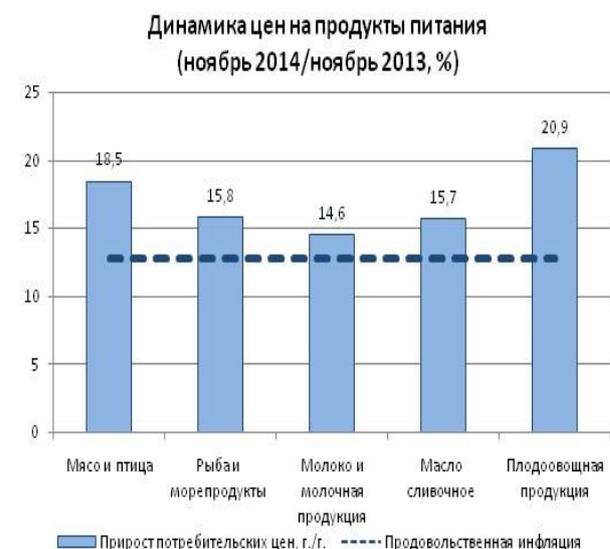

Рис. Влияние внешних санкций на потребительские цены в РФ.

Экономические последствия введения санкций в отношении России можно рассматривать двояко. С одной стороны, они обусловили нарастание макроэкономической нестабильности и спад национальной экономики. С другой – обнажили внутренние противоречия, которые накапливались в течение более 20 лет. При этом экономический спад 2014-2015 гг. отличается от других кризисов, имевших место в истории нашей страны. И эти отличия дают основания утверждать, что даже в условиях экономических санкций и дешевой нефти, а точнее, благодаря им, у страны появился реальный шанс для «переформатирования» экономики [8].

Несмотря на то, что Россия оказалась в ситуации, в которой давление на нее извне оказывает существенный ущерб национальной экономике, а возможности по нивели-

рованию этого ущерба и встречным санкциям малы, имеет смысл говорить о наличии ряда возможностей по оптимизации сложившейся ситуации во времени.

В целях обеспечения минимизации потерь в национальной безопасности от дальнейших недружественных шагов стран Запада российскими экономистами обсуждаются меры по повышению экономической безопасности России. В частности, эти меры можно представить следующими процессами:

1. Диверсификация национальной экономики.

В данном случае, интересным представляется арабский опыт: нефтедоллары, получаемые такими странами, как ОАЭ, Саудовская Аравия, Катар и другие ведущие поставщики нефти на глобальный рынок используют их для создания «с нуля» других отраслей и направлений национальной экономики. В частности, ОАЭ с 1995 по настоящее время реализуют инвестиционную программу по развитию не добывающих производств, преимущественно туризма и банковской сферы. За период с 1995 по 2013 гг. в рамках рассматриваемых программ развития только Саудовская Аравия потратила 2,3 трлн долларов [3]. Так же ориентиром для отечественной экономики в вопросах ее диверсификации может служить Китай. За срок членства в ВТО (2005 – 2013 гг.) в этой стране примерно в 4,5 раза увеличилась доля инновационного сектора за счет эксплуатации китайского конкурентного преимущества – дешевой рабочей силы и перераспределения сверхдоходов, получаемых национальными компаниями, в инновационную сферу. В настоящее время Китай практически преодолел патентную и лицензионную зависимость от США и других стран, а по ряду направлений, особенно в сфере создания товаров массового производства, китайский производитель составляет серьезную конкуренцию западным маркам и брендам. Примером служат автомобили Chery и компьютеры Lenovo. Существенных успехов на этом направлении достигли так же страны НИС, в частности, Ю.Корея.

2. Дублирование иностранных поставщиков товаров, а также услуг, поставляемых иностранными производителями.

В отличие от большинства других стран, в том числе стран БРИКС, Россия является страной, потенциально способной обеспечить производство полного замкнутого цикла в любой области. Ярким примером является навигационная система ГЛОНАСС, которая с точки зрения экономической эффективности и по техническим параметрам (точность, охват и т.д.) уступает своему конкуренту GPS. В то же время тех денег, которые она получает из бюджета за выполнение специфических функций в сфере обороны, метеорологических наблюдений и т.д., вполне хватает на то, чтобы обеспечить необходимый для выживания системы уровень окупаемости. Таким образом, отказ GPS от обслуживания российских клиентов не приведет нашу страну к информационному коллапсу. Представляется возможным предложить распространить эту же практику на другие сферы. Например, дублировать системы Swift, Visa, Master Card российскими аналогами, которые, испытывая давление со стороны более сильных иностранных конкурентов, могли бы поддерживать необходимый технологический уровень за счет обслуживания специфических клиентов, наподобие госкомпаний, оборонных и прочих специализированных предприятий.

3. Повышение инвестиционной привлекательности.

Серьезная проблема российской экономики - низкая степень инвестиционной привлекательности отраслей. Отток капитала из России за период 2012 и 2013 гг. достиг соответственно 54,6 и 62,7 млрд долларов, а в I квартале 2014 г. - 55 млрд долл. [12, с.214]. Это объясняется тем, что в нашей стране инвесторы не видят привлекательных направлений для осуществления инвестирования.

Имеет смысл решать эту проблему за счет средств стабилизационного фонда, размещение которых в высоконадежных, но мало доходных иностранных ценных бумагах за рубежом в условиях санкций превращается из стабилизирующего фактора в дестабилизирующий. В настоящее время ве-

личина стабилизационного фонда составляет 3851,80 млрд рублей [14]. Процесс перевода этих денег в Россию уже начат, хотя пока и обусловлен исключительно необходимостью. Например, по запросу главы компании Роснефть И. Сечина было принято решение о предоставлении компании кредита в размере 1,5 трлн руб. [15]. Предлагается распространить этот опыт на другие сферы. При этом интересным представляется опыт кредитования американских фермеров [2, с.12].

Анализируя данную ситуацию можно констатировать, что обеспечить национальную безопасность России в условиях экономических санкций возможно благодаря огромному потенциалу российской экономики, большого количества ресурсов, а также стран, которые поддерживают Россию в международном праве. Для этого необходимо осуществлять следующие меры: развивать отечественную промышленность, укреплять экономическое партнерство со странами Латинской Америки, Юго-Восточной и Восточной Азии. В настоящее время российские власти уже объявили о создании национальной платежной системы вместе с Республикой Беларусь, заключили контракт с Бразилией об импорте мясной продукции в Россию и т.д. В то же время, у нашей страны имеется значительный запас прочности, предусматривающий развитие собственной промышленности. Зарубежный опыт, в частности таких стран, как Иран, Китайская Народная Республика, позволяет утверждать, что страна может развиваться даже при условии жестких санкций.

Похоже, санкции в отношении российских промышленников могут подтолкнуть правительство к принятию мер, на которые оно ранее не решалось. Радикальное снижение процентов по кредитам через фонды проектного финансирования и другие механизмы позволят активизировать создание новых производств для импортозамещения. Готовятся предложения по снижению экспортных пошлин и повышению импортных, что минимизирует потери экономики от ограничения доступа российского бизнеса на международные рынки.

Российские компании из-за санкций лишились доступа к дешевым кредитам

банков Европы и США, многие промышленные предприятия оказались еще и в заложниках ввиду ограничения поставок (отчасти импортных, отчасти экспортных) некоторых видов оборудования и технологий. Угроза введения более жестких санкций против России может вовсе поставить отечественную промышленность на грань выживания. Поэтому вполне закономерно, что очередное заседание Госсовета было посвящено развитию российского бизнеса, импортозамещению, мерам повышения конкурентоспособности предприятий на мировом рынке в условиях членства России в ВТО.

В России уже немало сделано для поддержки промышленности: действуют механизмы государственно-частного партнерства [6, с.75], созданы налоговые стимулы для открытия новых производств, есть широкие механизмы поддержки малого и среднего бизнеса [10, с.83; 11, с.44], готовятся и новые инструменты развития, усовершенствована нормативная база. То есть базовые институты развития пусть не в полной мере, но созданы.

Присоединение России в 2012 г. к ВТО резко повысило планку требований к национальной конкурентоспособности, однако далеко не все предприятия до нее выросли, поэтому введение санкций для многих уже оказалось серьезным ударом.

«Введенные против нашей страны ограничения – это не что иное, как отказ от базовых принципов ВТО некоторыми нашими партнерами. Нарушается принцип равенства условий доступа всех стран – участников экономической деятельности к рынкам товаров и услуг, игнорируется режим наибольшего благоприятствования в торговле и принцип справедливой и свободной конкуренции», - отметил Владимир Путин [7].

С другой стороны, именно этот шок и стимулирует власть и бизнес совместно искать новые точки роста.

В настоящих условиях главной целью является использование одного из важных конкурентных преимуществ России – емкий внутренний рынок, заполнение его качественными товарами, которые производят реальные секторы отечественной эко-

номики, сохраняя стабильность и сбалансированность внутри рынка и экономики в целом.

За последние годы в России кратно увеличилось производство продукции нефтехимии и изделий из пластмассы, заметно выросли объемы выпуска автокомпонентов, отдельных видов строительных и других материалов. На мировом рынке вооружений востребована продукция российского оборонно-промышленного комплекса, в сфере высоких технологий наша страна занимает прочные позиции по экспорту ядерных реакторов и технологий, радиолокационной и навигационной аппаратуры. Устойчив и объем поставок на внешний рынок российских тяжелых грузовиков, авиационной техники, железнодорожной и космической продукции.

Как отмечает министр экономического развития А. Улюкаев санкции обращены именно на те секторы российской экономики, которые занимают внушительные позиции на мировых рынках: газовая промышленность, нефтяная, химическая и нефтехимическая промышленность, оборонно-промышленный комплекс, а также финансовая и банковская индустрия. По его мнению импортозамещение в России не должно сводиться к поддержке «вчерашних технологий» и консервации отставания. Ориентироваться следует на государственную поддержку критически важных технологий - электронных компонентов, станкостроения, оборудования для нефтегазового комплекса, нефтехимии [4].

Реальная экономическая практика последних лет показывает, что отечественные предприниматели зачастую с иностранными партнерами при минимальной государственной поддержке способны реализовать программу импортозамещения, создав сотни тысяч новых рабочих мест во многих отраслях экономики [13].

По расчетам рабочей группы Госсовета, объем замещения должен составить не менее четырех триллионов рублей, сроки реализации – два (максимум три) года. При этом будет создано не менее миллиона рабочих мест, а дополнительные налоговые поступления в бюджеты всех уровней составят порядка 500 млрд руб. [1].

Таким образом, реализовав программу импортозамещения, мы совершим экономический рывок, на который ранее потребовались бы многие годы.

Обеспечив вышеизложенные позиции, можно сберечь огромные объемы национального внутреннего продукта и обезопасить отечественную экономику от внешних воздействий.

Библиографический список

1. Афанасьева Л.В. // Антикризисное управление и механизмы обеспечения экономической безопасности - Курск: Юго-Западный гос. ун-т, 2014.
2. Борнякова Е.В. Международный опыт государственной помощи сельскому хозяйству // Вестник Удмуртского университета – 2011. Вып.2.
3. Вачнадзе Г.Н. Банки, Кредит, Металлургия, Автопром // Деловая Саудовская Аравия. Том V- VI, спецвыпуск - август 2008.
4. Гусев А. Нанотехнологии – крупнейший инвестиционный проект // Нанотехнологии. - №1. – 2010.
5. Дубинин С.К. Российская банковская система – испытание финансовым кризисом // Деньги и кредит. - №1. – 2015.
6. Зайцева И.А. Возможность реализации ГЧП в жилищно-коммунальном хозяйстве//На пути к гражданскому обществу.2014.№1(13).
7. Клемешов Р. Проблемы инновационного развития предпринимательской деятельности в России // Сборник докладов XIV Международной научно-практической конференции 24–25 апреля 2014 г. Инновационная экономика: проблемы и перспективы развития (Выпуск двенадцатый) – СПб.: СПбУУиЭ, 2014.
8. Кораблев Д.В., Рыкова И.Н. и др. Оценка эффективности реализации государственной программы развития промышленности и повышения ее конкурентоспособности. //Финансовый журнал. Научно-исследовательский финансовый институт. - № 2. - 2014.
9. Охотников И.В. // Макроэкономическое прогнозирование и стратегическое управление - Москва: Московский гос. ун-т путей сообщ., 2014.

10. Потехина Е.С. Малый бизнес в России. Стратегический подход к развитию малого предпринимательства//На пути к гражданскому обществу. 2015, №1(17).

11. Потехина Е.С. Аналитический аспект развития малого предпринимательства в России//На пути к гражданскому обществу. 2014.№4(16).

12. Потехина Е.С., Андреева О.Р. Проблемы развития инвестиционной инфраструктуры региона (на примере Ивановской области) / Точки роста в Евразийском экономическом союзе: бизнес, инвестиции, инновации. Сборник материалов междуна-

родной научно-практической конференции. В 2-х частях. Научный редактор: А.Н. Ежов. 2015.

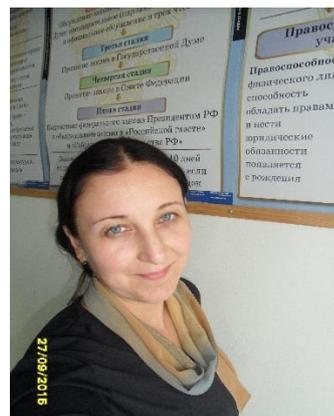
13. Склярова Е.Е. Малое и среднее предпринимательство как структурный элемент инновационной экономики // Экономика и социум. - №3 (12). – 2014.

14. Совокупный объем средств Стабилизационного фонда РФ. Официальный сайт Министерство Финансов Российской Федерации// Стабилизационный фонд // <http://minfin.ru/ru/stabfund/statistics/volume>.

©Потехина Е.С., Пряхина Г.А., 2015

Т.В. Ветрова
Доцент кафедры экономики
Ивановского филиала
НОУ ВПО
«Институт управления»

Е.С. Потехина
Кандидат экономических наук,
доцент кафедры экономики
Ивановского филиала
НОУ ВПО «Институт управления»

Дифференциация экономического и социального развития регионов как причина усиления криминализации экономики страны

В статье рассмотрена проблема дифференциации экономического и социального развития территорий страны, порождающая негативные экономические и политические последствия. Авторами проведен анализ социально-экономического состояния регионов страны, выявлены причины неравенства и социальной напряженности российских территорий.

Ключевые слова: экономическая безопасность, дифференциация развития территорий, экономический рост, имущественное неравенство.

Одной из острейших проблем экономической безопасности страны является обострение дифференциации экономического и социального развития входящих в ее состав территорий. Российские регионы, и ранее далеко не одинаковые по своим социально-экономическим характеристикам, в условиях спада производства стремительно расслаиваются на богатые и бедные. Более 60% поступлений в доходную часть федерального бюджета обеспечивается сейчас за счет 10-12 субъектов Федерации (из 89 имеющих) – доноров федерального бюджета [17]. На эти регионы приходится около 40% оставшегося промышленного производства.

Без сомнения, это порождает не только экономические, но и политические последствия: нарастание сепаратизма отдель-

ных регионов (Татарстан, Башкортостан, Якутия и т.д.), популярность идеи выхода из состава России (Северный Кавказ, «Уральская республика») и др. Экстраполяция этих тенденций показывает, что они ведут к окончательному развалу единого экономического пространства России (учитывая уровень интегрированности российской экономики и неконкурентоспособность большинства ее производств на мировом рынке, это неизбежно приведет к полной экономической деградации и окончательно придаст экономике «колониальную» структуру), а затем - к распаду России на множество отдельных государств.

Разделение регионов на самые «богатые» и самые «бедные» довольно устойчиво. В первую группу входят: г. Москва, нефте-

газодобывающие регионы, северные и дальневосточные регионы с наиболее высокой стоимостью жизни. В низшей группе находятся республики Северного Кавказа, Калмыкия и Тува, ряд «нересурсных» автономных округов и близко к ним - некоторые аграрные регионы центральной части России [1, с.72-75]. Социальная ситуация в России осложняется нарастающими контрастами: в «бедных» регионах реальные доходы на душу населения продолжают снижаться, а в ряде регионов, пожинающих плоды своего исключительного положения в переходном периоде, средний реальный доход на душу населения растет [8].

Доходы 10% наиболее богатых в 15 раз выше, чем у 10% наиболее бедных (а в Москве в 50 раз). Для сравнения заметим, что в США и наиболее развитых странах этот показатель колеблется в пределах 1:6-8 [6].

Стремительный раскол страны на узкий круг богатых людей и огромную массу бедных, не уверенных в своем будущем, создает два поляризованных класса общества с разным представлением о социальной справедливости. Расстояние между ними увеличивается, а социальная база реформ укрепляется [11].

В 2001-2007 гг. реальные доходы населения вышли на траекторию устойчивого роста. Однако их прирост в каждом следующем году относительно предыдущего замедляется: в 2005 г. он составил 11,1%, в 2006 г. – 11,0%, в 2007 г. – 10,4%. Сократилась межрегиональная дифференциация доходов – например, среднедушевые доходы населения в г. Москве, были в 2007 г. в 6,1 раза выше соответствующего показателя, рассчитанного для Ивановской области (минимальный размер душевых доходов среди областей ЦФО), а годом раньше этот разрыв составлял 6,7 раза [13].

Динамика экономического роста регионов различна. Медленнее всего «росли» восточные регионы страны с наименее развитой инфраструктурой и негативным воздействием удорожающих факторов – слабой заселенности, удаленности, неблагоприятных условий развития, а также значительным сокращением численности населения из-за миграционного оттока [10].

Максимальные темпы роста имели регионы Центра, Запада и Юга страны, но измерения в целом по федеральным округам скрывают сильные различия: и в Центре, и на Северо-Западе «моторами» роста были агломерации двух федеральных городов, что еще раз показывает роль агломерационного фактора в развитии страны. Из других регионов с городами-миллионниками быстро росла только половина - Свердловская область (сочетание агломерационного эффекта и усилившейся специализации на экспортной металлургии), Ростовская, Новосибирская и Омская. Но не только регионы с конкурентными преимуществами оказались лидерами роста. Самые высокие темпы роста в стране имела слаборазвитая республика Дагестан, это происходило из-за того, что Россия отличается от стран догоняющего развития более сильной выравнивающей политикой государства.

Благодаря федеральной поддержке темпы роста многих наименее развитых республик в составе России ближе к динамично развивающимся сильным регионам. Но в структуре валового регионального продукта слаборазвитых регионов доминируют нерыночные услуги государства, оказываемые за счет финансовой помощи федерального бюджета, а значит, отсутствует устойчивая основа развития [16].

Однако, несмотря на финансовую поддержку государства, полное выравнивание регионов России в обозримой перспективе абсолютно невозможно. Для достижения наиболее отсталыми регионами средне-русского уровня при самых оптимистических прогнозах требуется не менее 15 - 30 лет, если не добиваться выравнивания любой ценой, например, путем ограничения и даже снижения уровня развития экономически эффективных регионов. Практический смысл представляет более скромная цель — уменьшение отставания экономически менее развитых регионов [2, с.76-82]. Стремление к данной цели имеет две главные побудительные причины:

1) более активное включение всех регионов в общероссийский рынок, отвечающий интересам всех регионов;

2) укрепление экономической базы отстающих регионов для решения их социальных задач.

О том же говорил Б. Лавровский, анализируя ситуацию в стране десятилетием ранее: «... В алгоритм распределения фонда финансовой поддержки регионов с целью выравнивания показателей региональной бюджетной обеспеченности практически ежегодно вносятся изменения. Между тем их дифференциация лишь возрастает» [7].

В исследовании Ф.Н. Клоцвога о развитии экономики в условиях перехода к рынку говорится, что региональная неоднородность России резко обострилась. Открытая мировому рынку, российская экономика оказалась в полной зависимости от его конъюнктуры. Большинство отраслей российской экономики оказались неконкурентоспособными по сравнению с аналогичными производствами зарубежных стран [6].

Это коснулось практически всех отраслей обрабатывающей промышленности, а также сельского хозяйства. Районы с преобладанием таких отраслей попали в острейшую кризисную ситуацию. В них резко упал уровень производства, а соответственно, и уровень жизни населения. В то же время продукция добывающих отраслей, в особенности таких, как нефтяная и газовая промышленность, цветная металлургия, оказалась востребованной мировым рынком. Регионы, специализирующиеся на соответствующих отраслях, оказались в существенно лучшем положении. В особом положении оказался столичный регион.

Как известно, в условиях рыночной экономики, определяющая роль принадлежит финансовому капиталу. Поскольку основная масса банковского капитала страны (примерно 80%) локализовалась в Москве, то столичный регион получил исключительную возможность перераспределять в свою пользу значительную массу создаваемого национального дохода [6].

В исследовании Н.Н. Михеевой продемонстрировано, что еще за время экономических реформ 1990-1996 гг. произошло усиление межрегиональных различий по доходам населения и по объемам среднедушевого валового регионального продукта. Причем процессы углубления межрегиональных

различий более интенсивно происходили в сфере формирования доходов, чем производства. Увеличение показателей межрегиональной дифференциации означает, что растет разрыв между бедными и богатыми регионами. В результате анализа были выделены две группы регионов: с одной стороны, богатые и богатеющие, с другой - бедные и беднеющие. Они отличаются в зависимости от изменения отношения регионального и среднероссийского показателя. В первой группе рассматриваемые показатели превышали среднероссийский уровень в течение всего периода либо превысили средний уровень за время реформ. Во второй группе показатели ниже среднероссийского уровня в течение всего периода или это перешедшие из числа регионов с высокими показателями в число регионов с показателями ниже средних. При общем усилении дифференциации различия между группами увеличиваются, однако внутри групп наблюдается относительное сближение показателей. Развитие процесса дифференциации обусловлено увеличивающимся отрывом группы наиболее успешных регионов от основной массы [9].

По результатам исследования А.Г. Гранберга, до начала рыночных реформ межрегиональные различия среднедушевых доходов населения постепенно сглаживались, в том числе уменьшались различия между регионами, имевшими максимальный и минимальный среднедушевой доход (1970 г. – 5,1 раза, 1985 г. – 3,9 раза, 1990 г. – 3,8 раза) [3]. С начала 90-х гг. по мере ослабления государственного регулирования доходов и становления многоукладной экономики усиливалась дифференциация населения по денежным доходам, в том числе в региональном разрезе.

Среднемесячная номинальная начисленная заработная плата в целом по экономике РФ за июнь 2015 составила 35395 рублей.

На август 2015 медианная зарплата в России составляет 23548 рублей (согласно определению медианы 50 % работающих россиян зарабатывают больше этой цифры, а 50 % – меньше). При этом данная сумма включает в себя подоходный налог, работник с такой зарплатой получает на руки 20487 рублей.

Минимальный размер оплаты труда в России в 2015 году равняется 5965 рублей. При этом прожиточный минимум в целом по России за II квартал 2015 года для трудоспособного населения составляет 10792 рубля. Для ребенка – 9806 рублей.

Средняя пенсия (пенсионеры – наиболее многочисленная социальная группа людей в стране, в неё входит более 26% россиян) в России в 2015 году – 12400 рублей. Минимальная – 7235 рублей. В 2014 году - 10890 и 6354 рублей соответственно. Прожиточный минимум для пенсионеров в 2015 году – 8210 рублей.

Согласно прогнозу Минэкономразвития, реальные доходы населения в 2015-м упадут на 9 %. По оценке «ВТБ Капитал», в этом году россияне расходуют 50-55% семейного бюджета на покупку продуктов.

В 1990-е годы уровень жизни большинства населения определялся величиной заработной платы и социальных выплат. За годы проведения рыночных реформ 1990-х годов реальные доходы населения России снизились более чем в два раза до показателей 60-70-х годов, при этом произошло ухудшение большинства показателей уровня и качества жизни.

Исследователи отмечали, что уровень и структура заработной платы не обеспечивали для абсолютного большинства работающих полного или хотя бы приемлемого возмещения затраченной ими рабочей силы. По данным Госкомстата, к концу 1995 года средний уровень реальной заработной платы упал примерно до 34 % от уровня, существовавшего до начала реформ (январь 1992 г.). Академик Д. Львов приводил данные, согласно которым среднемесячная заработная плата в сопоставимых ценах в 1991 году составляла 598 рублей в месяц, а в 1998 году — только 198 рублей, то есть произошло её снижение в 3 раза. Наибольшее падение реальной заработной платы произошло в 1995 и 1998 гг.

Согласно данным Госкомстата, на конец июля 1997 года объём задолженности по выплате заработной платы, за который несло ответственность государство, составлял 11,4 трлн руб. В эту статистику не были включены данные по задолженности военным и некоторым другим категориям работ-

ников, и их включение повышало размер задолженности примерно до 20 трлн руб. Общая задолженность по зарплате на начало 1997 года (согласно данным Госкомстата) составила примерно 50 трлн руб. [20].

В 2000-х годах произошло значительное увеличение реальных доходов населения, а также снижение численности населения, живущего ниже уровня бедности (с 29 % в 2000 году до 13 % в 2009).

Медианная заработная плата в РФ значительно меньше среднеарифметической. В апреле 2013 года среднемесячная начисленная заработная плата составляла 29 453 рубля, медианная — 21 268 рублей (72,2% от средней). За полный 2014 год Росстат зафиксировал цифру средней зарплаты на уровне 32611 рублей.

По данным Boston Consulting Group, в 2006 году в России было 440000 домохозяйств с активами более 100 000 долларов, общее богатство домохозяйств увеличивается в среднем на 22,5 % в год, по итогам 2006 года составило 540 млрд долларов. 60,1 % активов российские домохозяйства держат в денежной форме (португальские — 59,5 %, чешские — 62,5 %, венгерские — 72 %) [14].

По данным «Ренессанс капитал управление инвестициями» ранее публиковавшиеся данные говорят, что в России около 7 млн. домовладений имеют доход более 30 000 долларов в год, в 2006 году их доходы выросли на 65 %, доходы домохозяйств-миллионеров росли несколько быстрее. Для богатых домохозяйств в России характерно консервативное инвестирование средств, доля рискованных инвестиций не превышает 30 % [4].

В 2007 году «Росгосстрах» опубликовал исследование доходов обеспеченных жителей России. Согласно этому исследованию, в России жило 5 млн. семей с доходом свыше 30 тыс. долларов в год. Если считать, что средний размер семьи в России составил 2,7 человека, то, следовательно, было около 13,5 млн. жителей России с высокими доходами. Семей-миллионеров было 160 тысяч, а семей с доходом свыше 5 млн. долларов — 12 тысяч. 80 % семей-миллионеров жило в Москве и Московской области. Всего обеспеченных россиян за 2006 -2007 стало больше на 60 %, заметнее остальных выросла

группа с доходом 30 -100 тысяч долларов — на 71 %, самая высокодоходная группа — с доходом свыше 5 млн долларов, увеличилась наполовину [18, с. 303-304; 19, с. 376].

В 2007 году исполнительный директор Центра развития Наталья Акиндинова утверждала, что в Московском регионе живут около 50 тысяч семей с доходом свыше миллиона долларов [20].

В 2007 году журнал Forbes утверждал, что суммарное состояние 14 самых богатых граждан России составляло 26 % ВВП страны. По данным «Forbes» на сентябрь 2007 года, суммарное состояние 100 богатейших россиян выросло за год на 36 % [4].

В 2011—2012 годах число российских долларовых миллиардеров составляет около 100 человек с совокупным состоянием \$499 млрд.

По данным на IV квартал 2009 года величина прожиточного минимума — 5144 руб./месяц. Доля населения с доходами ниже прожиточного минимума — 13,1 % (2009 г.).

По данным за три квартала 2012 года величина прожиточного минимума в РФ составляла 6643 руб./месяц. Доля населения с доходами ниже прожиточного минимума — 12,1 % (данные за январь-сентябрь 2012 г.).

Всемирный банк (ВБ) 22 сентября 2004 года представил свой «Доклад по оценке бедности» в России. По его анализу за период с 1997 по 1999 год уровень бедности в России выросла с 24,1 % населения (35,3 млн человек) до 41,5 % (60,5 млн). Затем, с 1999 по 2002 год, России удалось сократить показатель уровня бедности более чем вдвое — до 19,6 %. Безработица за это время сократилась с 13,2 до 8,2 % трудоспособного населения, а средняя зарплата выросла на 15 %.

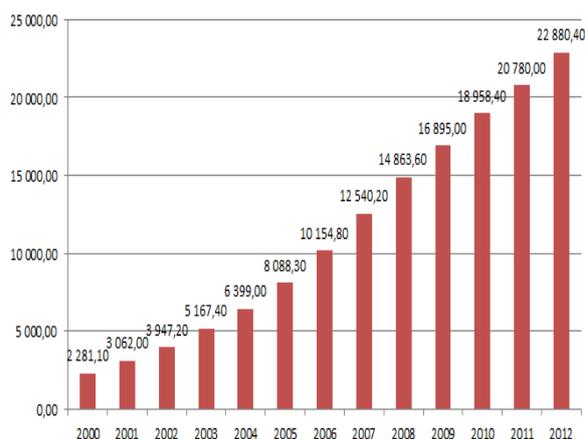
Бедные в России — это чаще всего трудоспособные жители сёл и небольших городов. Очень высока доля проживающих ниже официальной черты бедности среди работников образования, культуры и здравоохранения. При этом эксперты ВБ и российские статистики используют разные методики определения уровня бедности. Российские специалисты оценивают долю бедного населения по ежемесячным доходам.

Например, во II квартале 2004 года официальный прожиточный минимум составил 2363 руб. в месяц на человека, а доходы ниже этого уровня имели 29,8 млн человек (20,8 % населения). Всемирный банк считает эту методику не совсем корректной и предлагает оценивать бедность не по уровню доходов (о которых люди не всегда говорят правду), а по уровню потребления. Поэтому в 2002 году от бедности страдало, по оценке ВБ, 19,6 % российского населения, а по оценке российского правительства — 25 %.

По данным ВБ 8 % транспортных субсидий достаётся 20 % беднейших граждан страны, тогда как 20 % богатейших получают 30 % таких субсидий. А объём жилищных пособий, получаемых самыми богатыми, в 2,1 раза больше помощи, достигающей беднякам.

В последние годы рост доходов населения опережает рост цен. Реальные располагаемые доходы россиян в среднем существенно выросли и уже примерно соответствуют доходам жителей восточноевропейских стран. Тем не менее, в России по-прежнему наблюдается серьёзное расслоение доходов по отраслям и регионам страны. Появились отрасли с высоким и низким уровнем зарплаток, а также благополучные и неблагополучные регионы.

Динамика среднедушевых доходов населения по Российской Федерации

С 2000 г. в России наблюдается быстрый и непрерывный рост номинальных доходов населения. Среднедушевой доход в 2012 году по сравнению с 2000 годом вырос в 10 раз. На апрель 2013 года средняя зарплата россиянина достигла 28800руб.

Курс доллара к рублю за этот период практически не изменился, рублёвая инфля-

ция же составила сотни процентов. Таким образом, импортные товары (компьютеры, автомобили, поездки за рубеж) стали для россиян на порядок доступнее, тогда как отечественные товары (продукты, недвижимость, услуги) стали доступнее «всего» в 2-3 раза.

Часто можно слышать миф, согласно которому рост цен в России якобы опережает рост заработных плат и, таким образом, реальные доходы россиян только падают с каждым годом. Это не так. Реальные располагаемые доходы действительно сильно просели в «лихие девяностые», однако начиная с 2000 года доходы стабильно растут.

С начала тысячелетия не было ни одного года, когда рост цен на потребительские товары опередил бы рост заработных плат. Начиная с 2000 года реальные доходы россиян в каждом последующем году выше, чем в предыдущем (темп роста больше 100 %).

Сравнивая экономическое положение граждан в «ельцинский» и «путинский» периоды надо понимать, что тогда работу было ещё не так-то легко найти, а зарплату разоряющиеся предприятия вполне могли выплатить «натурой» или, зачастую, не выплатить вообще. Трудовой кодекс в те годы на большинстве предприятий практически не соблюдался, работа без трудовой книжки, «по-чёрному», считалась чуть ли не нормой.

Некоторые исследователи считают, что неравенство доходов населения увеличивает социальную напряженность. Однако практических доказательств этому не

наблюдается: в «равной» Европе, например, социальная напряжённость постоянно выплёскивается на улицы значительно чаще, чем в «неравной» Японии.

Самым распространённым индикатором неравенства является коэффициент Джини. Теоретически этот коэффициент может принимать значения от 0 до 100, где 0 — абсолютное равенство доходов, а 100 — абсолютное неравенство, когда все доходы страны принадлежат одному человеку. Чем выше коэффициент Джини, тем сильнее неравенство в доходах.

По данным ЦРУ наибольший коэффициент неравенства в Лесото (63), наименьший — в Швеции (23). Коэффициент Джини в России составляет 41,7, в США — 45, в Германии — 27. По данному показателю Россия занимает 85 место среди 136 стран.

Важнейшей задачей политических соперников России является расчленение нашей страны на более удобные для «сотрудничества» мелкие части. На Северном Кавказе с этой целью действует разветвленная сеть террористов-сепаратистов, требующих независимости Ичкерии, Дагестана, Кавказа и всех мусульман в целом. В Москве сепаратистов горячо поддерживает либеральная общественность, требующая продолжить распад страны, начало которому было положено в 1991 году.

В реальности по ряду причин уровень доходов в Северо-Кавказском федеральном округе является самым низким среди всех регионов России.

Лидирует по доходам населения Центральный федеральный округ. Также высокие зарплаты наблюдаются в Уральском и Дальневосточном округах [17]:

Регион	2009 год	2010 год	2011 год	2012 год
Российская Федерация	16 895,0	18 958,4	20 780,0	22 880,4
Центральный федеральный округ	21 931,1	24 689,0	27 086,9	29 574,7
Северо-Западный федеральный округ	17 389,9	19 876,8	21 231,5	23 017,1
Южный федеральный округ	12 928,7	15 113,9	16 584,0	18 388,7
Северо-Кавказский федеральный округ	11 401,7	13 294,8	15 089,4	17 131,9
Приволжский федеральный округ	13 961,9	15 853,6	17 296,4	19 467,9
Уральский федеральный округ	20 072,8	21 832,0	23 907,7	25 779,3
Сибирский федеральный округ	13 713,7	15 007,2	16 567,9	18 082,4
Дальневосточный федеральный округ	18 761,6	20 828,6	22 886,7	25 098,8

По итогам 2012 года самые высокие среднедушевые доходы в богатых природными ресурсами регионах, в Москве и в Московской области. Беднее всего живут нефтегазовые национальные республики [15].

Богатые регионы			Бедные регионы		
№	Регион	руб/мес	№	Регион	Руб/мес
1	Ненецкий авт. округ	59 414	1	Республика Калмыкия	10 032
2	Ямало-Ненецкий авт. округ	49 719	2	Республика Тыва	11 626
3	г. Москва	48 343	3	Республика Ингушетия	12 296
4	Чукотский авт. округ	43 161	4	Республика Марий Эл	12 362
5	Магаданская область	35 995	5	Республика Мордовия	12 912
6	Ханты-Мансийский авт. округ	35 871	6	Карачаево-Черкесская Республика	13 168
7	Сахалинская область	33 355	7	Кабардино-Балкарская Республика	13 410
8	Тюменская область	32 553	8	Чувашская Республика	13 470
9	Камчатский край	30 485	9	Алтайский край	13 517
10	Московская область	29 566	10	Саратовская область	13 948

Проблема неравенства доходов между регионами является важной для любой федерации. К счастью, с 2000 года ситуация с неравенством доходов в разных регионах России значительно улучшилась. Коэффициент вариации среднедушевых доходов по регионам сократился с 45-46 % до 28 % в 2011 году. Данный коэффициент показывает, в какой мере колеблются доходы в регионах относительно среднероссийского уровня. В последние годы происходит выравнивание доходов по регионам страны. По итогам 2012 года самые высокие среднедушевые доходы в богатых природными ресурсами регионах, в Москве и в Московской области. Беднее всего живут нефтяные национальные республики.

Анализ динамики реальных доходов населения по регионам показал увеличение различий с 3,5 раза в 1990 г. до 9,1 раза в 1996 г. При этом темпы снижения реальных доходов в более богатых регионах ниже, чем в бедных. Это свидетельствовало о межрегиональной дивергенции по реальным среднедушевым доходам [5].

Так же существует мнение, что фундаментальной причиной экономического неравенства является давно изученный в региональной науке процесс концентрации экономической деятельности в тех местах, которые обладают конкурентными преимуществами, что позволяет снижать издержки бизнеса. Среди таких преимуществ в «новой экономической географии», разработанной П. Кругманом, выделяются факторы «первой природы» (богатство природными ресурсами и выгодное географическое положение, снижающее транспортные издержки) и факторы «второй природы» (агломерационный эффект, высокий человеческий капитал, лучшая институциональная среда), связанные с деятельностью государства и общества [11].

Экономическая история показывает, что преимущества, особенно «первой при-

роды», не являются вечными и незыблемыми. Упрощая, можно сказать, что в раннеиндустриальную эпоху важнейшими факторами развития были обеспеченность минеральными ресурсами и географическое положение, а в постиндустриальную – человеческий капитал и институты. Поскольку роль тех или иных факторов со временем меняется (например, снижается значимость природных ресурсов и растет роль человеческого капитала и институтов), лидерами становятся другие территории с иным набором преимуществ.

Помимо смены ведущих центров роста в длительной перспективе, идет расширение зон роста вокруг существующих центров, особенно от крупных агломераций на соседние территории. В России это наиболее явно проявляется в расширении зоны роста Московской столичной агломерации. В то же время влияние богатых ресурсодобывающих регионов на своих соседей, как правило, намного слабее.

В современной России в явном виде «работают» три преимущества. Первое – агломерационный эффект, который дает экономии на масштабе, обеспечивая широкий выбор работников и рабочих мест на рынке труда, снижая транспортные расходы, позволяя более интенсивно использовать инфраструктуру и тем самым снижая издержки бизнеса (правда, до определенного предела, ведь земля, недвижимость и работники в агломерациях стоят дороже).

Второе - обеспеченность сырьевыми ресурсами, востребованными мировым рынком; в годы кризиса оно смягчило экономический спад, а в период роста обеспечивало более высокие доходы бюджетам экспортно-сырьевых регионов и занятым в этих отраслях. Проблема регионов и стран, обладающих этим преимуществом – зависимость от конъюнктуры мировых цен на сырье и полуфабрикаты (нефть, газ, металлы). Третье преимущество, проявившееся только в годы экономического роста - выгодное положение на основных путях мировой торговли, особенно приморское, поскольку большая часть экспортно-импортных грузов перевозится морем.

В советское время, за «железным занавесом», это преимущество не могло про-

явиться в полную силу. В менее явном виде крупные города и небольшие наукограды обладают преимуществом более высокого человеческого капитала, но условий для его реализации, особенно в наукоградах, пока недостаточно. Как и вся страна, регионы не отличаются хорошими институтами (нормами и правилами, снижающими транзакционные издержки деятельности экономических агентов).

Таким образом, бизнес активней всего инвестирует в территории, имеющие конкурентные преимущества, поскольку это позволяет снижать издержки и повышать доходы. В результате экономическое неравенство регионов растет вследствие объективных факторов. В настоящее время в России наблюдается концентрация экономики России в сильнейших регионах с особыми преимуществами – Москве и Тюменской области. Из 89 регионов Российской Федерации только 10 имеют практически половину суммарного валового внутреннего продукта всей страны.

Экономический «вес» слаборазвитых и слабозаселенных регионов ничтожен: даже без учета уже объединенных автономных округов, на регионы последней десятки совокупно приходится 1% российского ВВП. Самым богатым российским регионом по итогам 2009 года осталась Москва, а самым бедным - Ингушетия.

При этом разрыв между ними составил 40 раз. Если же брать за основу 10 самых богатых и 10 самых бедных регионов, то здесь картина несколько иная. Разрыв между ними за год даже несколько сократился - 3,5 до 2,8 раза. Тем не менее, бюджетная обеспеченность столицы на душу населения в три раза превышает аналогичный показатель в целом по стране, сообщает ИТАР-ТАСС со ссылкой на руководителя департамента межбюджетных отношений Минфина Л. Ерошкину [16].

Даже такой богатый регион как Москва характеризуется значительным неравенством по доходам между различными группами населения. С течением времени неравенство внутри Москвы сглаживалось, но при этом 40 % населения имеет всего 10 % от общих денежных доходов.

Кризис 2008 года более всего проявился в Москве, так как самый чувствительный к кризисным явлениям финансовый сектор сосредоточен именно там. Начавшийся в сентябре-октябре 2008 года, уже к марту 2009 года он был преодолен благодаря финансовой поддержке ЦБ России.

Кризисные явления начали оказывать влияние на денежные доходы в Новосибирской области позже чем в Москве, но ситуация исправилась одновременно с Москвой, в марте. То есть кризис влиял на доходы населения Новосибирской области в течение меньшего времени, что говорит о небольшой доле финансового рынка в Новосибирской области в отличие от ситуации в Москве.

Как угрозу экономической безопасности России необходимо выделить криминализацию хозяйственной деятельности, вызванную ростом безработицы, сращиванием части чиновников государственных органов с организованной преступностью, возможностью доступа криминальных структур к управлению определенной частью производства, ослаблением системы государственного контроля.

Преступность поразила практически все сферы хозяйственной жизни: отношения собственности; производство и распределение произведенного продукта; финансовую и банковскую деятельность, сферу государственного управления и внешнеэкономическую деятельность. Уже первый год так называемой «либерализации» экономики стал годом свободы для криминального общества. Годовой оборот теневой экономики в 1992 году возрос по сравнению с 1991 годом в 25 раз и превысил триллионный рубеж. Однако тогда удельный вес теневого сектора экономики был сопоставим с аналогичными показателями большинства стран с развитой рыночной экономикой. А к 1996 году он уже составил 45 %.

К настоящему времени рухнули последние романтические надежды либералов на возможное облагораживание «черного» рынка.

Рост зарегистрированных экономических преступлений связан не только с активизацией деятельности правоохранительных органов, но и достаточно объективно отражает общую тенденцию дальнейшей крими-

нализация финансово-хозяйственного комплекса. Как и в предыдущие годы, доминировали уклонения от налогообложения, противоправные сделки по вывозу сырьевых, энергетических и других невосполняемых ресурсов за рубеж.

Более половины (60, 3 %) уголовно наказуемых правонарушений в экономической сфере составили посягательства на собственность. Треть выявленных преступлений против государственной власти, интересов государственной службы и службы в органах местного самоуправления связана со взяточничеством.

Медлительность и незавершенность в создании механизмов контроля и защиты новых экономических отношений от криминального проникновения способствовали стремительному росту и качественному изменению экономической преступности.

По экспертным оценкам, в сфере криминального влияния находится более 40 тыс. хозяйствующих субъектов с различными формами собственности, в том числе 1,5 тысячи государственных предприятий, 4 тысячи акционерных обществ, свыше 500 совместных предприятий, 550 банков, почти 700 оптовых и розничных рынков. Ежегодно организуется и ликвидируется десятки тысяч предприятий с одноименными названиями, ложными сведениями об учредителях, владельцах, уставных фондах, что позволяет им бесконтрольно осуществлять нелегальные хозяйственные и финансовые операции, укрывать доходы от налогообложения, не возвращать кредиты и т. п.

Проблема криминализации экономики страны остается сегодня проблемой номер один. В основе процессов криминализации хозяйственной жизни в стране лежит теневая экономика, то есть система экономических отношений вне правового поля государства. Теневой финансовый капитал является экономической основой (базисом) организованной преступности.

Теневая экономика, как и любое социальное явление, имеет две стороны. С одной стороны, это создание дополнительных рабочих мест, производство продукции, оказание различного рода услуг и, в конечном счете, повышение благосостояния общества. С другой — уклонение от уплаты налогов,

отмывание капиталов, перекачивание капиталов за границу, выведение из оборота неучтенных доходов и валюты. Кроме того, конкурируя с официальной экономикой, теневая экономика, имея более высокую прибыль, оказывается более эффективной и тормозит развитие официальной экономики.

Сегодня, как представляется, выделение так называемой «теневой экономики» теряет смысл, поскольку практически криминализируется вся экономическая система, сущность которой заключается в насыщении экономических отношений общественно опасными методами и способами (как противоправными, так и не противоправными) ведения хозяйственной деятельности.

Результатом криминализации экономической системы явилось подчинение экономической политики государства специфическим экономическим интересам криминальных структур. Теневая экономика является тем стержнем, на котором сформировалась современная криминальная структура.

Важнейшим фактором, обусловившим криминализацию экономической жизни общества, является разрушение механизмов государственной власти, а также проводимая социально-экономическая политика [12, с.73-77]. Потенциальная опасность криминализации экономики объективно усиливалась также самой направленностью реформ на развитие рыночных отношений. Этапу первоначального накопления капитала неизбежно сопутствует обострение криминальных явлений в экономической жизни общества.

Несмотря на усиление активности государства в борьбе с криминалом, результаты не дают оснований для удовлетворительной оценки. Наиболее опасным является не сам темп роста различного рода экономических преступлений (как бы впечатляюще ни выглядели конкретные цифры и примеры), а переход экономической преступности в новое качество, выражающееся во все более и более реальной угрозе экономической безопасности Российской Федерации.

Говоря об экономической безопасности с точки зрения воздействия на нее криминальной экономики, необходимо обратить внимание на то, что экономическая преступность приобрела качественно новые свой-

ства. Лидеры и авторитеты криминального мира создают преступные сообщества, которые активно оказывают влияние на предприятия и организации, имеющие федеральное значение. Этим сообществам все в большей мере свойственны жесткая централизация, четкая дисциплина. Особую тревогу вызывает существование в этих сообществах таких атрибутов, как разведка и контрразведка, прекрасное техническое обеспечение и наличие отрядов боевиков, в то время как ранее эти атрибуты могли быть свойственны только государству. Это приводит к мысли, что криминальные сообщества пытаются подменить собой государство, взяв на себя его функции и вместе с ними властные полномочия. Такая тенденция чрезвычайно опасна, так как ставит под угрозу существование самого государства. Иначе говоря, проблема криминализации экономики должна рассматриваться и в качестве проблемы национальной безопасности.

Библиографический список:

1. Ветрова Т.В., Печникова А.Г. Социальные проблемы российского общества// На пути к гражданскому обществу. №1 (17). Иваново, 2015.
2. Ветрова Т.В., Потехина Е.С.. Проблемы управления экономическим неравенством// // На пути к гражданскому обществу. №1 (17). Иваново, 2015.
3. Гранберг А.Г., Основы региональной экономики 2003 г.
4. Зайцева И.А. Региональная инфраструктура и качество жизни населения: теоретические и практические аспекты. Монография/И.А. Зайцева, Ю.Е. Бобылева и др.; Международная академия наук. Архангельск, 2007.
5. Зубаревич Н. Социальная карта России: попытка прогноза.
6. Клоцвог Ф.Н., Чернова Л.С., Наумова Е.И., Оценка уровней экономического развития регионов России в сравнении с группами зарубежных стран, 2004 г.
7. Лавровский Б., Постникова Е., Вопросы Экономики №8, 2005 г.
8. Львов Д.С.. Путь в XXI век (стратегические проблемы и перспективы российской экономики).
9. Михеева Н.Н. Дифференциация социально-экономического положения регионов России и проблемы региональной политики. М: РПЭИ, 2000.
10. Потехина Е.С., Андреева О.Р. Проблемы развития инвестиционной инфраструктуры региона (на примере Ивановской области)/ Точки роста в Евразийском экономическом союзе: бизнес, инвестиции, инновации. Сборник материалов международной научно-практической конференции. В 2-х частях. Научный редактор: А.Н. Ежов. 2015.
11. Спановский С.С. Концептуальные основы исследования причин социальной напряженности./ Точки роста в Евразийском экономическом союзе: бизнес, инвестиции, инновации. Сборник материалов международной научно-практической конференции. В 2-х частях. Научный редактор: А.Н. Ежов. г. Архангельск, 2015.
12. Спановский С.С. Проблемы управления социальной напряженностью на региональном и муниципальном уровнях. Сборник материалов VI Международной научно-практической конференции «Проблемы становления, развития и модернизации гражданского общества в Российской Федерации: исторический, экономический, юридический аспекты». 17 апреля 2015 года. Архангельск- Иваново, 2015 г.
13. Krugman P.R. (1991) Geography and Trade. MIT Press, Cambridge, MA.
14. Silverman B., Yanowitch M. New Rich, New Poor, New Russia: Winners and Losers on the Russian Road to Capitalism. 2nd ed. M.E.Sharpe, 2000 г.
15. Независимый институт Социальной политики. Социальный атлас российских регионов <http://www.socpol.ru/atlas/overviews/econ/condition/index.shtml>.
16. Журнал «Общество и экономика» № 1. 2003 г. Д.э.н. В.Бобков. с. 80-92.
17. Регионы России. Социально-экономические показатели, 2014: Стат. Сб./Росстат. – М., 2014. – 900 с.
18. Российская экономика в 2006 г.
19. Российская экономика в 2007 г.
20. Территориальный орган федеральной службы государственной статистики по г. Москве - <http://moscow.gks.ru/default.aspx>.

©Ветрова Т.В., Потехина Е.С., 2015

О.Ю. Гурьева

Доктор экономических наук, профессор кафедры государственного и муниципального управления и менеджмента организации Ивановского филиала НОУ ВПО «Институт управления»

Корпоративная социальная ответственность как важнейшая современная социально-экономическая категория

В статье рассматриваются важнейшие стороны такой необходимой в современных условиях социально-экономической категории, как корпоративная социальная ответственность. Умение договариваться, сглаживать противоречия и разные интересы – одно из важнейших условий построения современных гармоничных отношений между наемным трудом, собственниками средств производства и государством. Поэтому тема корпоративной социальной ответственности отличается несомненной актуальностью и требует глубокого изучения.

Ключевые слова: корпоративная социальная ответственность, теория корпоративного эгоизма, социально-трудовые отношения, экономические и социальные интересы, работодатель, наемный работник.

В современной экономической науке распространено мнение, что корпоративная социальная ответственность (КСО) появилась в 90-х гг. прошлого века, вместе с признанием глобализации как доминирующей тенденции общемирового развития. Однако это не совсем верно. Еще в начале 70-х гг. XX в. на Западе возникла теория, объяснявшая суть взаимоотношений бизнеса и общества, основным постулатом которой стал тезис о том, что если компания не уходит от налогообложения, устанавливает приемлемый уровень заработной платы, выполняет условия по безопасности труда и защите экологии, то такая компания ведет добросовестную деловую практику, а значит, является социально ответственной.

Впервые основные положения этой теории, получившей название теории корпоративного эгоизма, представил нобелевский лауреат М. Фридман, писавший в 1971 г. в «New York Times»: «Существует одна и только одна социальная ответственность бизнеса: использовать свои ресурсы и энергию в действиях, ведущих к увеличению прибыли, пока это осуществляется в преде-

лах правил игры». Термин «социально-трудовые отношения» вошел в научный оборот и стал широко использоваться относительно недавно. Ранее, в период существования СССР, в специальной литературе данный термин не употреблялся. Однако это не означает, что социально-трудовые отношения отсутствовали, и что они не изучались. Они занимали определенное место в практической деятельности предприятий, но при этом использовались другие термины [1, с. 34-37].

Социально-трудовые отношения характеризуют экономические, психологические и правовые аспекты взаимосвязей индивидуумов и социальных групп в процессах, обусловленных трудовой деятельностью.

Другая точка зрения получила название теории просвещенного эгоизма. В ней КСО отождествлялась со спонсорством и благотворительностью как разновидностями социального инвестирования. Квинтэссенцией теории стал тезис о том, что текущее сокращение прибылей компаний за счет социально ориентированных трат создает благопри-

ятное социальное окружение, способствующее устойчивому развитию бизнеса.

За последние 10 лет международное понимание необходимости КСО и теоретическое обоснование направлений ее развития значительно продвинулись по сравнению с представленными выше взглядами. В современных условиях общественного развития трактовка концепции КСО, когда в социальную ответственность попадает все, включая способность вовремя выплачивать своим сотрудникам зарплату и вовремя платить налоги, характерна для «молодых, развивающихся рынков, недавно открывшихся (всего 10 лет назад), типа российского и китайского». Более узкая трактовка, принятая в западных компаниях, гласит, что «социальная ответственность – это способность и желание бизнеса по собственной воле заниматься вопросом, не только прямо не связанным с производством, продажей товаров и услуг, но и с благополучием общества той страны, в которой компания работает», а общество – это в том числе потребители продукции компании и сотрудники компании, а также их семьи.

Современная концепция КСО, распространенная на Западе, показывает стремление компаний добровольно и самостоятельно решать наиболее насущные проблемы общества. Например, Европейская Комиссия дает такое определение КСО: «Корпоративная социальная ответственность, по своей сути, является концепцией, которая отражает добровольное решение компаний участвовать в улучшении общества и защите окружающей среды». Рамочное определение КСО подчеркивает добровольный характер проводимых компаниями общественно ориентированных мероприятий. Профессор М. ван Марревиик из Эразмус Университета г. Роттердам (Нидерланды), одного из ведущих учебных и научных центров по изучению КСО, представляет такое определение: «КСО – это включение социальных и экологических вопросов в процесс бизнеса и его взаимодействие с заинтересованными сторонами». Добавим, что Роттердамский Эразмус Университет ведет международный исследовательский проект по разработке основ и новых измерений, способных поддержать компании в демонстрации социально ответственного способа ведения бизнеса. О заинтересован-

ности общества в результатах исследования говорит тот факт, что проект финансируется ЕС [1, с. 38].

Из представленных определений следует, что в КСО включены два направления – развитие социально-экономических отношений, частью которых являются социально-трудовые отношения, и экологическая безопасность. Включение вопросов защиты экологии произошло под влиянием различных общественных объединений и в результате многочисленных экологических катастроф, самыми известными и оказавшими наибольшее влияние на изменение политики корпораций по отношению к обществу стали:

- утечка токсичных газов на заводе по производству пестицидов компании Union Carbide в Бхопале (Индия) в 1994 г., в результате которой погибли более 22 000 человек;

- катастрофа танкера Valdez компании Exxon у берегов Аляски в 1989 г., приведшая к самому большому разливу нефти в истории Америки, пораженными оказались более 1770 км прибрежной территории, сумма штрафов компании составила 1 млрд. долларов;

- обвинения нефтяной компании Shell в нарушении прав коренного населения в долине р. Нигер на территории Нигерии, где компания Shell Nigeria добывала 80% своей нефти, кроме того, компании были предъявлены обвинения в финансировании диктаторского режима в стране.

В последнее время в понятие КСО часто включаются вопросы взаимоотношений корпораций с инвесторами и акционерами, эта тенденция особенно проявилась после скандалов с крупнейшими американскими компаниями Enron и WorldCom. Инвесторы, акционеры и общество оказались союзниками в процессе формирования и внедрения КСО. Толкование КСО как функции взаимодействия бизнеса и общества, не ограничивающимся лишь социально-трудовыми и экологическими вопросами, стремлением повышать уровень жизни лишь собственных сотрудников, становится все более популярным среди исследователей и практиков. Например, Всемирный совет по устойчивому развитию считает, что «Корпоративная соци-

альная ответственность - это приверженность бизнеса концепции устойчивого экономического развития в работе со своими сотрудниками, их семьями, местным населением, обществом в целом с целью улучшения качества их жизни». В данном определении прослеживается зависимость развития компании и улучшением качества жизни общества в целом [4, с. 18].

Председатель Societe Generale de Belgique и председатель «Европейского движения предпринимателей за социальную консолидацию» Э.Давиньон дает такое определение КСО: «Чтобы ни понималось под корпоративной социальной ответственностью, это не благотворительность и не развитие связей с общественностью. Смысл социальной ответственности – в осознанной заинтересованности бизнеса, приносящей пользу для общества в целом». В этой трактовке обращает внимание четкое противопоставление КСО и благотворительности, на первый план выходит осознание бизнесом безальтернативности движения в сторону позитивных результатов деятельности бизнеса для всего общества.

Российские исследователи КСО, финансирование деятельности которых производится частными национальными и иностранными бизнес структурами, осознающими и понимающими общемировую тенденцию усиления социальной ответственности бизнеса, также предлагают свои толкования КСО. Например, Ассоциация менеджеров России считает, что «Социальная ответственность бизнеса – это добровольный вклад бизнеса в развитие общества в социальной, экономической и экологической сферах, связанный напрямую с основной деятельностью компании и выходящий за рамки определенного законом минимума». По мысли членов Ассоциации, основными принципами КСО являются добровольность, направленность внепроизводственных мероприятий на решение проблем в различных сферах жизнедеятельности общества, сопряженность мероприятий КСО с основной деятельностью компании и больший по сравнению с действующим законодательством спектр социально ответственной деятельности.

По нашему мнению, КСО – это не абстрактная социально-экономическая категория, а вполне конкретная реакция бизнес-сообщества на происходящие изменения в трудовых коллективах, окружающем сообществе, национальном и международном развитии. Корпоративная социальная ответственность – это система добровольных взаимоотношений между работником, работодателем и обществом, направленная на совершенствование социально-трудовых отношений, поддержание социальной стабильности в трудовом коллективе и окружающем сообществе, развитие социальной и природоохранной деятельности на национальном и международном уровнях [3, с. 265].

Во-первых, КСО – это система добровольных взаимоотношений между работником, работодателем и обществом, что идентифицирует субъектов КСО. Точка зрения на органы государственной власти, не являющиеся одной из сторон в трудовых отношениях и социальном партнерстве, вполне уместна при рассмотрении этих категорий, не является актуальной при определении сторон КСО. Государство и, говоря более широко, общество в последнее время играют все более заметную роль в качественном изменении условий социально-трудовых отношений и социального партнерства. Подтверждением этому аргументу являются законодательные и нормативные акты многих стран, и Россия здесь не исключение, в области обязательного социального страхования, социального налогообложения, развития социальной сферы и местного самоуправления, ужесточения требований к рекламе и информации в СМИ, реализации различных товаров и услуг, повышения экологических нормативов.

Во-вторых, целями КСО представлены добровольное совершенствование социально-трудовых отношений в коллективе, поддержание социальной стабильности в окружающем сообществе, развитие социальной и природоохранной деятельности на национальном и международном уровнях. Отметим три институциональных направления развития КСО – трудовые коллективы, окружающее сообщество и национальный, а в некоторых случаях, международный уровень взаимодействия. Особенности развития

постиндустриального общества, эпоха высоких технологий, экономика знаний представляют бизнесу обширный организационный, экономический и технический инструментарий для реализации указанных целей.

В-третьих, в определении не указано, в каких формах может осуществляться социальная поддержка окружающего сообщества. Это сделано в связи с тем, что ряд предприятий и корпораций современной России являются градообразующими и определить, где социально направленные бизнес-проекты, приносящие доход или иной полезный эффект, а где благотворительность, невозможно. Кроме того, градообразующие предприятия являются основными плательщиками налогов в местные бюджеты, что также ориентирует на оказание социальной поддержки окружающему населению в связи с тем, что в некоторых случаях существующая система бюджетных доходов и трансфертов не в состоянии обеспечить людям социально-приемлемые условия жизнедеятельности.

В-четвертых, развитие социальной и природоохранной деятельности включает весь комплекс вопросов, оказывающих положительное влияние на поступательное развитие общества: экономический рост, решение проблем социальной сферы, продовольственную и экологическую безопасность. Особо отметим, что в природоохранной деятельности соответствующее законодательство постоянно совершенствуется, также как развиваются структуры, контролирующие выполнение природоохранных норм, и во многих случаях корпорациям экономически невыгодно нарушать экологическое законодательство, поскольку это приводит к значительным материальным потерям.

В-пятых, в определении не указан правовой охват социальных программ, соответствие их масштабов действующему законодательству. В опережении форм и методов социально направленных проектов законодательной и нормотворческой работы заключается стимулирующая функция КСО. Отсюда уточнение формы участия предприятий и корпораций в социально-экономическом развитии общества: стимулирование, а не потворствование иждивенчеству. Возможными предпочтениями при следовании концепции КСО для социально ориентирован-

ных компаний могут быть укрепление деловой репутации и имиджа компании, повышение качества менеджмента и рост инвестиционной привлекательности [3, с. 267].

Изменения происходят и в среде российских предпринимателей, для которых КСО постепенно становится все более понятной философией, включившей в себя в качестве одного из важнейших направлений социально-трудовые отношения. Отчасти такое положение спровоцировано действиями органов государственной власти, которые в последние годы стали все более навязчиво советовать руководству частных хозяйственных систем, как и на какие социальные программы лучше всего тратить средства, отказывая корпорациям в самостоятельном определении направлений непроизводственных расходов. Например, на совместном Форуме «Деловой России» и Всемирного банка, состоявшемся в июне 2014 г., отмечалось, что «внятные социальные бизнес-программы возникают только как проекты с долгосрочной выгодой, а не в результате государственных указаний, сплошь неэффективных».

Библиографический список

1. Юрьева Т.В. Социальная экономика: учеб. для студ. вузов, обучающихся по эконом. спец. М.: Дрофа, 2010. 516 с.
2. Иванова В.Н., Безденежных Т.И. Управление занятостью населения на местном уровне: учеб. пособие. М.: Финансы и статистика, 2011. 351 с.
3. Социальная политика: учебник / под общ. ред. Волгина Н.А., М.: Изд-во РАГС, 2013. 428 с.
4. Система социального партнерства: история, современность и перспектива // Право и государство. Научно - практический и информационно - аналитический ежемесячный журнал. 2012. № 4. (64). С. 12-25.
5. Некоторые особенности становления социального партнерства // Региональные проблемы трансформации экономической, политической и духовной жизни общества. Сборник статей Поволжской научной конференции. Чебоксары, 2014.

Гурьева О.Ю., 2015

В.В. Мозговенко

Магистрант кафедры социально-экономических дисциплин ФГБОУ ВО "ИВГПУ"

Оптимизация состава и структуры активов как необходимое условие эффективной деятельности предприятия

В работе рассматриваются вопросы эффективного управления активами предприятий и организаций, в частности вопросы оптимизации состава и структуры активов, принципы, этапы, системы мер, реализуемых во внутренней и внешней среде предприятия в процессе оптимизации.

Ключевые слова: активы предприятия, состав активов, структура активов, процесс оптимизации, эффективность активов.

Активы (от лат.: *aktivus* - деятельный) отражают в стоимостном выражении все имущество предприятия, представленное как материальные, нематериальные и финансовые ценности и имущественные права, с точки зрения его состава и размещения. Роль активов в деятельности предприятия очень велика. Только производственная форма капитала, то есть активы, способны реализовать саму идею и миссию создания и функционирования предприятия как бизнес-единицы. Отсюда следует исключительная важность эффективного управления активами, обеспечивающего достижение максимального производственного и финансового результата деятельности хозяйствующего субъекта.

Главной целью управления активами предприятия является получение максимальной прибыли при разумном распределении денежных средств собственника или инвестора. Процесс управления активами довольно сложен и включает в себя решение множества задач, важнейшей из которых является оптимизация состава и структуры активов.

Процесс оптимизации состава и структуры активов направлен на обеспече-

ние полного полезного использования отдельных видов активов и на повышение операционной прибыли и предполагает учет таких особенностей деятельности, как отраслевая принадлежность предприятия, средняя продолжительность операционного цикла, оценка различных видов активов.[1]

Оптимизации состава и структуры активов предприятия предполагает использование ряда принципов:

- ✓ принципа оптимизации соотношения совокупных размеров внеоборотных и оборотных активов предприятия, используемых в процессе его операционной деятельности;
- ✓ принципа оптимизации соотношения между активной и пассивной частью внеоборотных активов;
- ✓ принципа оптимизации соотношения трех основных видов оборотных активов - суммы запасов товарно-материальных ценностей; суммы дебиторской задолженности; суммы денежных активов.[4]

Осуществление оптимизация состава и структуры активов нацелено на обеспечение наилучших условий производственно-

коммерческой деятельности при высоком уровне ликвидности.

Процесс оптимизации состава и структуры активов предприятия включает:

1. Учет перспектив развития производственной деятельности предприятия и ее региональной диверсификации. Важнейшим условием при этом является учет экономической стратегии развития предприятия и ближайших целей его деятельности.

2. Обеспечение соответствия состава активов структуре производства и сбыта продукции. В связи с тем, что многие виды активов непосредственно формируются с учетом специфики отдельных видов продукции, в процессе формирования их состава должны быть учтены перспективные изменения номенклатуры продукции.

3. Выбор наиболее прогрессивных видов активов с позиций их способности генерирования прибыли и обеспечения повышения рыночной стоимости предприятия. Современный рынок средств и предметов производства, а также финансовый рынок предлагают для формирования активов предприятия ряд альтернативных объектов и инструментов. В процессе их конкретного выбора следует при прочих равных условиях учитывать их перспективность, производительность, устойчивость к моральному износу, многофункциональность и ряд других особенностей, определяющих их способность генерировать высокий уровень прибыли и позитивно влиять на рост рыночной стоимости предприятия.[5]

4. Обеспечение оптимальности состава активов с точки зрения их совокупной оборачиваемости. В значительной степени размер прибыли на вложенный капитал зависит от

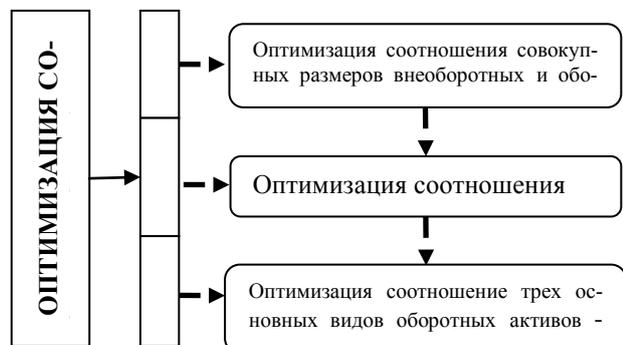

Рисунок 1. Основные этапы оптимизации состава активов предприятия

скорости обращения активов. При различной скорости обращения отдельных видов активов в процессе оптимизации их состава следует при прочих равных условиях отдавать предпочтение тем их видам, которые имеют наиболее высокую оборачиваемость.

5. Обеспечение оптимальности состава активов с позиций достаточной их ликвидности. Ликвидность активов - важнейшее условие поддержания платежеспособности предприятия и предупреждения угрозы его банкротства. Оптимизации состава активов должна обеспечивать достаточную долю высоколиквидных их видов.

6. Обеспечение оптимальности состава активов с позиций минимизации риска их потерь в процессе использования. В процессе функционирования различные виды активов в разной степени подвержены риску потерь. Так, денежные активы теряют свою стоимость в процессе инфляции; активы в форме запасов товарно-материальных ценностей теряют свою стоимость от естественной убыли и порчи; активные виды производственных основных фондов и нематериальных активов теряют свою стоимость в процессе морального износа и т.п. Поэтому в процессе оптимизации состава активов следует минимизировать совокупный риск их потерь.[3]

Оптимизация состава и структуры активов предприятия направлена с одной стороны на обеспечение предстоящего полного полезного использования отдельных их видов, а с другой - на повышение совокупной потенциальной их способности генерировать операционную прибыль. На рисунке 1 представлены основные этапы оптимизации состава активов предприятия.

На первом этапе оптимизируется соотношение совокупных размеров внеоборотных и оборотных активов предприятия, используемых в процессе его операционной деятельности.

На втором этапе оптимизируется соотношение между активной и пассивной частью внеоборотных активов. К активной части внеоборотных активов относятся машины, механизмы и оборудование, непосредственно задействованные в производственном технологическом. К пассивной части внеоборотных операционных

активов относятся здания и помещения; машины и оборудование, используемые в процессе управления операционной деятельностью; нематериальные активы, обслуживающие операционный процесс.

На третьем этапе оптимизируется соотношение трех основных видов оборотных активов - суммы запасов товарно-материальных ценностей; суммы дебиторской задолженности; суммы денежных активов [4].

Для оценки результатов оптимизации соотношения оборотных и внеоборотных активов используется такой показатель как коэффициент маневренности активов, который рассчитывается по следующей формуле:

$$KM = OA/A,$$

где KM - коэффициент маневренности активов предприятия;

OA - сумма оборотных активов предприятия;

A - общая сумма всех сформированных активов предприятия. [5]

Оптимизация состава и структуры операционных внеоборотных активов предприятия осуществляется с учетом вскрытых в процессе анализа возможных резервов повышения производственного использования операционных внеоборотных активов в предстоящем периоде.

К числу основных резервов можно отнести: повышение производительного использования операционных внеоборотных активов во времени за счет прироста коэффициентов сменности и непрерывности работы и повышение производительного использования операционных внеоборотных активов по мощности за счет роста производительности отдельных их видов в пределах предусмотренной технической мощности. [2]

В процессе оптимизации общего объема операционных внеоборотных активов из их состава исключаются те виды, которые не участвуют в производственном процессе по различным причинам. Принципиальную формулу определения необходимого общего объема операционных внеоборотных активов предприятия в предстоящем периоде можно представить следующим образом:

$$OПова = (Свак - Сванп) \times (1 + \DeltaКив) \times (1 + \DeltaКим) \times (1 + Торп),$$

где OПова - общая потребность предприятия в операционных внеоборотных активах в предстоящем периоде;

Свак - стоимость используемых предприятием операционных внеоборотных активов на конец отчетного периода;

Сванп - стоимость операционных внеоборотных активов предприятия, не принимающих непосредственного участия в производственном процессе, на конец отчетного периода;

$\DeltaКив$ - планируемый прирост коэффициента использования операционных внеоборотных активов во времени;

$\DeltaКим$ - планируемый прирост коэффициента использования операционных внеоборотных активов по мощности;

Торп - планируемый темп прироста объема реализации продукции, выраженный десятичной дробью. [3]

Оптимизация состава и структуры оборотных активов должна исходить из избранного типа политики формирования оборотных активов, обеспечивая заданный уровень соотношения эффективности их использования и риска.

Процесс оптимизации объема оборотных активов на этой стадии состоит из трех основных этапов:

1. С учетом результатов анализа оборотных активов в предшествующем периоде определяется система мероприятий по реализации резервов, направленных на сокращение продолжительности операционного, а в его рамках - производственного и финансового циклов предприятия. При этом сокращение продолжительности отдельных циклов не должно приводить к снижению объемов производства и реализации продукции.

2. На основе избранного типа политики формирования оборотных активов, планируемого объема производства и реализации отдельных видов продукции и вскрытых резервов сокращения продолжительности операционного цикла (в разрезе отдельных его стадий) оптимизируется объем и уровень отдельных видов этих активов. Средством такой оптимизации вы-

ступает нормирование периода их оборота и суммы.

3. Определяется общий объем оборотных активов предприятия на предстоящий период:

$$OA = ZC + ZG + DZ + DA + P,$$

где OA - общий объем оборотных активов предприятия на конец рассматриваемого предстоящего периода;

ZC - сумма запасов сырья и материалов на конец предстоящего периода;

ZG - сумма запасов готовой продукции на конец предстоящего периода (с включением в нее пересчитанного объема незавершенного производства);

DZ - сумма дебиторской задолженности на конец предстоящего периода;

DA - сумма денежных активов на конец предстоящего периода;

P - сумма прочих видов оборотных активов на конец предстоящего периода.[3]

Достижение оптимальности состава и структуры активов предприятия является одним из важнейших условий достижения эффективности его деятельности и критерием качества управления активами.

Для повышения эффективности использования внеоборотных и оборотных активов предприятия необходима разработка целой системы мер, реализуемых как во внутренней, так и во внешней среде предприятия. Эти меры должны охватывать практически все стадии производственно-хозяйственного процесса, затрагивать все аспекты его функционирования: технологические, конструктивные, научно-технические, организационные, плановые, учетные, мотивационные и прочие.

К сожалению, современные российские предприятия не всегда реализуют комплексный подход в сфере управления активами, ограниченно используют возможности интеллектуального управления производством в реальном времени (Real-TPI), а именно программные решения, позволяющие конструировать и использовать оптимизационные модели, учитывающие изменения во внешней и внутренней среде предприятия и формулировать управленческие решения, позволяющие

достигать поставленных целей в краткосрочной перспективе. [1]

Управление активами предприятия требует глубокого знания и понимания их экономической природы, процессов и задач их функционирования, оно может быть эффективным и привести к успешному достижению целей только при грамотном и адекватном применении современных управленческих технологий и инструментов.

Библиографический список:

1. Андреева О.Р., Зайцева И.А., Шутенко В.В. Выбор приоритетных направлений инновационного развития социальной сферы на основе использования метода анализа иерархий // Современные наукоемкие технологии. Региональное приложение. 2013. № 4(36)
2. Андреева О.Р., Зайцева И.А. Оценка состояния и развития социальной инфраструктуры // Сборник научных трудов вузов России «Проблемы экономики, финансов и управления производством». 2009. № 29. С. 99-107.
3. Бланк И.А. Финансовый менеджмент: Учебный курс. - К.: Ника-Центр, Киев, 2007г. - 527 с.
4. Зосимова Л.А. Регулирование торговой деятельности на уровне муниципального образования с использованием ресурсного потенциала. Диссертация на соискание ученой степени кандидата экономических наук / Российский государственный торгово-экономический университет. Москва, 2011.
5. Петров А., Скоморохин А. Управление активами и создание стоимости компании Управлением компанией. 2004. №11.

©Мозговенко В.В., 2015

А.Г. Печникова

Кандидат экономических наук, доцент кафедры экономики
Ивановского филиала НОУ ВПО «Институт управления»

Изменения законодательства, регулирующего деятельность субъектов малого бизнеса

В статье освещены основные изменения, которые внесены в действующее законодательство, регулирующее деятельность и поддержку субъектов малого и среднего предпринимательства.

Ключевые слова: предпринимательство, малый бизнес, субъекты малого и среднего предпринимательства, критерии, законодательство.

Предпринимательство подразумевает самостоятельную рисковую деятельность физического или юридического лица, основной целью которой является систематическое получение и максимизация прибыли за счёт производства и продажи товаров, выполнения разного рода работ и оказания услуг. Эффективность предпринимательской деятельности оценивается на основе процентного роста прибыли за определённый период времени.

Малый бизнес представляет собой мобильную совокупность юридических и физических лиц, не являющихся составной частью монополистических структур и играющих по сравнению с ними второстепенную роль в экономике государства. В узком смысле малый бизнес представляет собой коммерческое частное предприятие, отвечающее индивидуальным для каждого государства и отрасли критериям, прописанным в соответствующих регламентирующих документах.

Деятельность субъектов малого и среднего предпринимательства в России регулируется Федеральным законом № 209-ФЗ «О развитии малого и среднего предпринимательства в Российской Федерации», в котором указаны критерии

отнесения предприятия к малому предпринимательству, полномочия органов государственной власти всех уровней по вопросам развития субъектов малого и среднего предпринимательства, а так же формы, условия и порядок поддержки субъектов малого и среднего предпринимательства.

Согласно Федеральному закону «О развитии малого и среднего предпринимательства в Российской Федерации» к субъектам малого и среднего предпринимательства относятся внесенные в единый государственный реестр юридических лиц потребительские кооперативы и коммерческие организации (за исключением государственных и муниципальных унитарных предприятий), а также физические лица, внесенные в единый государственный реестр индивидуальных предпринимателей и осуществляющие предпринимательскую деятельность без образования юридического лица, крестьянские (фермерские) хозяйства, для которых должен выполняться ряд следующих условий:

- юридические лица должны быть внесены в ЕГРЮЛ, индивидуальные предприниматели - в ЕГРИП;
- должны выполняться особые

требования к структуре уставного капитала юридических лиц;

- средняя численность работников за предшествующий календарный год не должна превышать от 101 до 250 человек включительно для средних предприятий и до 100 человек включительно для малых предприятий, среди малых предприятий выделяются микропредприятия - до 15 человек;

- выручка от реализации товаров (работ, услуг) не должна превышать предельные значения, установленные Правительством РФ для каждой категории субъектов малого и среднего предпринимательства [5].

В законодательство постоянно вносятся изменения. Так, например, план по развитию бухгалтерского учета и отчетности в Российской Федерации направлен на повышение качества информации, формируемой в бухгалтерском учете и отчетности, и обеспечение гарантированного доступа к ней заинтересованным пользователям, совершенствование бухгалтерского и аудиторского образования [4].

Цель вносимых изменений в законодательство, регулирующее деятельность субъектов малого бизнеса, улучшить состояние экономики.

Два из выше перечисленных критерий (условий) отнесения физических и юридических лиц к субъектам малого и среднего предпринимательства были изменены, благодаря чему число субъектов малого бизнеса увеличилось. Новшества были внесены двумя документами.

Федеральный закон от 29.06.2015 № 156-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации по вопросам развития малого и среднего предпринимательства в Российской Федерации» изменил размер доли учредителей в организации.

Ранее к субъектам малого и среднего предпринимательства относились юридические лица, в уставном капитале которых:

- суммарная доля участия Российской Федерации, субъектов РФ, муниципальных образований, иностранных юридических

лиц, общественных и религиозных организаций (объединений), благотворительных и иных фондов не превышала 25%;

- суммарная доля участия иностранных юридических лиц, суммарная доля участия, принадлежащая одному или нескольким юридическим лицам, не являющимся субъектами малого и среднего предпринимательства, не превышала 25% каждая [1; 2].

С 30.06.2015 года суммарная доля участия иностранных юридических лиц и юридических лиц, не являющихся субъектами малого и среднего предпринимательства в уставном капитале субъектов малого и среднего предпринимательства не должны превышать 49% каждая. Если доля участия, принадлежавшая нескольким юридическим лицам, возрастет, например, с 25 до 35%, статус субъекта малого предпринимательства организация не утратит в силу вышесказанного. Однако, право на применение специального режима в виде единого налога на вмененный доход (ЕНВД) может потерять, поскольку организации, в которых доля участия других организаций составляет более 25%, не вправе переходить на уплату единого налога на основании пп. 2 п. 2.2 ст. 346.26 Налогового кодекса Российской Федерации (НК РФ). В соответствии с НК РФ, если по итогам налогового периода допущено нарушение указанного требования, налогоплательщик считается утратившим право на применение системы налогообложения в виде ЕНВД и перешедшим на общий режим налогообложения с начала налогового периода, в котором было нарушено упомянутое требование [6].

Указанное ограничение не распространяется на хозяйственные общества, хозяйственные партнерства, деятельность которых заключается в практическом применении (внедрении) результатов интеллектуальной деятельности, исключительные права на которые принадлежат учредителям (участникам) соответственно таких хозяйственных обществ, хозяйственных партнерств - бюджетным, автономным научным учреждениям либо являющимся бюджетными учреждениями, автономными учреждениями, образовательным организациям

высшего образования, на юридические лица, учредителями (участниками) которых являются юридические лица, включенные в утвержденный Правительством РФ Перечень юридических лиц, предоставляющих государственную поддержку инновационной деятельности в формах, установленных Федеральным законом от 23.08.1996 № 127-ФЗ "О науке и государственной научно-технической политике" [6].

Статусом субъекта малого бизнеса наделены юридические лица, получившие статус участника проекта в соответствии с Федеральным законом от 28.09.2010 № 244-ФЗ "Об инновационном центре «Сколково», вне зависимости от доли участия в уставном (складочном) капитале таких организаций иных юридических лиц (как иностранных, так и российских).

Федеральным законом № 156-ФЗ суммарная доля участия Российской Федерации, субъектов РФ, благотворительных и иных фондов, иностранных юридических лиц в уставном (складочном) капитале юридического лица оставлена на уровне 25%.

Постановление Правительства РФ от 13.07.2015 № 702 изменило предельные значения выручки от реализации товаров (работ, услуг) за предшествующий календарный год без учета налога на добавленную стоимость для всех категорий субъектов малого и среднего предпринимательства. С 25 июля 2015 года данный показатель составляет для:

- микропредприятия - 120 млн. рублей;
- малые предприятия - 800 млн. рублей;
- средние предприятия - 2 млрд. рублей [3].

Данные ограничения распространяются не только на юридических лиц, но и на индивидуальных предпринимателей.

До 30.06.2015 предельные значения выручки от реализации товаров (работ, услуг) и балансовой стоимости активов устанавливались один раз в пять лет с учетом данных сплошных статистических наблюдений за деятельностью субъектов малого и среднего предпринимательства.

С июля 2015 года согласно Федеральному закону № 209-ФЗ выручка

от реализации товаров (работ, услуг) за календарный год определяется в порядке, установленном Налоговым кодексом Российской Федерации. Балансовая стоимость активов (остаточная стоимость основных средств и нематериальных активов) определяется в соответствии с законодательством Российской Федерации о бухгалтерском учете.

Это сделано во исполнение Плана первоочередных мероприятий по обеспечению устойчивого развития экономики и социальной стабильности в 2015 году, утвержденного Распоряжением Правительства РФ от 27.01.2015 № 98-р. Данная поправка позволит Правительству РФ своевременно принимать решения в отношении предельных значений выручки от реализации товаров (работ, услуг) для каждой категории субъектов малого бизнеса в целях учета изменений в экономической конъюнктуре в стране.

Изменен период, в течение которого должны изменяться показатели, используемые для сравнения с предельными значениями, чтобы изменить категорию субъекта малого бизнеса.

В настоящее время категория субъекта малого или среднего предпринимательства изменяется только в случае, если предельные значения выручки и средней численности работников выше или ниже предельных значений в течение трех вместо двух календарных лет, следующих один за другим.

В Федеральный закон № 209-ФЗ введены две новые статьи: 25.1 «Корпорация развития малого и среднего предпринимательства» и 25.2 «Особенности управления корпорацией развития малого и среднего предпринимательства» [5].

Корпорация развития малого и среднего предпринимательства осуществляет свою деятельность в качестве института развития в сфере малого и среднего предпринимательства в целях координации оказания субъектам малого и среднего предпринимательства поддержки, предусмотренной Федеральным законом № 209-ФЗ.

Корпорация развития малого и среднего предпринимательства вправе предоставлять субъектам малого и среднего предпри-

нимательства услуги в целях оказания поддержки субъектам малого и среднего предпринимательства через создаваемые многофункциональные центры предоставления государственных и муниципальных услуг, с использованием единого и региональных порталов государственных и муниципальных услуг, а также других средств информационно-телекоммуникационных технологий, созданных для предоставления государственных и муниципальных услуг в электронной форме.

Ежегодный отчет корпорации развития малого и среднего предпринимательства об исполнении ежегодной программы деятельности утверждается советом директоров корпорации развития малого и среднего предпринимательства не позднее 1 июля года, следующего за отчетным годом, и направляется Президенту Российской Федерации, в Государственную Думу Федерального Собрания Российской Федерации, Совет Федерации Федерального Собрания Российской Федерации, Правительство Российской Федерации до 1 августа года, следующего за отчетным годом [1].

Кроме выше перечисленного расширены полномочия органов государственной власти субъектов РФ по вопросам развития малого и среднего предпринимательства. К ранее установленным полномочиям добавлены:

- организация и осуществление в установленном Правительством РФ порядке оценки соответствия проектов планов закупки товаров, работ, услуг, проектов планов закупки инновационной продукции, высокотехнологичной продукции, лекарственных средств, проектов изменений, вносимых в такие планы, конкретных заказчиков, определенных Правительством РФ в соответствии с Федеральным законом № 223-ФЗ "О закупках товаров, работ, услуг отдельными видами юридических лиц", требованиям законодательства РФ, предусматривающим участие субъектов малого и среднего предпринимательства в закупке;

- организация и осуществление в установленном Правительством РФ порядке мониторинга соответствия планов закупки товаров, работ, услуг, планов закупки инновационной продукции, высокотехнологичной

продукции, лекарственных средств, изменений, внесенных в такие планы, годовых отчетов о закупке у субъектов малого и среднего предпринимательства, годовых отчетов о закупке инновационной продукции, высокотехнологичной продукции (в части закупки у субъектов малого и среднего предпринимательства) отдельных заказчиков, определенных Правительством РФ в соответствии с Федеральным законом № 223-ФЗ, требованиям законодательства РФ, предусматривающим участие субъектов малого и среднего предпринимательства в закупке.

Установлена новая обязанность для субъектов малого и среднего предпринимательства, а также для организаций, образующих инфраструктуру поддержки субъектов малого и среднего предпринимательства, - получателей поддержки: они обязаны ежегодно представлять в оказывающие поддержку федеральные органы исполнительной власти, органы исполнительной власти субъектов РФ, органы местного самоуправления, в корпорацию развития малого и среднего предпринимательства информацию о результатах использования полученной поддержки. Состав указанной информации, сроки, порядок и форма ее представления будут установлены [5].

Таким образом, в действующее законодательство, регулирующее деятельность субъектов малого и среднего предпринимательства, внесены следующие изменения:

- увеличена суммарная доля участия иностранных юридических лиц, суммарная доля участия, принадлежащая одному или нескольким юридическим лицам, не являющимся субъектами малого и среднего предпринимательства;

- предельные значения выручки от реализации товаров (работ, услуг) для всех категорий субъектов малого бизнеса увеличены в два раза;

- в Федеральный закон № 209-ФЗ введено новое понятие – «корпорация развития малого и среднего предпринимательства» и установлены принципы работы данного института развития в сфере малого и среднего предпринимательства;

- расширены полномочия органов государственной власти субъектов РФ по во-

просам развития малого и среднего предпринимательства;

- субъекты малого и среднего предпринимательства и организаций, образующих инфраструктуру поддержки субъектов малого и среднего предпринимательства, обязаны ежегодно представлять в оказывающие поддержку органы исполнительной власти всех уровней, в корпорацию развития малого и среднего предпринимательства информацию о результатах использования полученной поддержки.

Данные изменения должны способствовать устойчивому развитию экономики и социальной стабильности. Правительство РФ рассчитывает, что повышение пороговых значений выручки для отнесения организаций к малому или среднему предпринимательству расширит участие малых и средних предприятий в государственных и муниципальных программах поддержки малого и среднего бизнеса.

Субъекты малого бизнеса имеют ряд льгот, в том числе возможность вести бухгалтерский учет в упрощенном порядке и представлять упрощенную бухгалтерскую отчетность, а значит, большее количество организаций смогут воспользоваться данными послаблениями. Кроме того, с 2016 года на три года вводится режим «надзорных каникул» для субъектов малого предпринимательства. Он предполагает установление запрета на проведение плановых проверок органами государственного и муниципального контроля.

Библиографический список:

1. Федеральный закон от 24.07.2007 № 209-ФЗ (ред. от 29.06.2015) «О развитии малого и среднего предпринимательства в

Российской Федерации» // «Собрание законодательства РФ», 30.07.2007, N 31, ст. 4006.

2. Федеральный закон от 29.06.2015 № 156-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации по вопросам развития малого и среднего предпринимательства в Российской Федерации» // «Собрание законодательства РФ», 06.07.2015, N 27, ст. 3947.

3. Постановление Правительства РФ от 13.07.2015 № 702 «О предельных значениях выручки от реализации товаров (работ, услуг) для каждой категории субъектов малого и среднего предпринимательства» // "Собрание законодательства РФ", 20.07.2015, N 29 (часть II), ст. 4500.

4. Печникова, А.Г., Церулева, А.Д. Современные тенденции развития бухгалтерского учета / А.Г. Печникова, А.Д. Церулева // Современные наукоемкие технологии и перспективные материалы текстильной и легкой промышленности (Прогресс): сборник материалов международной научно-технической конференции - 2013. - № 2 (1). - С. 247-248.

5. Петрова Н.А. Новые критерии для субъектов малого бизнеса [Электронный ресурс] // Упрощенная система налогообложения: бухгалтерский учет и налогообложение. - 2015. - № 8. - Режим доступа: www.consultant.ru/

6. Фирфарова Н.В. Субъектам малого предпринимательства об изменениях в законодательстве [Электронный ресурс] // Единый налог на вмененный доход: бухгалтерский учет и налогообложение. - 2015. - № 4. - Режим доступа: www.consultant.ru/

©Печникова А.Г., 2015